Павел Ивлиев

ТРОЯНСКИЙ ЛАБИРИНТ

МОСКВА
2008

УДК 82-3
ББК 84(2 Рос-Рус)6-4
Г657

Павел Ивлиев / Е.П. Гончарук
Троянский лабиринт — М.: «Оптима», 2008. — 336 с.

Похищение прекрасной Елены троянским царевичем Парисом; царь Илиона Приам и его пятьдесят сыновей; поединок благородного Гектора и быстроногого Ахиллеса; и, наконец, гибель Трои в результате хитроумного плана Одиссея, — всё это пока из области легенды. Нет никакой возможности проверить, есть ли во всём этом реальное историческое зерно. И всё же в главном гомеровский эпос не противоречит фактам, известным науке из письменных и археологических источников. Однако действительность наверняка была куда более грозной, чем об этом мог подозревать автор бессмертной «Илиады».

Перед вами абсолютно вымышленная история, аккуратно вплетённая в канву легендарных событий трёхтысячелетней давности. Используя известный современной науке археологический фон и мотивы древних мифов, автор попытался возродить дух далёкой эпохи. В общем — это оригинальная версия великих, и не очень, деяний гомеровских героев накануне Троянской войны. Книга написана в стиле исторического детектива с элементами фэнтэзи.

ISBN 5-9527-0352-8

ТРОЯНСКИЙ ЛАБИРИНТ

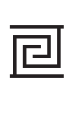

Моей прекрасной Пенелопе

Глава первая

ВЫСАДКА

На невысоком холме, один склон которого круто обрывался к морю, а противоположный, густо заросший жестким колючим кустарником, полого скатывался к берегу небольшой, но глубокой реки, сидел одинокий путник. Он задумчиво глядел вдаль, туда, где в последних лучах заходящего за высокие горы Закинфа Гелиоса ещё был виден удаляющийся парус. Высадив нашего героя в устье реки Алфей, на северо-западе Пелопоннеса, его спутники поспешили в обратный путь. Воспользовавшись попутным течением и лёгким бризом, на короткое время заката перехватившим инициативу у северного ветра, они торопились ещё засветло обогнуть рифы у мыса Фея.

Осанка и могучий торс выдавали недюжинную силу незнакомца, который сидел на красном с лиловым отливом плаще. Рядом, в траве, лежал видавший виды рапирообразный бронзовый меч. Он был вложен в богато инкрустированные, но тоже изрядно потёртые ножны. Всё это, как и кожаный, с высоким султаном шлем, покрытый тремя рядами пластин из клыков дикого кабана, красноречиво говорило о знатном, возможно, даже царском происхождении их владельца. Напротив, руки путника были грубы и мозолисты, очевидно, им были не чужды не только рукоять меча, но и плуг землепашца, и плеть пастуха. Незнакомец в задумчивости остругивал тонкий ивовый прут, скрупулезно пытаясь одинаково заострить его со всех сторон. Однако занятие это явно не ладилось. То ли мешали мысли, то ли взор, рассеянно блуждающий по горизонту, никак не мог сосредоточиться на незатейливой работе. Проведя в очередной

раз лезвием узкого, как стилет, кинжала по дереву, незнакомец слегка поморщился и отбросил ветку. На ладони алел след свежего пореза.

— Демон!.. Однако какое прекрасное железо куют эти халибы, — пробормотал он довольно отчётливо вслух, — так недолго и палец отхватить.

Борей, господствующий над ветрами у западных берегов Эллады, неожиданно быстро пригнал старый тридцативёсельник нашего героя к берегам Мессении. До темноты, когда по уговору должна была появиться высланная ему навстречу колесница, оставалось ещё достаточно времени. Басилевс[1] Итаки Одиссей, а это был именно он, спешил в Микены по срочному вызову пастыря народов царя Агамемнона для участия в расследовании обстоятельств похищения его невестки — спартанской царицы Елены. Тем не менее наш герой все же решил сделать небольшой крюк и, воспользовавшись давним приглашением, заехать в столицу Мессении, песчаный Пилос. Её правитель мудрый Нестор, всегда прекрасно осведомлённый о том, что происходит при микенском дворе, возможно, мог бы пролить свет на некоторые детали происшествия, так взбудоражившего весь ахейский мир.

Вот уже пять лет минуло с тех пор, как в числе лучших женихов Эллады Одиссей сватал прекрасную Елену. Тогда, вовремя поняв, что эта легкомысленная девица не его поля ягода, он предпочёл ей её двоюродную сестру, рассудительную Пенелопу. Пять безоблачных лет герой наслаждался счастьем семейной жизни и воспитанием малолетнего сына. Всё это время он не появлялся в Микенах, из-за чего изрядно поотстал от столичной жизни.

---

[1] Басилевс — правитель.

Правитель Итаки встал, растёр затёкшие ноги, поднял оружие и накинул плащ. Взглянув последний раз на удаляющийся парус, он вздохнул, как бы расставаясь со спокойной жизнью, и стал не спеша спускаться с холма.

«Не понимаю! Зачем Агамемнон вызывает меня? — размышлял Одиссей. — Его посланник Паламед изложил дело так, что не остаётся никаких сомнений, кто и зачем похитил царицу. Что, в таком случае, может изменить моё расследование? Судя по всему, Атрида полностью устраивает троянская версия. Ведь он так долго искал повод к войне с Илионом и вдруг — такой поворот событий. Троянский царевич Парис-Александр, присланный в Спарту заключить долгожданный для Илиона мир, нарушив все приличия и законы гостеприимства, соблазняет и крадет его невестку. Для амбициозного властителя Микен это просто подарок судьбы. Ведь все бывшие женихи Елены, в том числе и я, связаны клятвой защищать с оружием в руках честь и достоинство её мужа, брата царя — Менелая. И вот этот день настал. Елена пропала вместе с Парисом. Более того, в момент похищения произошло несколько убийств, исчезли рабы и слуги царицы, украдена казна, и ограблен дворец. Греки возмущены, они требуют царского расследования. Если подтвердится вина троянца, то лучшего повода к войне просто не найти. Это всё, что мне пока известно. Признаться, не густо. Что ж, попытаемся разложить эти скудные сведения по полкам и наметить возможные версии происшедшего…»

Одиссей с детства любил решать запутанные задачи. Он давно осознал: каким бы мудреным ни казался клубок проблем, у него всегда есть начало и конец. Ведь запутал его человек, а значит, и распутать можно. Просто найди кончик нити, потяни за него —

глядишь, он и раскрутится. Для начала необходимо «выйти из проблемы» и взглянуть на неё со стороны, как бы повертеть в руках моток пряжи. Затем надо внимательно рассмотреть все возможные версии, то есть обнаружить и упорядочить все торчащие наружу или припрятанные концы. Потом известные детали, улики и обстоятельства надо уложить в лоно версий, как бы нанизать бусинки на высунутые из клубка нити. Глядишь, и отыщется та, что потяжелей, за неё и нужно тянуть. Однако здесь очень важно не ошибиться, огульно не отвергать оставшиеся варианты. Ведь груз улик и деталей может кто-нибудь подсунуть, заставляя тебя дёрнуть нужную ему нить, чтобы затянуть узел ещё сильней, а то и вовсе оборвать конец.

«...Итак, Агамемнон просит меня немедля приехать и возглавить следствие. Что ему нужно? Безусловно, моя репутация человека способного распутать любое преступление. Он уверен, что ахейцы поверят мне безоговорочно. Если вина Париса подтвердится, появится прекрасный повод начать войну, к которой Атрид стремился всю свою жизнь. Это ясно».

Одиссей зло пнул небольшой, лежащий на тропинке камень. Он легко представил себе текст обращения, которое царские глашатаи будут зачитывать на рыночных площадях ахейских городов: «Правитель *многозлатой Микены*[1] венценосный ванак[2] Агамемнон сын Атрида призывает всех греков отомстить вероломным троянцам, кощунственно нарушившим законы гостеприимства, и объявляет Илиону священную войну...»

[1] Здесь и далее курсивом выделены эпитеты и речевые обороты гомеровских поэм в переводах Н. Гнедича и В. Жуковского.

[2] Ванак — один из титулов правителя в ахейской Греции.

«Нечего сказать — идеальный сценарий, — размышлял он далее, — начнётся война, Микены станут центром ахейского военного союза, а басилевс Агамемнон — предводителем общегреческого войска. Стоп! А что, если… Атрид сам подстроил похищение, а мне уготовил лишь роль марионетки? Нет… сомнительно, ведь царь прекрасно меня знает. Конечно, отказаться от его поручения, к тому же утверждённого советом геронтов[1], я не могу, однако докопаюсь до истины во что бы то ни стало. Он это прекрасно понимает. Значит, Агамемнон всё-таки не сомневается в вине Париса, то есть сам к похищению скорее всего не причастен. Если это так, то следует признать, что боги благоволят потомку Атрея и его честолюбивым планам. С другой стороны, зная ветреный характер Елены, можно предположить, что она сама спровоцировала похищение. Но на что, в таком случае, она рассчитывает? Дураку понятно, что отец Париса, правитель Трои Приам, тут же вернёт её спартанцам. Ему война не нужна, особенно сейчас, когда греки усилились и сумели закрепиться на малоазийском побережье южнее Троады. Захватив прибрежную полосу, они сделали своей столицей Милет. Город быстро растёт и уже не раз предъявлял торговые претензии вечному Илиону. Нет, Приаму война сейчас ой как не выгодна. Кроме того, Елена должна прекрасно понимать, что её ревнивый супруг Менелай никогда не простит ей подобного позора, так что эта версия отпадает. Она ещё менее правдоподобна. А что, если… существует некая третья сила, которая стремится натравить ахеян на троянцев, используя ревнивый нрав Менелая и честолюбие его брата? Что ж, это уже ближе к истине. И у Трои, и у греков вра-

---

[1] Совет геронтов, геронсия — совет старейшин.

гов предостаточно. В качестве закулисного кукловода вполне могут выступать финикийцы или, к примеру, египтяне. И те, и другие с ревностью следят за усилением Микен и не пожалеют средств, чтобы столкнуть лбами своих конкурентов… Однако фараон слишком уважает себя, чтобы опускаться до похищения чужой жены. А вот хитрые морские купцы из Тира или, скажем, из Библа не побрезгуют подобным сценарием. А что?! Интрига вполне в стиле Ахирама Библского».

Одиссей вспомнил хитрый профиль ханаанского правителя, который он не раз лицезрел на клеймах оловянных слитков, в изобилии хранящихся в его кладовых. Чушки этого редкого металла, имеющие вид ласточкиного хвоста и весом в три таланта каждая, греки издревле закупали у финикийских купцов для изготовления бронзы. От образа злорадно потирающего руки бородатого старикашки его отвлек лёгкий укол попавшего в сандаль скрупула. Вытрусив камешек из обуви, Лаэртид продолжил умозаключения:

«Так или иначе, но менее всего я склонен верить в вину троянского царевича. Он, конечно, имеет репутацию бабника и волокиты, не пропускает ни одной юбки, но совратить и похитить царицу Спарты? Это уж слишком! Даже такой болван, как Парис, не может не понимать, что это прямой повод к войне. Ну, скажите на милость, зачем посланному для заключения мира парламентёру понадобилось, нарушив все законы гостеприимства, совершать подобное кощунство. Что скажет его отец, когда вместо долгожданного перемирия получит влюблённого сына, чужую жену в невестки и ненависть всех греков. Такой поступок не одобрят ни союзники, ни совет старейшин. Старший брат Александра благородный Гектор, говорят, крут на расправу. Да он просто свернёт Парису голову, когда узнает о его неблаговидном поступке. Нет,

в этом деле явно не всё чисто. Кому-то очень, очень хочется убедить эллинов в вине троянских послов. И это скорее всего не Агамемнон. Иначе он не стал бы привлекать меня к расследованию. Атрид, похоже, просто ухватился за удачно подвернувшуюся возможность начать войну».

Размышляя обо всём этом, герой не заметил, как подошел к месту недавней высадки с корабля. Здесь его ожидали двое слуг и нехитрый багаж, состоящий из комплекта тяжёлого вооружения и дорожного сундука с одеждой и гостинцами для Нестора. Зная слабость старика к различного рода кубкам, Лаэртид заказал серебряных дел мастерам ритон для вина с воронкообразным носиком. Он извлёк подарок из сундука, чтобы ещё раз получше рассмотреть его. Сосуд заманчиво блеснул в лучах заката. По просьбе Одиссея на чеканной поверхности серебряного рога была изображена осада пиратской крепости, в которой Нестор участвовал ещё в молодости. Спирально нанесённый сюжет последовательно изображал все этапы битвы…

Вот, пытаясь противостоять атаке с моря, враги отчаянно забрасывают осаждающих градом стрел и камней. Но ахейцы наседают. Особенно удачно ведётся атака с фланга, где рельефно изображены несколько воинов. Они спрыгнули с корабля в воду и уже приближаются к крепостным стенам. Их возглавляет сам ванак *песчаного Пилоса* благородный Нестор. Его можно легко узнать благодаря увенчанному пером шлему. В правой руке герой держит ясеневое копьё, готовое поразить врага губительной медью узкого, в форме листа, наконечника …

Ещё немного повертев в руках великолепное произведение своих мастеров, Одиссей победоносно

взглянул на слуг и аккуратно уложил ритон обратно в сундук.

— Чего рты поразевали? — с напускной строгостью спросил он, на самом деле весьма польщённый произведённым эффектом. — Сообразили бы лучше чего-нибудь поесть, а то в животе с утра пусто.

Клевреты бросились исполнять приказание хозяина, а он тем временем залюбовался очередным, извлечённым из закромов гостинцем. На этот раз в его руках оказалась лёгкая туника с короткими рукавами, зауженной талией и достаточно широким, но тоже коротким подолом. Пёстрая рубашка, которую Пенелопа выткала и расшила сама, предназначалась в подарок старшему сыну Нестора, одиссееву ровеснику, с которым его связывала давнейшая дружба. Вдоволь налюбовавшись подарками, правитель Итаки с некоторым сожалением закрыл сундук и оглянулся. Солнечный диск уже коснулся горизонта, однако было ещё довольно светло. Поняв, что в его распоряжении ещё достаточно времени, герой окликнул одного из слуг:

— Еврилох! Я передумал. Пойдешь со мной, может, ещё успеем подстрелить какую-нибудь дичь. Всё-таки поужинать свежим мясом будет куда приятней. Здесь неподалеку, насколько я знаю, должна быть священная роща Артемиды Алфейской.

— Но господин!.. Богиня может разгневаться на нас за этакое кощунство, — с ужасом возразил слуга.

— А мы ей не скажем, — успокоил его Одиссей и быстрым шагом пошел вдоль реки. — Да! Не забудь прихватить мой лук.

Здесь необходимо дать некоторые пояснения к личности нашего героя. Дело в том, что правитель Итаки был, как сказали бы сегодня, убеждённым атеистом. Он верил в силы природы, в человеческий разум, в добро и зло, в общем, во всё, кроме божест-

венного промысла. Это богохульство передалось ему, видимо, по наследству. Дед героя по материнской линии — знаменитый разбойник Автолик, который, говорят, учил бойцовскому искусству самого Геракла, снискал себе славу величайшего клятвопреступника и вора. Кончил он, правда, плохо... но наказали его сами люди, боги же, пока он жил, всё терпели. Поговаривали также, что настоящим отцом Одиссея был не правитель Итаки Лаэрт, а основатель Коринфа хитрец и обманщик Сизиф, дважды обманувший саму смерть. А случилось это вот как…

Разгневанный на Сизифа Зевс послал за ним богиню смерти, однако хитрец не только не пошёл за нею, но заковал её в цепи и держал в плену несколько лет, в течение которых люди перестали умирать. Бог войны Арес освободил Смерть, которая первой своей жертвой избрала, естественно, Сизифа. Однако обманщик не растерялся и вновь перехитрил олимпийцев. Уходя в мир иной, он запретил жене приносить богам жертвы и совершать после его смерти положенный погребальный обряд. А сам, попав в царство теней, стал умолять владычицу загробного мира Персефону отпустить его ненадолго домой, чтобы наказать жену, якобы нарушающую священные обычаи. Богиня уступила хитрецу, а он её обманул и остался среди живых.

Одиссей, конечно, не верил во все эти сказки, однако кровь хитроумных предков чувствовал в себе самым что ни на есть естественным образом. Приёмный отец героя, благородный и бесхитростный Лаэрт, которого Одиссей беззаветно любил, лишь воспитал его. Он не смог изменить прирождённый лисий нрав мальчишки, однако привил ему чувство справедливости и благородство потомков Прометея, от которого вели генеалогию басилевсы *скалистой Итаки*. Соче-

тание столь разных черт характера наряду с острым умом и природной способностью к анализу очень скоро снискали Лаэртиду славу мужа хоть и хитроумного, но благородного и справедливого человека, для которого распутать мудрёный узел или вывести на чистую воду преступника — сущий пустяк.

Пройдя не более пяти стадий, Одиссей и слуга оказались на опушке священной рощи Артемиды Алфейской. Здесь охотники разделились. Легко накинув тетиву своего знаменитого лука, Одиссей, осторожно ступая, двинулся в чащу. Еврилох, немного пройдя вдоль опушки, тоже свернул в лес. Через некоторое время наш герой заметил сквозь листву деревьев молодую лань, беззаботно пасущуюся на небольшой поляне. Грациозное животное, ничего не подозревая, мирно пощипывало траву. Закинув руку за спину, Одиссей потянул из колчана стрелу. В этот момент справа раздался негромкий хруст. Лань настороженно подняла голову. Дальнейшее произошло мгновенно. Наложив стрелу на тетиву, Лаэртид инстинктивно повернул голову вправо, в направлении звука. Спустя миг он увидел, как на него, продираясь сквозь кустарник и уже вовсе не скрываясь, несётся незнакомый юноша. В поднятой для броска руке молодого человека зловеще поблёскивал кинжал. Реакция, опережая мысль, заставила Одиссея моментально повернуть оружие в сторону нападавшего. Тем не менее он не спешил спускать тетиву. «Пусть метнёт нож первым!» — решил герой, с удовлетворением отметив про себя, что вовремя заметил противника и увернуться будет не сложно. Однако ему не пришлось делать даже этого. Незадачливый убийца промахнулся, и смертоносное лезвие просвистело у лица Одиссея. «Как глупо подсылать ко мне такого мазилу!» — подумал он, собираясь было разжать пальцы

и выпустить стрелу. Вдруг что-то мягкое навалилось на него сзади, рука дрогнула, и Лаэртид выстрелил, но мимо. Стрела вонзилась в дерево выше головы молодого человека. Решив, что врагов двое, Одиссей наклонился вперёд, чтобы скинуть навалившегося сзади, и громко позвал на помощь слугу. Каково же было его изумление, когда он увидел лицо напавшего с тыла, который с предсмертным хрипом свалился у ног. Это был его верный Еврилох. В руках у слуги был меч, а в горле по рукоять торчал тот самый кинжал, что метнул юноша. «Он целился не в меня! — молниеносная догадка пронзила Одиссея, на лбу выступил холодный пот. — Получается, что меня хотел убить собственный слуга, а незнакомец спас мне жизнь, так ловко метнув нож».

— Я от Нестора, колесница ждёт, мастер Одиссей, — промолвил спаситель как ни в чём не бывало. При этом молодой человек чуть склонил голову и в знак приветствия подобрал рукой край шерстяной хламиды.

— Однако что нам делать с трупом? — в растерянности пробормотал Лаэртид.

— Я думаю, наёмный убийца, предавший своего господина, не достоин погребения. Пусть остаётся здесь, на растерзание диким зверям.

— Клянусь Зевесом, ты прав… Но как зовут тебя? Кого мне благодарить за столь чудесное спасение?

— Родители нарекли меня Афиной, в честь великой богини, и я горжусь этим именем.

Одиссей поднял удивлённый взгляд и понял, что перед ним не юноша, а миловидная *совоокая* девушка, просто одета амазонка была в мужское платье.

— Твоя речь разумна и достойна, прекрасная нимфа, что безусловно говорит о благородном происхождении.

— Да, мой род не из низких. Однако я думаю, что сейчас не время рассуждать о предках, наш путь не близок, а места здесь дикие… Не стоит рисковать.

— Если ты так боишься разбойников, благоразумней было бы переночевать на берегу, — попытался съязвить Одиссей.

— Я никого не боюсь, богоравный, но днём наш экипаж будет заметнее. Под покровом же ночи, уверена, мы проедем быстрее. Надо к рассвету поспеть в Пилос, мудрый Нестор ждёт нас, так что пора отправляться в путь.

— Все мы богоравные, — отшутился царь Итаки. Он не любил сакральные[1] эпитеты.

Герои вышли из рощи и направились вдоль берега к устью реки, где под охраной второго слуги была оставлена поклажа и где теперь стояла колесница, на которой Афина прибыла из Пилоса. Шли молча. Девушка почтительно не вступала в разговор первой, почувствовав, что её спутник не расположен к беседе. Одиссей же пытался понять, кому и зачем понадобилось его убивать: «Может, у Еврилоха были собственные мотивы для нападения на хозяина. Он служит в нашем доме давно, и родители ему всецело доверяли. Однако я его всегда недолюбливал и взял-то с собой, исключительно поддавшись уговорам матери. Престарелой Антиклее по-прежнему кажется, что для меня самое главное — хороший уход. Что ж, в этом Еврилох был, действительно, незаменим. Он всячески старался угодить, прекрасно готовил, знал толк в снадобьях и лечении ран… Однако что за чушь? Ему незачем было меня убивать. Скорее всего, его кто-то нанял… И видимо, неплохо заплатил, раз

1 Сакральный — священный.

он решился на предательство. Но кто? И зачем?» Вопросы повисли в воздухе. Очевидно было лишь одно: той безмятежной жизни, которой он наслаждался с Пенелопой последние годы, безвозвратно пришёл конец.

Размышляя над превратностями судьбы, Одиссей не заметил, как они вернулись к месту высадки. Слуга, оставленный сторожить вещи, разложил нехитрый ужин, поджидая хозяина с охоты.

— А где же Еврилох? — удивился он, поднимаясь навстречу.

— Видят боги — он оказался прав. Артемида не осталась безучастной к нашему кощунству и поразила несчастного своей серебряной стрелой, — процедил сквозь зубы Одиссей и прибавил не терпящим возражений голосом: — Быстро грузи вещи, мы едем в Пилос.

Эвмей, так звали второго слугу, встал как вкопанный и разинул рот. Он был ещё совсем мальчишкой. Страх и уважение к хозяину смешались на его бесхитростном лице с ужасом перед гневом богини. Выведя парня из оцепенения лёгким подзатыльником, Одиссей сам начал закидывать вещи в колесницу, а ещё через пару мгновений кони лёгкой иноходью уносили героев по дороге в Пилос.

Ехали молча, думая каждый о своём. Эвмей пытался разобраться в том, кого всё-таки ему стоит бояться больше: хозяина или богов. Он был сыном главного царского свинопаса. Семья была набожной, мать воспитывала детей в духе древних традиций, отец был ещё более строг к чадам и нещадно сёк их за малейшую провинность. Он пользовался особым доверием и уважением хозяев, гордился своей должностью и был предан царскому дому как собака. В подчинении отца было два десятка свободных пас-

тухов и не менее полсотни рабов. Все они пасли тучные стада царского дома на западных склонах *объятой волнами Итаки*. Отец требовал от Эвмея почтения к небожителям и беспрекословного подчинения хозяевам. Однако сейчас эти две задачи вошли в явное противоречие. Поразмыслив немного над возникшей дилеммой, Эвмей решил так: «Боги далеко, а хозяин рядом. Ведь, как ни крути, Артемида всё же поразила своей молниеносной стрелой не господина, а набожного Еврилоха. Знать, хозяин на особом счету у обитателей Олимпа». Отыскав, как ему показалось, верное решение, мальчишка уселся на дорожном сундуке и стал с интересом обозревать окрестности. Он впервые покинул Итаку, поэтому решительно всё вокруг вызывало в его неискушенной юношеской душе восхищение. А посмотреть было на что...

Колесница быстро неслась на Юг вдоль побережья. Дорога пыльной лентой извивалась вдоль обрывистого берега, в точности повторяя его причудливый профиль. Направо, насколько хватал глаз, простиралась бескрайняя морская равнина. Она, будто живая, дышала ровной переливчатой зыбью. Мерными бесконечными рядами фаланги изумрудных волн катились на берег откуда-то из далёких просторов Сицилийского моря. Прямо у колес низвергался береговой обрыв. Смотреть туда было страшно. Однако пропасть притягивала словно магнит, и вихрастая голова мальчишки то и дело высовывалась за борт повозки. Дважды схлопотав от хозяина затрещину, Эвмей решил более не испытывать судьбу и, умостившись поудобней, стал смотреть на горизонт, в котором обречённо тонули последние отблески вечерней зари.

Одиссей, казавшийся поначалу растерянным, теперь сосредоточенно размышлял над тем, кто же всё-таки мог подкупить Еврилоха. В том, что тот хотел его убить, сомнений не оставалось, но доказать это можно было, только отыскав деньги. При убитом их не оказалось. «Может они в поклаже? Или подлец оставил их на Итаке?» Последнее умозаключение показалось Лаэртиду наиболее убедительным. А это, в свою очередь, могло означать одно из двух. Либо слугу подкупил посланник царя Паламед, либо заговор был составлен в собственном доме Одиссея. Верить в то, что кто-то из домашних предал его, не хотелось…

«А что, если это Агамемнон хочет убрать меня ещё до начала расследования! Но зачем?! Не проще ли было просто не вмешивать меня в это дело. Стоп! А если так: царь вызвал для ведения следствия самого хитроумного из эллинов, как того потребовал совет старейшин, но вероломные троянцы, подкупив слугу, убили героя. В этом определённо есть какая-то логика! К похищению Елены прибавляется ещё и убийство царского эфора[1] — война неизбежна!.. Ну, держись, Паламед, если это действительно ты подкупил слугу, я тебя из-под земли достану. С Одиссеем такие шутки плохи». Обуздав внезапно нахлынувшую волну гнева, Лаэртид стал мыслить более рационально: «Так… надо будет как можно скорее послать Пенелопе весточку. Пусть перероют весь дом, но деньги найдут. Интересно, во сколько же оценил мою жизнь Атрид. Сумма наверняка немалая», — теша самолюбие толщиной кошелька, который мог получить предатель, Лаэртид поймал себя на мысли, что уже

[1] Эфор — (наблюдатель), здесь; человек, ведущий расследование по поручению совета старейшин.

давно и пристально рассматривает свою прекрасную спасительницу.

Девушка вела колесницу мастерски. Кони резво неслись по дороге, в точности повторяющей все изгибы обрывистого берега. Сейчас, в лучах уходящего Гелиоса, профиль спутницы показался Лаэртиду воистину прекрасным. Чёрные как воронье крыло волосы, остриженные на мужской манер чуть повыше плеч, красиво развевались по ветру. Прядь над ухом, туго заплетённая в новомодную косичку, ритмично в такт аллюру била по стройной лебединой шее красавицы. Азартно разрумянившееся лицо и чуть прищуренные от встречной пыли серые глаза придавали облику юной амазонки лёгкий налёт воинственности. Однако этому отчасти хищному облику девы явно противоречили припухлые и по-детски слегка приоткрытые губы.

«Интересно, откуда взялась эта воительница?.. Может, она дочь Нестора? Вряд ли. Хоть в ней и чувствуется ахейская порода, всё же что-то едва уловимое… возможно, лёгкий акцент выдаёт в моей спасительнице иностранку. Почему Нестор именно её прислал встретить меня?»

Ответов на эти вопросы не было, а расспрашивать девушку напрямик Одиссей посчитал бестактным. «Что ж, подождем разъяснений от самого старца», — подумал он и перевёл взгляд вперёд. Дорога выпрямилась, и Афина, слегка наддав вожжами по потным крупам жеребцов, перевела коней в галоп.

— Держитесь крепче, мастер, — крикнула она, увидев, что Одиссей покачнулся и ухватился рукой за борт колесницы.

— Где ты научилась так лихо водить? — перекрикивая свист ветра и топот вошедших в раж животных, прокричал он.

— На фиванском гипподроме, моя упряжка всегда приходила в первой тройке.

— Значит, ты родом из Египта? — постарался выудить полезные для себя сведения наш герой.

— Мой отец с юности состоял на службе у фараона, но я рождена в ахейской семье, — не без гордости ответила девушка.

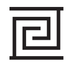
Разговаривать из-за грохота колесницы стало совершенно невозможно, да и не стоило отвлекать возницу во время лихой скачки по опасной дороге. «Теперь понятно, откуда акцент», — удовлетворившись коротким опросом, подумал Лаэртид и вернулся к своим невесёлым мыслям. Последний день летнего месяца гекатомбиона уходил в Аид.

Глава вторая

ПЕСЧАНЫЙ ПИЛОС

В невесёлых раздумьях пролетела ночь. Афина останавливала упряжку лишь раз, чтобы дать короткий отдых лошадям, а заодно и перекусить. Мальчишка, свернувшись калачиком на дорожном сундуке, спал без задних ног. Для него, ни разу до этого не покидавшего отчий дом, прошедший день показался равным всей предыдущей жизни. Лишь только в предрассветных сумерках герои наконец подъехали ко дворцу мессенского правителя. Невзирая на столь ранний час вся челядь и домочадцы Нестора были уже на ногах. Кто-то суетился по хозяйству, кто-то собирался в поле. Когда колесница с нашими героями въехала в ворота крепости, Нестор с ключницей как раз обходил свой обширный двор. Правитель делал замечания, раздавал приказания, а если требовалось, и пинки нерадивым слугам. Узрев гостей, старец молодецки подбежал к колеснице, заключил в объятья спрыгнувшего наземь Одиссея и облобызал его. Затем, утерев скупую слезу, подозвал младшую дочь и приказал ей препроводить гостей с дороги в купальню.

— Жду вас к завтраку, — крикнул он вдогонку.

Проследовав за дочерью хозяина через небольшой, густо увитый виноградной лозой портик, гости оказались в просторном вестибюле дворца. Обычно здесь было многолюдно: просители разного ранга оживлённо толпились в приёмной, ожидая аудиенции басилевса. Однако в этот ранний час в помещении было пусто. По периметру стояли удобные мраморные скамьи. На стенах в тусклом свете ещё не погашенных факелов воинственно поблескивала багряная медь. Тщательно начищенное и с любовью отточенное ору-

жие, казалось, было готово сей миг сорваться в кровавую сечу. Слева, в приоткрытую дверь кладовой, выглядывали дубовые стеллажи, полки которых были сплошь уставлены фалангами кувшинов с медвяным вином. Внизу, прямо на утрамбованном земляном полу, пузатились, до краёв наполненные ароматным маслом, амфоры.

— Козлоногий Пан! Что ж так нос чешется?.. — вожделенно заявил Лаэртид, косясь на сиротливо висящий на медном гвозде киаф. Чаша, судя по лиловым разводам на боках, исполняла роль черпака. — Не пойму, к чему бы это?

Поняв незамысловатый намёк гостя, молодая хозяйка улыбнулась и наполнила два внушительных кубка. Афина, едва пригубив вино, вернула чашу. Одиссей же, осушив залпом свой, взял из рук девушки второй сосуд и укоризненно посмотрел на свою спутницу:

— Грех обижать радушных хозяев.

Плеснув немного вина себе под ноги, он воздал хвалу богам и со словами: «Ну вот!.. Теперь придётся отдуваться за двоих», — враз опрокинул и вторую порцию. Девушки переглянулись и прыснули со смеху.

Афина уже хорошо изучила лабиринты дворца и в сопровождении не нуждалась. Поблагодарив дочь хозяина, она юркнула в коридор, ведущий, надо понимать, на женскую половину. Одиссей тем временем степенно допил вино и вопросительно осмотрелся:

— Та-ак, и где ж тут у вас купальня?

— Пойдёмте со мной, — ответила гостю девушка, сдерживая улыбку.

Пройдя через боковую дверь, они оказались в смежной с вестибюлем просторной комнате. Всю центральную часть помещения занимал до краёв наполненный горячей водой прямоугольный бассейн.

Скинув пыльный хитон и тунику, Одиссей, не раздумывая, с наслаждением окунулся в купель. Следуя законам гостеприимства, неукоснительно соблюдающимся в доме Нестора, хозяйка осталась, чтобы самолично омыть гостя. Тщательно смыв мягкой губкой дорожную грязь с тела Лаэртида, она уложила его на широкую дубовую скамью и, плеснув в руки немного египетского елея, стала равномерно, широкими круговыми движениями втирать благовонное масло в покрытые шрамами мышцы героя. Щедро умасливая спину гостя, дщерь Нестора тараторила безумолку, при этом не забывая, однако, время от времени подливать в пригоршню новую порцию благовония из вычурного с широким венчиком белого лекифа.

За время омовения Одиссей успел узнать кучу абсолютно бесполезных вещей. Например: что давеча из Египта прибыл корабль с великолепными льняными тканями, за которые коптские купцы берут вполне умеренно; что старшие братья отправились вчера на охоту и обещали привезти сестре медвежонка, однако где его держать, никто не знает; что любимая царская собака ощенилась прошлой ночью прямо в хлеву и теперь никого, кроме хозяина, к выводку не подпускает, из-за этого козам пришлось ночевать во дворе. Затем, перейдя почему-то на шепот, красавица доверительно сообщила Одиссею, что отец уже подобрал старшей сестре жениха, но пока держит его имя в секрете. Сестра всё время плачет, потому что боится, а вдруг он старик или, упаси Гера, урод какой. Лаэртид хотел было выказать уверенность, что Нестор наверняка подобрал для своей старшей дщери достойного мужа. Однако дева его уже не слушала, горячо возмущаясь милетскими торговцами, которые привезли прекрасные украшения из Вавилона, но заломили за них «такую баснословную цену!..»

Не вникая особо в смысл стрекота хозяйки, Одиссей вскоре понял, что его участие в разговоре и вовсе не обязательно. Он расслабился и, кажется, на мгновение даже уснул. По крайней мере, в какой-то миг ему показалось, что он в родном доме, что рядом с ним верная Пенелопа, а у ног играет малыш Телемах. Тем временем, окончив растирание и выложив все пилосские новости без остатка, девушка накинула гостю на плечи мягкую полотняную простынь и бесшумно удалилась.

Вскоре чисто вымытый и умащенный светлым елеем Одиссей вошёл в просторный мегарон дворца, сиречь тронный зал мессенского басилевса. Лицо героя светилось распаренным румянцем, кудрявые, ещё влажные волосы туго стягивала плетёная кожаная повязка. Афина уже ждала его, стоя подле трона и о чём-то оживлённо беседуя с Нестором. Она сняла мужское платье и переоделась в исконный данайский[1] женский наряд. Теперь талию красавицы плотно обнимал высокий с коротким рукавом корсет, богато обрамлённый золотыми бляхами и вышивкой. В соответствии с ахейской модой груди девушки были обнажены, отчего она чувствовала себя несколько неуютно. По крайней мере, Афина как-то неловко кутала бюст в накинутую на плечи отороченную бахромой с кисточками шаль. Тонкую шею амазонки обвивало дорогое обсидиановое ожерелье в четыре нити, на которых бусинки из вулканического стекла выгодно перемежались переливчатыми жемчужинами и кристалликами лазурита. Нижняя часть туалета девы состояла из пёстрой юбки с множеством оборок и складок, которую покрывал ши-

[1] Данайский — ахейский, греческий.

рокий, украшенный ромбовидным узором передник. «А в женском-то наряде моя спасительница и вовсе неотразима», — с восхищением отметил Одиссей.

Нестор поднялся навстречу другу и, ещё раз нежно обняв Лаэртида, пригласил гостей трапезничать. Совершив возлияние Посейдону, культ которого в Пилосе был главным, и удобно разместившись за массивным дубовым столом, наши герои не стали ждать повторного приглашения и с аппетитом накинулись на еду.

Несколько помпезный туалет Афины ничуть не мешал ей уплетать за обе щёки слегка ошпаренных, а посему чуть приоткрывших свой двустворчатый доспех моллюсков. Изрядно сдабривая перламутровое нутро обречённых соком спелого граната, она с интересом поглядывала на Одиссея. Правитель *объятой морем Итаки* оставался, однако, равнодушен к выложенной на массивном серебряном блюде экстравагантной пирамиде морепродуктов. Густо пересыпав ячной мукой *хребтовую часть острозубого вепря*, он с гораздо большей охотой впился в лоснящееся жиром мясо, заедая оное сырными лепёшками. Пожилая рабыня едва поспевала наполнять тягучим рубиновым вином опустошаемые вмиг кубки гостей.

Хозяин тем временем не спешил начинать беседу, чтя святые законы гостеприимства и обычаи предков. Поелику считал, что каким бы срочным ни казалось дело, вначале надо дать гостям *удовольствовать голод свой сладким питьём и едою*, а лишь затем начинать расспросы. В ожидании, пока молодежь насытится, он подсел ближе к очагу, по-стариковски обложил седалище изощрённого резьбой трона мягкими подушками и устало опустил ступни на подставку для ног. В столь ранний час старец старался не есть, однако, одесную себя, на красивом медном треножнике всё

же утвердил свой знаменитый двудонный кубок. Та же рабыня поспешно наполнила его, что называется, под завязку. Не спеша потягивая *медвяное вино*, Нестор молчал, лишь изредка бросая взгляд в сторону гостей. Наконец Одиссей откинулся на спинку скамьи, давая понять хозяину, что утолил голод и готов приступить к беседе.

— Как поживает мой друг Лаэрт? — учтиво вопросил Нестор. — Как здоровье матери?

— Благодарю тебя, мудрейший, волею Зевеса они здоровы.

— Чем занята твоя прекрасная супруга? До меня дошли слухи, что она родила тебе наследника.

— Телемаху уже два года. Слава богам, он растёт смышленым и послушным мальчиком.

Сказав ещё пару приличествующих фраз, старец раздражённо покосился на раба. Тот безуспешно пытался развести огонь в огромном, более трёх метров в диаметре, очаге, который занимал всю центральную часть мегарона[1]. Наконец пламя вначале несмело, а затем всё более и более жадно начало лизать отсыревшие поленья. Нестор подал прислуге знак удалиться и решительно перешёл к делу:

— Жаль, что с твоим верным слугой произошло такое несчастье на охоте. Прими мои искренние соболезнования, Лаэртид. Всегда прискорбна потеря верного друга.

Одиссей вопросительно взглянул на свою спасительницу. Та слегка повела плечами, давая понять, что уже успела рассказать старцу о вчерашнем происшествии.

— Однако — нет худа без добра. Теперь ты сможешь поехать в Спарту с Афиной, — Нестор сделал

[1] Мегарон — центральный, тронный зал дворца.

жест в направлении молодой девушки. — Надеюсь, за время пути вы успели хорошо познакомиться?

— Не скрою, лучшего спутника трудно было бы желать. — Одиссей улыбнулся и галантно кивнул красавице.

— Я слышал, Афина оказала тебе небольшую услугу и помогла с честью похоронить старого друга.

— Вот именно, похоронить, — сделав упор на последнем слове, ответил царь Итаки, — для меня в тот момент это было очень важно. — Одиссей понял, Нестор опасается, что их могут подслушивать, и поддержал игру.

— Я рад возможности отправить Афину к микенскому двору в твоём сопровождении, Одиссей. Уверен, она без проблем сможет заменить тебе убитого слугу. Наша прелестная гостья в конце прошлой декады прибыла из Египта с рекомендациями от моего старого друга. Я лично собирался представить её Агамемнону, но если ты согласишься взять девушку с собой, я могу со спокойной душой остаться дома. Столько, знаешь ли, дел накопилось в хозяйстве. Да и возраст уже не позволяет скакать так резво, как вы молодые, — прокряхтел Нестор по-старчески, правда, как-то неумело.

«Ой, хитрит старик, видать дело в Микенах совсем не чисто. Сил то у него на троих хватит. Не настало ещё время заката *геренского конника*», — вспомнил Лаэртид одно из прозвищ Нестора, которое тот получил в молодости, когда ему единственному из всей семьи удалось избежать кровавой бойни, учинённой в Пилосе Гераклом.

— Но из какого рода происходит моя юная спасительница? — Одиссей решил, что теперь его любопытство вполне уместно.

— Моего отца звали Клеанф, — поднялась и, чуть зардевшись, заговорила Афина. — Он воспитывался в

доме Атрея вместе с Агамемноном и Менелаем. Когда же власть в Микенах захватил их дядя Фиест, а братья были вынуждены бежать в Этолию, верные люди спрятали моего отца на корабле, идущем в Египет. Таким образом ему удалось скрыться от узурпатора. Отец вырос при дворе фараона. Он честно служил Рамсесу, но ещё молодым погиб в Ханаане[1].

— Как это произошло?

— Во время знаменитого боя у крепости Кадеш мой отец командовал наёмниками с Сардинии, состоящими в гвардии фараона. Они первыми приняли на себя сокрушительный удар хеттских колесниц и полегли почти все, но ценой своей жизни им удалось всё же спасти молодого фараона от позорного плена. Случилось так, что, поверив подосланным лазутчикам-бедуинам, будто войска хеттов, испугавшись его многочисленной армии, отступили на север, Рамсес неосторожно переправился через Оронт во главе лишь одного отряда — корпуса Амона. Лукавый хеттский царь Метелла, заметив это, тут же напал на авангард египтян, пытаясь отсечь их от основных сил. Он бросил в атаку всё своё колесничье войско. Серпоносные упряжки мгновенно смяли находящуюся на марше и не готовую к бою пехоту. Казалось, поражение армии и пленение фараона неизбежны. Однако тяжело вооружённая гвардия, которую возглавлял мой отец, сумела сбросить с колесниц и перебить большую часть нападавших. Не колеблясь ни минуты, используя гвардейцев и остаток дворцового войска в качестве прикрытия, молодой Рамсес решил во что бы то ни стало прорваться к основным силам. В результате нескольких яростных атак ему это удалось, и как только через реку переправились

[1] Ханаан — древнее название территории Сирии и Финикии.

ещё два корпуса, египтяне, перегруппировав силы, загнали войска хеттов в крепость. В благодарность за спасение Рамсес взял на себя расходы по воспитанию детей погибших наёмников. Так что я получила блестящее образование при храме Амона.

— Чему же теперь обучают в храмовых школах семивратных Фив? — не без иронии в голосе поинтересовался *правитель утёсистой Итаки*.

Дело в том, что ему, выросшему на маленьком скалистом острове среди пастухов и свинопасов, всё в жизни досталось собственным горбом. Его учителями были такие же мальчишки, как он, а учебниками — заострённые палки и старые отцовские доспехи. Когда Одиссею стукнуло десять, он чудом спасся от рабства, вовремя спрыгнув за борт уходящего в море финикийского корабля, который, однако, безвозвратно увёз в неволю двух его малолетних сестрёнок. Рассказы о былых походах закалили его дух. Пиратские набеги, которые он со сверстниками не раз совершал на пеласгов[1] соседнего Зама, сделали его руку твердой как железо. Ведь для совершения этих вылазок им приходилось вплавь преодолевать пролив шириной почти в тринадцать стадий[2]. Одиссею было чудно, что на земле есть места, где могут всему этому учить.

— Нас обучали философии, математике, медицине и военному искусству, — не обращая внимания на иронию, продолжила девушка. — Я свободно говорю на четырёх языках, не считая родного, легко нахожу путь по звёздам и без проблем читаю следы. Могу составить любое снадобье, а если понадобится… и отраву. Я уверена, мастер Одиссей, что пригожусь вам в том деле, которое вы расследуете.

---

1 Пеласги — догреческое население Эллады.

2 Стадий — мера длины, примерно 185 метров.

— Откуда тебе известно, милочка, что именно мне поручено расследовать? — с досадой посмотрев на Нестора, спросил Лаэртид. Девушка смутилась, не найдя что ответить.

— Ну, что ж, теперь вы знаете друг о друге всё необходимое, — примирительно вмешался в разговор седобородый старец. — Афина, ты устала с дороги и наверняка не прочь отдохнуть. А нам с Одиссеем ещё надо бы кое-что обсудить. Кстати, — продолжил он, уже обращаясь к Лаэртиду, — надеюсь, ты не откажешься взглянуть на мои владения.

— Клянусь Палладой, мудрый Нестор, это доставит мне истинное удовольствие.

— Вот и прекрасно. Думаю, что небольшая прогулка в порт развеет твои грустные мысли. Афина, будь любезна, распорядись, чтоб заложили мой экипаж…

Через некоторое время богато украшенная колесница правителя уносила друзей от царской резиденции к морю. Одиссей никогда ранее не бывал в Пилосе. Подъезжали они в предрассветной полутьме, и он мало что успел разглядеть. Зато теперь, когда пурпурные лучи Эос озарили округу своим сиянием, Лаэртид с восхищением взирал на цветущие владения мессенского басилевса.

Пилос строился в те далёкие времена, когда греки, опасаясь пиратских набегов, селились на возвышенностях в некотором отдалении от моря. Тем не менее именно из-за отлогих берегов за городом закрепился эпитет «песчаный». В отличие от других ахейских крепостей его фортификация была минимальной. Крепостная стена и акрополь[1] отсутствовали. От моря и со стороны узкой плодородной долины земля

---

[1] Акрополь — цитадель, укреплённая часть города.

поднималась искусственно выполненными террасами, оканчиваясь широкой площадкой, на которой и был расположен дворцовый комплекс, господствующий над окружающими холмами и дающий исключительно широкий обзор. Как уже говорилось, для защиты от внезапного нападения город был на добрый десяток стадий отодвинут от моря. С высоты укреплений побережье надёжно контролировалось во все стороны. Лихая царская упряжка, ведомая твёрдой рукой старца, быстро катилась под гору, оставляя позади себя клубы долго не оседающей пыли.

— Тебе предстоит распутать очень трудное дело, Лаэртид, — воспользовавшись отсутствием посторонних ушей, начал разговор Нестор. — Все уверены, что Елена сама спровоцировала похищение. Однако такой вариант не устраивает ни Агамемнона, ни Менелая. Последний ослеплён любовью и не желает даже слышать об измене жены. Брат, в отличие от него, прекрасно понимает, откуда «растут ноги», но ему нужен повод к войне. Месть за бесчестие Менелая — идеальный предлог для этого. Агамемнон хочет поднять против Трои всех ахеян и стать во главе войска. Поэтому ему крайне необходима твоя хитроумная голова, Одиссей, равно как и твоя репутация справедливейшего из мужей. Он уверен: если ты подтвердишь обвинения против троянцев — греки безоговорочно пойдут за ним под стены Илиона. Тебя, Одиссей, хотят использовать вслепую или, как ты мог убедиться вчера, в крайнем случае, просто убрать.

— Перспектива малоприятная, — грустно пробурчал Лаэртид. — Видит Зевс, я ещё на Итаке догадался, сколь незавидную роль мне уготовил Атрид. Даже прикинулся сумасшедшим, лишь бы не лезть в это грязное дело, но посланец царя Паламед всё же раскусил меня.

— Как это случилось?

— Я вывел на берег моря впряжённых в плуг волов и стал, словно безумный, вспахивать сухой песок. Бедняжка Пенелопа испугалась, что я действительно спятил, и проплакала на берегу весь день. Всё было так натурально, что даже старцы-геронты поверили в моё сумасшествие. Один лишь Паламед догадался, что я притворяюсь, и воскликнул: «Слишком уж вовремя приключилось с вашим царём это несчастие!» Вначале также беспомощно, как и остальные, он бегал по раскалённому песку, пытаясь уговорить меня остановиться. Однако я с безумным взглядом продолжал погонять быков, повторяя, словно в бреду: «Надо успеть дотемна!.. Во что бы то ни стало успеть дотемна!» Тогда этот подлец выхватил у Пенелопы моего малолетнего сына и бросил прямо под копыта разгорячённых животных. Мне не осталось ничего другого, как остановить упряжку и тем самым выдать себя…. Пойми, мудрейший, я не могу напрямик отказать Агамемнону. Моё царство слишком мало, чтобы тягаться с властью пастыря народов. Кроме того, ты же знаешь, я дал клятву во время сватовства Елены. Ума не приложу, что делать… Однако клеветать на троянцев, если они не виновны, кривить душой и идти против правды я не стану. Уверен, грекам не нужна война с Илионом. Нам необходимо придумать какую-нибудь хитрость.

— Тебе и кости в руки, хитроумный Одиссей, — засмеялся старец. Он звонко хлестнул коней, переведя их на рысь. — Твой отец Сизиф сумел обмануть саму смерть, так не посрами же свой род.

— Сизиф был хитёр, это точно. Но кончил он, если ты помнишь, плохо, — грустно усмехнулся Лаэртид. — Мне совсем не хочется катать камни в гору, даже если гора эта в царстве мёртвых.

— Агамемнон всего лишь человек и не так уж всемогущ, — уже серьёзно сказал Нестор. — Надо нам вместе поразмыслить, как переиграть Атрида.

В этот момент колесница взлетела на пригорок. Опытной рукой *обуздатель коней* придержал жеребцов, животные вздыбились и остановились. Внизу пред героями открылся захватывающий вид пилосской гавани. В обширной бухте, напоминающей амфору с узким обращенным к югу горлом, находилось около сотни судов. В центре залива бросил якоря караван крутобоких «купцов». Их разгрузка спорилась. Вереницы небольших мелкосидящих лодок, доверху заполненных товаром, по-деловому сновали с рейда на берег. Как минимум с полсотни тяжелых военных кораблей были вытащены на пляж коренного берега. Еще два пятидесятивёсельника охраняли вход в залив, они величественно покачивались под прикрытием длинного скалистого острова, защищавшего бухту от штормового западного ветра. Чуть правее, в самой глубине залива, располагались верфи. Стоящие там корабли находились под защитою кровли, а снасти и паруса были аккуратно уложены в специальных ангарах.

Жизнь на берегу кипела вовсю. Там, где в лёгкой пене прибоя разгружались пришедшие с рейда лодки, раскинулся стихийный рынок. Торговля шла полным ходом, товары со всего света продавались оптом и в розницу. Отовсюду доносилась разноязыкая речь. Возле военных кораблей суетилась охрана и часть экипажей, занятая, по всей видимости, мелким ремонтом. Корпуса двух больших судов были перевернуты. Несколько человек, одетых невзирая на жару в закрытые куртки и узкие кожаные штаны, смолили днища. Оживленно было

и в районе верфей — там строились новые корабли. Одиссей заметил примерно с десяток ещё не оконченных корпусов, возле которых, словно рой пчёл, без устали суетились корабельщики. Для усиления прочности они устанавливали внутрь бортов заранее заготовленные дубовые рёбра, скрепляя их вогнанными при помощи свёрл огромными бронзовыми гвоздями.

— Я смотрю, у тебя великолепно идут дела, — восхитился Одиссей. — Но скажи, мудрый Нестор, зачем тебе такой большой флот? Ведь ты говоришь, что не желаешь войны.

— К сожалению, мой благородный друг, — грустно ответствовал герою старец, — война неизбежна. Но сейчас она не в наших интересах. Налоги с торговли дают неплохой доход, мои купцы удачно ведут дела. Сардон и Тиррения охотно обменивают нашу керамику и вино на металлы и рабов. Однако дальше на Западе нашей торговле препятствуют финикийцы. Дорога в Таршиш к иберийскому серебру, которую проложили ещё купцы мудрого Миноса, к сожалению, для нас закрыта. Лукавые тирийцы[1] вывели на ливийское побережье очередную колонию — Карфаген, что в переводе означает новый город. Теперь они полностью контролируют проливы между Ливией и Сицилией и никого не пускают дальше на Запад. К тому же пираты в последнее время совсем обнаглели, нападают даже на военные корабли. Сейчас, чтобы спокойно торговать, нужен сильный военный флот. После гибели Миноса и развала его морской державы нет хозяина на Средиземноморье. Египетские и ливийские воды полностью во власти финикийцев, понтийской торговлей заправляют, как тебе

[1] Тирийцы — жители города Тир, финикийцы.

известно, троянцы. Мы, греки, заперты со всех сторон, и поэтому война рано или поздно разразится. Однако пока что мы ещё недостаточно сильны. Слепая страсть Агамемнона к славе и власти может обернуться против нас самих.

— Но как убедить в этом Атрида и не навлечь на себя его гнев?

— Сейчас, Одиссей, наши с тобой цели совпадают. Я, как и ты, не желаю войны, поэтому окажу тебе любое содействие в расследовании обстоятельств побега… я уверен — именно побега — Елены. Надо доказать невиновность троянцев.

— Значит, ты считаешь, что похищение подстроила сама царица?!

— Не сомневаюсь. По крайней мере, думаю, что она в этом замешана.

— А если существует третья сила, стремящаяся во что бы то ни стало столкнуть ахейцев с Троей?

— Подобный сценарий тоже не исключён… Что ж — тем хуже для Менелая. Если его жена связана с финикийцами или ещё чёрт знает с кем — это позор. — Нестор сделал небольшую паузу, давая другу возможность обдумать сказанное, и продолжил: — Пусть Афина отправляется с тобой, представишь её ко двору, а она поможет тебе в расследовании. Если я правильно понял, мы знаем далеко не все достоинства этой амазонки. Уверен, она ещё себя покажет.

— Согласен. Она умна и проворна. В этом мне довелось убедиться на собственной шкуре. Кроме того, я лишился слуги, и мне сейчас совсем не помешает помощник, пусть даже слабого пола.

— Существует ещё одно обстоятельство, Одиссей, из-за которого я бы очень хотел, чтобы Афина действовала совместно с тобой… — Нестор пристально

посмотрел на Лаэртида, как бы решая, стоит ли продолжать разговор.

— Что ты имеешь в виду?

— Я знаю твой скептицизм в отношении древних легенд, и всё же, помнишь ли ты то старинное пророчество о священном скипетре Миноса?

— Конечно, помню, все ахейцы знают эту глупую побасенку, будто власть над вселенной получит тот, кто найдёт золотой жезл мудрого правителя Крита.

Дабы богов получить олимпийских совет,
Мудрого Миноса скипетр служит священный.
Власть обретет с ним софии любимец нетленный,
Чтобы бессмертным богам дать достойный ответ.

— Кажется, так? — Одиссей вопросительно посмотрел на друга.

— Совершенно верно. У тебя прекрасная память.

— Но почему ты спрашиваешь меня об этом?!

— Как я уже говорил, девушка на прошлой декаде прибыла из Египта от моего верного друга. Он старший жрец храма Амона-Ра в Уасете, как египтяне называют Фивы. Так вот, она привезла от него древний папирус с пророчеством.

— Тем самым?

— В том-то и дело, что нет. Папирус был найден в храме недавно и, как считают жрецы, он является продолжением только что процитированного тобой изречения. Видимо, это вторая часть оракула, до сих пор неизвестная никому из ахейских басилевсов.

— Неужели ты, мудрый Нестор, веришь в существование какого-то мифического скипетра, который якобы даёт власть над миром. — Лаэртид с удивлением посмотрел на своего убелённого сединой собеседника. — И вообще каким образом кусок металла,

пусть даже искусно сработанный и красиво инкрустированный, может дать какую-либо реальную власть? Клянусь богами — глупые сказки.

— Не скажи, Одиссей, не скажи… Всю историю человечество борется за богатство и власть. Скипетр удивительным образом соединяет в себе эти две вожделенные цели. Золото высочайшей пробы, из которого он изготовлен, само по себе представляет большую ценность, я уж не говорю о баснословной стоимости вмонтированного в жезл огромного смарагда[1].

— Ты действительно считаешь, что может существовать кристалл изумруда столь большого размера?

— Почему нет?.. И в таком случае — стоимость скипетра огромна. Кроме того, этот, как ты говоришь, кусок металла даёт законное, я подчёркиваю, законное право на владение всеми островами Средиземноморья и является символом наследия огромной морской державы. По преданию, вначале боги отдали этот жезл царям атлантов. После гибели Атлантиды власть над морями перешла, как ты знаешь, к Миносу. Что же до чудесных свойств скипетра, якобы дающих возможность общаться с небожителями, то сочинение этих сказок оставим на совести морского владыки. После того, как Минос сложил на Сицилии свою буйную голову и не назвал приемника, цари средиземноморских племён словно одурели в поисках скипетра. Ищет его, безусловно, и Агамемнон. А жезл исчез — будто в воду канул. Никому не ведомо, где хитрый старец его спрятал.

В аде узрел я Зевесова мудрого сына Миноса;
Скипетр в деснице держа золотой, там умерших судил он…

---

1 Смарагд — изумруд.

Продекламировал Одиссей отрывок из древней поэмы и продолжил шутя:

— Может, он и в самом деле забрал его с собой в Аид?

— Если отбросить невероятную мысль, будто Минос забрал скипетр в загробный мир и, как сказал пиит, судит там души мертвых, то остаётся лишь одна версия: он, не найдя себе достойного преемника, решил его спрятать. Я уверен, все подвиги наших героев Персея, Беллерофонта, Тесея — есть не что иное, как поиски этого жезла. Или ты действительно думаешь, что Персею нужна была голова этой выжившей из ума старухи Горгоны? Скажи мне на милость, что искал Белерофонт в Ликии? А что пытался найти Тесей в Кносском дворце? Что вообще хранилось в этом лабиринте, который столь истово охранял Минотавр?.. Никто не знает, где Минос спрятал свой скипетр. В лабиринте? Увёз с собой на Сицилию? Отправил брату Сарпедону в Ликию? А может, ещё дальше к Ээту в Колхиду?.. Лично я убеждён, что в лабиринте хранился именно скипетр. Возможно, Тесей нашёл его, а в таком случае жезл надо искать, идя по следам афинского героя.

— Но всем известно, что Тесей был сторонником демократии и не желал царствовать единолично, — возразил другу Одиссей. — Зачем ему понадобился символ монархической власти?

— Скажем, он хотел надёжно спрятать его от возможных претендентов на трон Миноса, для того чтобы эллины смогли жить демократично.

— А как же Геракл, неужели он тоже искал скипетр?

— Почему нет?

Одиссей запнулся. Он знал, что для Нестора упоминание о Геракле — мучительно. Но мудрый старец сам продолжил тему:

— Геракл жестокий, но благородный воин. Зачем ему понадобилось убивать всю мою семью?.. Очередное помутнение рассудка — я этому не верю. Когда я вернулся из Герении в Пилос, весь мой дом был перевёрнут вверх дном, а на теле отца и братьев остались следы пыток. Что он искал? Сокровища? Нет. Он даже не прикоснулся к злату. Тогда что могло заставить его пойти на такую жестокость? Вспомни, у Геракла было всё, кроме царства, его авторитет был вполне достаточным, чтобы стяжать власть над всей Элладой. Однако у него не было на это законного основания. Такое право ему мог дать только жезл Миноса.

— Но почему он решил, что скипетр находится в доме твоего отца?

— Не знаю, — пожал плечами Нестор, — возможно, он искал не сам жезл, а упоминания о нём. Скорее всего, виной моего несчастья стал архив, который мои предки собирали сотни лет. Это сейчас всем известна первая часть пророчества, а тогда ещё никто не знал его содержания. Вероятно, Геракл проведал, что в моём доме хранится один из экземпляров свитка. В результате погрома, учинённого им, весь архив сгорел. Сохранились только глиняные таблички. Они, обгорев во время пожара, сделались ещё прочнее, превратившись в керамические черепки. Но на них были лишь надписи, выполненные линейным письмом. Ты же знаешь, наша письменность ещё очень несовершенна и годится лишь для ведения хозяйственных записей. Все же старинные папирусы на коптском, арамейском и аккадском сгорели, равно как и деревянные дощечки, на которых велась дипломатическая переписка с хеттскими правителями. Остаётся загадкой, нашёл ли Геракл тот папирус, который искал?! Впрочем, теперь это уже не важно.

После того, как в горах Тавра был найден высеченный на скале текст того же пророчества на хеттском и лувийском, его содержание узнали все. Однако это не помогло найти жезл. И вот теперь у меня в руках вторая часть оракула. Я хочу, Одиссей, чтобы ты ознакомился с содержанием четверостишия и высказал своё мнение.

— Но я не знаю коптского языка.

— Афина обещала сегодня закончить греческий перевод текста.

— Хорошо, Нестор, я выполню твою просьбу. Но всё же я не понимаю… Какое отношение эта история со скипетром может иметь к похищению спартанской царицы?

— Не исключена прямая связь между этими событиями, хитроумный сын Лаэрта. Дело в том, что в доме Менелая похитители тоже что-то упорно искали. Они забрали только часть сокровищ спартанского царя, причем, похитив все слитки, совершенно не тронули драгоценности. Создаётся впечатление, что ограбление должно было лишь прикрыть истинные мотивы действий преступников; либо после разбойников, ограбивших дворец, там побывал кто-то ещё. Со времён атлантов все буквально помешались на этом скипетре. Однако никто и никогда не искал его в Спарте. Возможно, он был спрятан там прямо под носом у Менелая и Агамемнона. Тесей вполне мог сделать это во время предыдущего похищения Елены.

— Но как об этом могли узнать нынешние злоумышленники?

— Хороший вопрос… Подумай сам, Лаэртид — ты говорил, что не исключаешь возможности, будто некая третья сила хочет столкнуть ахеян с троянцами.

— Говорил.

— И предположил, что это могут быть финикийцы.

— Считаю это более чем вероятным.

— Но ведь не секрет, что у Миноса всегда были тесные связи с Финикией. Не забывай, его мать Европа была сидонской принцессой. Почему бы, в таком случае, не предположить, что торговые кланы Сидона тоже ищут скипетр.

— Зачем ханаанским купцам политическая власть над беспокойными островами Средиземноморья?! Они и так держат всех под каблуком, ловко используя свою торговую монополию на Западе.

— Всё очень просто, Одиссей. — Нестор лукаво посмотрел на молодого друга. — Крупнейшие финикийские метрополии, будь то Тир, Сидон или древний Библ, испокон века испытывали давление со стороны великих держав. Их грабили все кому не лень. Египетские фараоны, хеттские цари, правители Вавилонии всегда получали богатую дань с заморской торговли Ханаана. Те в свою очередь выводили за море колонии, чтобы уйти от опёки чересчур назойливых покровителей. И всё же раньше финикийцам всегда удавалось договориться с «хозяевами», сейчас же на их богатые города устремил взоры новый хищник — Ассирия. Аппетиты жестоких Ашшурских правителей не может удовлетворить даже всё золото мира. Они просто ненасытны и беспощадно топят в крови любое сопротивление своему владычеству. Их требования стали настолько невыполнимы, что финикийские суфеты[1] стали всерьёз подумывать о массовом переселении своего народа на Запад. Однако пустых земель уже нет даже там.

[1] Суфет — высшее должностное лицо в финикийских городах.

Недавно, чтобы выкупить у аборигенов землю под основание нового города, я имею ввиду — всё тот же Карфаген, им пришлось прибегнуть к изощренной хитрости.

— Я ничего не слышал об этом. Неужто на свете есть кто-то похитрей меня? — засмеялся Лаэртид.

— Суди сам. Тирийская принцесса Элисса, которую мы, греки, величаем Дидоной, вынуждена была тайно бежать из города. Собрав своих сторонников и снарядив большой флот, она отправилась за моря в поисках новой родины. Вначале беглецы прибыли на Кипр, но очень скоро поняли, что здесь их легко могут найти соглядатаи тирского правителя. Ведь Кипр расположен очень близко к Финикии и находится под её протекторатом. Посовещавшись, переселенцы единодушно решили попытать счастья дальше на Западе. После долгого плавания их корабли, наконец, причалили к ливийскому[1] берегу и стали искать подходящее место для основания поселения или торговой фактории. Элиссе было предсказано ранее, что ей удастся основать новый город там, где её спутники найдут скелет коня. И действительно, вскоре, во время очередной высадки командующий флотом Битий со своими людьми наткнулся на череп жеребца. Место было очень удачным, однако территория эта принадлежала весьма воинственному ливийскому племени. Царь аборигенов встретил колонистов враждебно и не желал даже слышать о поселении. Силы были неравные, и финикийцы решили пойти на хитрость... Элисса попросила вождя продать ей лишь крошечный клочок земли — такой, который сможет накрыть шкура одного быка. Простодушный

[1] Ливийский — африканский.

дикарь, не заподозрив подвоха, лишь посмеялся над глупцами и согласился на сделку, заломив десятикратную цену. Каково же было его удивление, когда на утро лукавые тирийцы, разрезав телячью шкуру на тонкие полосы, отгородили ими вглубь побережья довольно обширный участок. Африканцам ничего не оставалось, как уступить площадку находчивым переселенцам.

— Что ж, весьма поучительная легенда. Недаром говорят: «Если с тобой беседует финикиец, бойся остаться без кошелька, а если он с тобой торгуется, считай, что деньги уже его», — пошутил Одиссей.

— Вот именно. Пойми, сейчас финикийцы пустятся во все тяжкие и не побрезгуют ничем, лишь бы, спровоцировав войну между Троей и Микенами и ослабив тем самым соперников, вернуть Крит не только в зону своих торговых интересов, но и под политический контроль. Им как воздух нужны земли для колонизации, а обладание священным скипетром Миноса наилучшим образом придаёт их претензиям видимость законности. А потом, почему бы и нет, можно наложить лапу и на остальные острова Средиземноморья. Аппетит ведь приходит во время еды, не так ли, мой *многохитростный* друг?

Одиссей с восхищением посмотрел на старца. Будучи от природы умным и проницательным человеком, он тем не менее весьма плохо разбирался в хитросплетениях международной политики. Его родная Итака находилась на задворках обитаемого мира, что не требовало от правителя больших дипломатических способностей. Нестор своей «лекцией о международной обстановке» открыл Одиссею глаза на многие скрытые рычаги этого сложного механизма. «Клянусь Аполлоном! Не зря я заехал в Пилос», — с удовлетворением подумал герой.

— Кстати, о твоём слуге. Как его бишь?.. Ах да, Еврилох. Что думаешь, кто мог его нанять? — изменил тему разговора мудрый старец.

— Ума не приложу, ведь я ещё даже не начал следствие. Надо понимать, моя смерть выгодна тем, кто не хочет, чтобы открылась правда.

— К сожалению, это ничего не проясняет. Сейчас правда не нужна никому. Я не удивлюсь, если откроется, что убийцу подослал сам Агамемнон. Так что под подозрением все, кроме нас с тобой, Одиссей, — невесело заметил Нестор. — А сейчас забирай эту колесницу и возвращайся во дворец отдыхать. Завтра вам предстоит неблизкий путь в Спарту. Я же пойду на верфь. Сегодня мои корабельщики спускают на воду ещё одно судно. А разговор продолжим вечером за праздничной жертвой в честь моего нового корабля.

Развернув топчущихся от нетерпения коней, Одиссей пустил их в галоп обратно по направлению в Пилос. Нестор долго провожал друга взглядом, прикрыв лицо ладонью от лучей яркого предобеденного солнца, а затем не спеша стал спускаться в порт.

Наступил вечер. К тому времени, когда Нестор вернулся из гавани, Одиссей успел прекрасно выспаться. Из гостевых комнат дворца, которые находились на втором этаже по периметру тронного зала, он спустился в мегарон. Гекатомбу — сиречь сакральную жертву в сотню непорочных, не ведавших ярма тёлок, закалываемых в данном случае по поводу спуска на воду нового корабля, и посвящённую *колебателю суши лазурнокудрявому богу морей Посейдону*, Нестор, как правитель и главный жрец Пилоса, должен был возглавить лично. Однако до начала церемонии ещё оставалось некоторое время. Поэтому друзья собрались у очага, чтобы обсудить содержание папируса, при-

везенного Афиной от священных порогов Нила. Девушка как раз окончила перевод и развернула текст оракула перед басилевсами.

К тайной пещере проход в Лабиринте найду,
Стану двурогим рабом у владыки морского,
Ключ от заветной двери подберу, чтобы снова
Знаний горнило могло переплавить руду.

— Приблизительно так звучит греческий перевод пророчества, — сказала она.

Друзья молчали, пытаясь уразуметь смысл услышанного. Афина ещё раз перечитала текст, зачем-то развернула и стала пристально рассматривать оригинал, поворачивая его в руках, словно пытаясь найти ещё что-нибудь, что могло бы пролить свет на суть прорицания.

— Ммм… да, — Одиссей сосредоточенно потер висок. — Пифия никогда не баловала нас ясностью изречений, а в данном случае и вовсе… Ну, первые три строчки более или менее понятны. А вот последняя? Полная чушь. Какая-то руда. Да и общий смысл как-то весьма туманен.

— А про какого двурогого раба здесь говорится? — продолжая сверять текст перевода с оригиналом, задумчиво пробормотала Афина.

— Надо понимать, что морской владыка это Минос, а двурогий раб — Минотавр, то есть дословно бык Миноса… — Нестор тоже стоял в растерянности. — Пожалуй, данное четверостишие нагоняет ещё больше тумана на смысл оракула. Афина, напомни-ка нам ещё раз первую часть.

Дабы богов получить олимпийских совет,
Мудрого Миноса скипетр служит священный.
Власть обретет с ним софии любимец нетленный,
Чтобы бессмертным богам дать достойный ответ.

— Видят боги, без кратера доброго вина нам в этой головоломке не разобраться, — лукаво подмигнул старцу Одиссей.

— Ну что ж, надо будет поразмыслить на досуге, а сейчас действительно мне пора начинать жертвоприношение. Поезжайте на берег, я думаю, там уже всё готово к началу гекатомбы, а мне ещё надо облачиться в специальную ризу для проведения сакральных торжеств. Продолжим беседу после церемонии за трапезой и возлияниями во славу нашего покровителя — земледержца Посейдона.

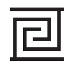

Глава третья

ЛАКЕДЕМОН[1]

1 Лакедемон — Спарта.

Звонкие щелчки кожаного бича подгоняли четвёрку гнедых лошадей, запряженных попарно в большую, со специальным коробом для поклажи, двухосную колесницу. Подъярёмные несли во весь опор. Царская дорога из Пилоса в Спарту была добротно утрамбована, а последняя её треть даже вымощена камнем, тем не менее от быстрой езды повозку нещадно трясло. Одиссей сидел на полу колесницы, прислонившись к передней стенке и уперев широко расставленные ноги в громоздкий дорожный сундук. Пальцы Лаэртида намёртво, до синевы, вцепились в отделанные слоновой костью борта. Надо заметить, что после чрезмерных вчерашних возлияний *лазурнокудрявому богу* нашего героя изрядно подташнивало. Крепкое сицилийское вино, которое они с Нестором по походному обычаю не разбавляли, то и дело напоминало о себе тупой болью в затылке и мерзкой икотой.

До границы Лаконии оставалось ещё не менее тысячи стадий. «Стало быть, в Спарте будем в лучшем случае под вечер», — прикинула в уме оставшийся путь Афина. Наддав в очередной раз коренным, она бросила взгляд на спутника и еле сдержала улыбку, вспомнив утренние безуспешные попытки Одиссея напялить шлем на распухшую после разгульной ночи голову. Очень скоро Лаэртид осознал тщетность усилий и, не мудрствуя лукаво, подвесил головной убор к упряжке, оставшись лишь в лёгком кожаном подшлемнике. Теперь его голова была похожа на заполненную вином амфору, заботливо укутанную кожаным чехлом от всевидящего ока бога солнца. Это сравнение подтверждал и цвет физиономии на-

шего героя. «Надо бы сделать привал», — подумала девушка.

Однако унылый ландшафт, к тому же нещадно обжигаемый уже приближающимся к зениту Гелиосом, не оставлял путешественникам шансов на более или менее удобоваримую стоянку. В стороне от дороги, на пригорке, раскинулись неказистые дома посёлка пастухов-дорийцев. Небольшие общины этих ещё полудиких, но, в общем, безобидных детей Пиндских гор в последнее время стали мирно расселяться по Пелопоннесу. Не пуская дикарей в города, ахейцы, однако, не запрещали им пасти скот и обрабатывать землю в своих владениях, мудро, как тогда казалось, рассудив, что дополнительная рабочая сила не помеха. Никто не обратил внимания на грозное пророчество Дельфийского оракула, предрёкшего дорянам великое будущее. «Ещё бы! Разве могут поколебать могущество *многозлатых Микен* какие-то жалкие пастухи с Севера…»

Перевалив через очередной холм кленовые обода восьмиспичных колёс, ритмично забарабанили под гору, весело сверкая свежей красно-медной оковкой. Ещё раз взглянув на спутника, Афина поняла, что не довезёт «героя» в Лакедемон. Наконец внизу показалась небольшая масленичная роща. А ещё ниже, по самому дну пологой лощины, извивалась серебристая змейка густо поросшей камышом речушки. Дорога шла через брод.

— Сделаем небольшой привал, — прокричала девушка прямо на ухо страдальцу. — Вы не против, мастер?

В ответ *отец Телемаха* лишь промычал что-то нечленораздельное.

— Ну что ж, мычание можно воспринять как согласие, — сказала она, обращаясь уже к Эвмею.

Уцепившись за скобу, мальчишка стоял слева от возницы и старался не попадаться на глаза хозяину, прекрасно понимая, что из этого ничего хорошего не выйдет. Вскоре упряжка подкатила к реке, и Афина, резко натянув поводья, лихо осадила ретивых коней. Колесницу развернуло и накренило, да так сильно, что опрометчиво отпустивший борт Одиссей буквально выкатился из повозки и с размаху влетел в воду. Немного пофыркав, словно пробудившийся лев, он вылез из ручья и с протяжным: «Уффф!..» вывернул на бедовую голову полный студеной воды кожаный подшлемник.

— Кажется, я ещё на этом свете? — не то спросил, не то подтвердил Лаэртид и продолжил, картинно воздев руки к небесам: — О боги, надеюсь, вам пришлось по нраву вино вчерашней жертвы, потому что часть его ещё плещется в моей башке. Клянусь Зевесом, ещё немного, и я поделюсь давешним возлиянием с нимфами этого божественного источника.

Новоявленный «жрец источника» обернулся, оценивая эффект, произведённый на зрителей. Однако спутники оставались равнодушны к витиеватой тираде. Его свита как ни в чем ни бывало уплетала сырные лепёшки, удобно расположившись в тени маслин, а кони мирно пощипывали сочный болотный селин. Особенно нагло, как показалось Одиссею, жевал траву саврасый красавец. Потряхивая пышной вороненой гривой и раздувая от удовольствия влажные ноздри, он будто молвил: «Чеее-го-го ёёё-рничать то с уста… атку!». «Ах, так!..» — мысленно возразил коню герой. Он решительно подошел к упряжке, перегнулся через борт и стал рыться в багаже. Результатом недолгих поисков явился пузатый, расписанный концентрическим узором кувшин в виде фляги, служащий для хранения напитков.

— А-а-а! Клин — клином, — махнул рукой Одиссей, свершив приговор над своей похмельною главой.

Афина и Эвмей застыли, не донеся до рта надкусанные сырники. Мухортая с желтыми подпалинами кобылка, лягнув саврасого, тоже скосилась на Лаэртида. Басилевс окинул победным взглядом невольных зрителей и, вытянув с характерным звуком плотно сидящую пробку, лихо опрокинул сосуд. Повинуясь законам мироздания, струя спасительного напитка весело хлынула из горлышка. Пил Одиссей жадно, большими глотками, не обращая внимания на тонкие рубиновые струи, сбегавшие с ланит на одежду. Представление, однако, длилось недолго, и вскоре восхищённым взглядам публики предстало клейменное кипрским гончаром дно кувшина. Сделав напоследок большой глоток, царь Итаки крякнул и выплеснул остаток вина в речку.

— Прекрасным нимфам, небось, тоже не здоровится после вчерашнего, — как ни в чём не бывало заявил богохульник.

Молодежь покатилась со смеху. Саврасый игриво подмигнул мухортой, дескать, знай наших. А Одиссей, выбравшись из реки, подошёл к обедающим:

— *Доброе вино придаёт человеку и бодрость и крепость,* — философски заметил он и растянулся прямо на припёке, но всё ж так, чтобы голова оставалась в худосочной тени маслин.

— Не желаете закусить, хозяин? — набравшись храбрости, со всей возможной учтивостью спросил Эвмей.

— Что-то кусок не лезет в горло. Угораздило ж так перебрать вчера. Можешь пока окунуться, малыш, а я немного вздремну. Афина, будь любезна, займись лошадьми.

Загнав упряжку в реку, девушка стала поливать запылённые спины и крупы коней, черпая воду ко-

жаным ведром. Эвмей же скинул одежду, пробрался сквозь плавни к реке и с разбегу сиганул в воду, используя, в качестве трамплина большой валун чуть повыше брода. Омут был неглубокий, и, зацепив ногой илистое дно, мальчик начал всплывать. Открыв глаза, он увидел далеко вверху мутное светло-зелёноватое пятно неба. Внезапно свежая придонная струя, ошпарив, будто кипятком, быстро понесла его на мелководье. Дыхание перехватило от холода. Стремясь получить максимум удовольствия от купания, Эвмей вынырнул на поверхность, перевернулся на спину и, громко отфыркиваясь, стал выгребать против течения. Он очень старался, так как заметил, что Афина следит за ним и приветливо машет рукой. Вдруг глаза девушки хищно сузились, и она молниеносным движением выхватила из-за спины кнут. Не успел Эвмей опомниться, как заплетенный косичкой язык бича, описав плавную дугу и слегка взлохматив чубастый вихор у него на голове, звучно щёлкнул где-то позади. Эвмей перестал грести и обернулся. Мимо плыло разрубленное напополам и ещё извивающееся в предсмертных судорогах тело крупной гадюки.

Звонкий хлопок разбудил и Одиссея. Он сел, потянулся и, сладко зевая, стал усердно растирать виски.

— Что, голова по-прежнему болит? — сердобольно посочувствовала подошедшая к нему Афина.

— Угу.

— Пожуйте вот эту травку, мастер, клянусь Асклепием[1], головную боль как рукой снимет.

Одиссей искоса посмотрел на знахарку, молча взял траву, повертел в руках, словно изучая растение и, пожав плечами, стал сосредоточенно жевать.

[1] Асклепий — бог врачевания.

— Может, скушаете хоть одну лепёшку? — спросила девушка.

— Да что-то не хочется. Чревоугодничать будем у Менелая, — ответил Лаэртид, с отвращением выплёвывая оставшийся от лекарства горький жом. Он с удивлением ощупал вмиг переставшую болеть голову и добавил:

— А сейчас давайте-ка лучше поедем.

Вслед за Афиной, подпрыгивая на одной ноге и хлопая себя по уху, чтобы вытрусить воду, к хозяину подбежал Эвмей. Молодые люди быстро свернули импровизированный лагерь, и вскоре колесница, переехав брод, вновь покатила по пыльной дороге. Не дремал и Гелиос, совершая свой обыденный путь по небосклону. А когда его сияющий диск уже стал клониться к горизонту, вдали наконец показались высокие стены спартанского акрополя.

Как и в Пилосе, сам город не имел крепостных стен, однако цитадель с расположенным внутри дворцом правителя была надёжно укреплена. На кривых и узких улочках предместий Афине пришлось убавить бег коней, а подъехав к воротам крепости, и вовсе остановить упряжку. Путь нашим героям преградили два тяжеловооруженных гоплита[1] весьма грозного вида. Одиссей легко спрыгнул с колесницы и протянул в направлении одного из воев левую руку. На безымянном пальце Лаэртида блестел перстень из электра с царской печаткой. Пока стражник внимательно рассматривал украшение, второй стоял чуть поодаль, готовый в случае нападения прийти на помощь товарищу. В этот момент из-под арки ворот послышались громкие шаги. Навстречу прибывшим,

---

[1] Гоплит — тяжеловооружённый пехотинец.

раскрыв объятия и не менее широко улыбаясь, спешил сам царь Спарты благородный красавец Менелай. Оба стражника вытянулись по струнке.

— Дорогой мой Одиссей, я так ждал тебя…, так ждал. Чёрт знает что творится здесь у нас. Одна надежда на тебя. Только тебе я могу доверять.

Радушный хозяин вышел навстречу гостям легкой пружинящей походкой. Слабый ветер несмело перебирал златые кудри на его главе. Великан был в лёгком ионическом хитоне с отворотом, поверх которого пузатился великолепной работы кожаный панцирь, а сбоку на пёстрой перевязи висел короткий спартанский меч. Это был высокий, немного грузный мужчина лет тридцати. Некоторая полнота лица и фигуры, однако, не только не портила впечатления, но наоборот, подчёркивала царственный облик героя.

— Пожалуйста, не обращайте внимания на гвардейцев, теперь, когда я вставил им клизму, они — сама бдительность, — продолжал он. — Где ваши глаза раньше были? — грозно рявкнул басилевс на стражников. Те буквально впечатались в стену под испепеляющим взглядом василиска[1].

Менелай тем временем обнял Одиссея за плечо и повёл во дворец. Взяв лошадей под уздцы, Афина и Эвмей повели упряжку следом.

— Рад видеть тебя, Менелай, в добром здравии. Клянусь богами, ты выглядишь превосходно, — ответил любезностью на радушный приём Лаэртид. — Кто-нибудь может заняться моими спутниками и багажом?

— Не волнуйся, не волнуйся, всё будет сделано в лучшем виде. Теперь вся челядь как шёлковая. Я знаю, ты устал с дороги и, конечно, не прочь помыться, од-

[1] Василиск — сказочное чудовище, убивающее взглядом.

нако прошу тебя, выслушай меня до того, как ты пойдёшь в купель. Мне просто не терпится поделиться своим горем с другом. К тому же, пока мои рабыни будут отдраивать тебя от дорожной пыли, ты сможешь поразмыслить, а свои соображения выскажешь мне позже, за ужином. Кстати, у меня новый повар, из Египта. Готовит… просто объедение, пальчики оближешь. — Менелай говорил без умолку, словно боялся, что приехавший наконец спаситель может вдруг внезапно исчезнуть:

— Так вот. Ты себе представить не можешь. Этот мальчишка, этот сопляк посмел похитить Елену. В то время как я был вынужден по неотложным делам срочно отплыть на Крит, он, коварно воспользовавшись моим гостеприимством и доверчивостью жены, — ты же знаешь, Елена совсем ещё ребёнок, — обманом заманил её на корабль, и был таков. Кто мог подумать, что гость, которого я принимал как родного сына, может отплатить такой черной неблагодарностью.

— Но...

— Это ещё не всё: он прихватил с собой всю прислугу жены, а это, как минимум, пятьдесят рабов, и всё, что было в казне. В покоях Елены и в моём кабинете со стен были сорваны ковры. Ты не поверишь, но даже часть мебели из той, что я подарил жене в день свадьбы, прихватили эти мошенники. Просто какой-то наглый грабёж средь белого дня. Хуже пиратского набега.

— Но… — вновь попытался вставить хоть одно слово Одиссей. — Я слышал, что твои люди нагнали посольский корабль с троянской делегацией.

— Естественно, мои быстроходные галеры уже к вечеру следующего дня настигли и сопроводили в Аргос этих грязных бродяг. Они ползли на своей финикий-

ской калоше, пытаясь скрыться за острова. Но ты же знаешь, от моих орлов не уйдешь. Так вот, когда мы настигли этих неблагодарных ублюдков, то на их корабле не оказалось ни Елены, ни этого *соглядатая дев* Париса, ни сокровищ, ни рабов. Ни-че-го-шень-ки…

— Куда же всё подевалось? — резонно спросил Одиссей.

— Видишь ли, мой друг, — зачем-то перейдя на шепот и наклонив голову к уху собеседника, продолжил Менелай, — всё дело в том, что они удрали на двух кораблях.

— Как так?!

— Тсс!.. — Царь Спарты красноречиво приложил палец к губам. — Это государственная тайна, никто кроме нас не должен знать об этом, иначе брат меня просто прирежет.

Вместо ответа Одиссей вопросительно посмотрел на собеседника. Менелай остановился, оглянулся кругом и, убедившись, что их никто не может подслушать, продолжил:

— Каким-то непостижимым образом им удалось перебить стражу и угнать из порта новый секретный корабль, который совсем недавно прошел испытания.

— Но кто эти загадочные «они», Менелай?! Как я понимаю, кроме Париса на втором корабле нет ни одного троянца! По крайней мере, из тех, что прибыли с посольством. Ведь ты сам только что сказал, что остальные парламентёры были арестованы на следующий же день после похищения. Не думаешь ли ты серьёзно, что рабы Елены могли сесть на вёсла, да ещё на новом секретном корабле.

— В том то и дело, Одиссей. Мне кажется, что тут составлен целый заговор против меня и моей *лепокудрой* супруги. К тому же куда-то запропал мой придворный механик Архимед. Это он сконструировал новый

корабль. Бьюсь об заклад, что его тоже похитили или, что ещё хуже, он меня предал. Так или иначе, но у Париса явно были пособники. Ведь, чтобы вывести такой корабль в море, необходим экипаж как минимум в пятьдесят гребцов, не говоря уж про матросов. Я ни за что не поверю, чтобы рабы Елены смогли управиться с таким судном, даже если им помогал сам механик Архимед. Скажу тебе по секрету скорость: новой диеры в полтора раза больше, чем у моей самой быстроходной монеры[1].

— Причём здесь количество ярусов вёсел? — Одиссей почему-то тоже перешёл на шепот. — Неужели это правда, Менелай? Вам действительно удалось построить диеру — корабль с двумя рядами вёсел?

— Я не могу сейчас тебе всего рассказать. Это секретные сведения. — Менелай понял, что сболтнул лишнее.

— Я не примусь за расследование, пока мне не будет предоставлена исчерпывающая информация и полная свобода действий, — сделал вид, что обиделся Одиссей.

— Да, да, конечно, мой дорогой, можешь не сомневаться, я так и написал брату. Я уверен, Агамемнон полностью доверяет тебе, однако формально мне требуется его подтверждение, — поспешил рассеять сомнения друга младший Атрид. — Запрос брату в Микены отправлен ещё вчера, надеюсь, к утру будет ответ.

Друзья замолчали. Лаэртид обдумывал услышанное. Менелай же размышлял над тем, как сгладить неловкое впечатление от возникшего между ними недоверия.

— Мне не на кого больше рассчитывать, Одиссей, — грустно продолжил он. — Одна надежда на

[1] Монера — корабль с одним ярусом вёсел.

тебя и на твой острый ум. Только ты способен распутать этот сложный узел. Клянусь богами, я не боюсь никого, могу справиться хоть с сотней врагов, но эти шпионские страсти и всяческие интриги… Они приводят меня просто в бешенство!

Надо заметить, что по натуре Менелай был честным и бесхитростным человеком. Его прямолинейность вошла среди ахеян в поговорку. Коварной интриганке, каковой, по мнению Одиссея, была Елена, не стоило особого труда водить за нос простака мужа. Менелай готов был на всё ради своей пассии. Только бы царица не хмурила свой прелестный носик, только бы не надувала пухлые губки и не плакала. А если это, упаси бог, случалось… Менелай терял голову и готов был разбиться в лепёшку, лишь бы исполнить очередной каприз обожаемой супруги. Елена этим беззастенчиво пользовалась. Она ни в чём себе не отказывала и вела роскошный, по крайней мере, с точки зрения аскетов спартанцев, образ жизни. Над всем этим Одиссей размышлял, будучи уже в купальне, пока две чернокожие рабыни смывали с него дорожную грязь и до блеска натирали спину елеем. Чем больше думал Лаэртид над словами Менелая, тем сильнее становилась его уверенность, что царица Спарты напрямую замешана в своём мнимом похищении. «Если все троянцы причастны к преступлению, как считает Менелай, то почему Парис их бросил и фактически не оставил шансов на бегство. Нет, скорее всего соотечественники царевича ничего не знали о побеге. Да, именно о побеге, — Одиссей уже не сомневался в этом, — Елены и Александра, как прозвали Париса воспитавшие его пастухи. Тоже мне — отражающий мужей, кажется, так переводится это имя, — мелькнуло в голове Лаэртида. — Назвали бы его лучше

бабский угодник. Но!.. Как им удалось нейтрализовать стражу во дворце и в порту? Кто помог беглецам вывести в море такой сложный корабль? Куда, в конце концов, они направились?» Эти три вопроса Одиссей определил как ключевые. Ответить на них означало решить загадку.

Спустя некоторое время, переодевшись в чистое платье, Одиссей и его помощница вышли к ужину. Сервировать Менелай распорядился на верхней террасе дворца, прямо под усыпанным звёздами небосводом. Хозяин не терял время зря и, пока гости смывали дорожную пыль, наполовину опустошил внушительных размеров кратер с разбавленным вином, в связи с этим он находился в прекрасном расположении духа. Атрид радушно поднялся навстречу гостям и усадил их за стол.

Накрыто было воистину по-царски. В центре стола разместился огромный серебряный поднос, на котором дымилось жареное мясо различных сортов. Непосредственно перед каждым из гостей на небольших золочёных тарелочках исходили паром ракообразные, из-под панцирей и клешней которых аппетитно выглядывали тёмно-лиловые щупальца осьминога. Расписные терракотовые подносы ломились отварными овощами, а бесчисленные соусницы кровожадно окружали мясные и рыбные блюда. Над всем этим изобилием, хвастаясь замысловатым геометрическим узором на пузатых боках, возвышались два фригийских кувшина, под завязку наполненные медвяным родосским вином. Все яства были обильно сдобрены специями, аромат которых моментально удвоил естественное чувство голода, возникшее у наших героев после долгого пути. Поэтому, как только пожилая служанка, *начав, по обыкновению, справа,* разнесла гостям ломти свежего, ещё горя-

чего хлеба, Одиссей и Афина, не дожидаясь особого приглашения, набросились на еду. Борясь с непреодолимым желанием съесть всё и сразу, они изо всех сил старались соблюсти этикет, однако сделать это было, ох, как нелегко. Дело в том, что выписанный из Египта повар спартанского царя действительно оказался кудесником. Особенно это смогла оценить Афина, соскучившаяся по коптской[1] кухне. Принимая похвалы еде также и на свой счёт, Менелай молчал, благодушно ожидая, когда гости насытятся. Наконец, немного утолив голод и обильно запив пищу вином, Одиссей промолвил, вытягивая из горы мяса баранью голяшку:

— Я прошу тебя, любезный друг, повторить рассказ о похищении жены. Однако излагай всё по порядку, ничего не упуская, чтобы моя помощница смогла услышать все обстоятельства этого запутанного и весьма деликатного дела. Начни хотя бы с чудесного, я бы сказал божественного, появления Елены в доме твоего тестя престарелого царя Тиндарея.

При слове «божественного» Одиссей многозначительно подмигнул Афине. Девушка едва заметно кивнула и ловко отправила в рот лиловый кусок щупальца октобаса[2], не забыв окунуть маллюска в пикантный белый соус.

— О! Эта удивительная история, — начал Менелай, — произошла, когда мы с братом ещё скрывались от убийцы нашего отца в Элиде. Царь Спарты Тиндарей, прогуливаясь у берега моря, вдруг увидел, как рыбаки, оживленно шумя, вытягивают на берег утлую лодку. Вначале он послал слугу выяснить, что там происходит, но потом, не выдержав,

1 Коптская — египетская.

2 Октобас — осьминог.

сам подошёл поближе. Каково же было его удивление, когда на дне челна он увидел совершенно голую, посиневшую от холода девочку. Она была без сознания. На вид малышке было лет четырнадцать. Накрыв её своим плащом, царь приказал отнести несчастное дитя во дворец. Там ребёнка растерли бальзамом и уложили спать. Одиссей знает, какой прекрасный бальзам изготавливают здесь в Лакедемоне. Я имею в виду состав, который используют спартанские воины для растирания мышц во время зимних походов.

Усердно пережёвывая аппетитный кусок свинины, Лаэртид одобрительно кивнул, подтверждая слова друга, а Менелай продолжил:

— Так вот, на утро, когда девочка очнулась, все домочадцы во главе с царем пришли к ней. Ведь им не терпелось услышать историю о том, как малышка попала в лодку и откуда она родом. Однако ребёнок не мог совершенно ничего вспомнить. В голове у неё был сплошной хаос, лишь обрывки воспоминаний о бескрайнем море, о волнах и дельфинах. Из сказанного Тиндарей сделал вывод, что бедняжка, как минимум, неделю провела в море без пищи и воды. Тем не менее. О, чудо!.. Она вовсе не выглядела истощённой. Наоборот, кожа её была совершенно чистая, без обычных налётов соли и язв, которые появляются у людей, пробывших долгое время в море на солнце и солёном ветру. Престарелый царь сразу узрел в этом божественный промысел и перст судьбы. Он запретил челяди расспрашивать ребёнка о страшном путешествии и вообще о чём-либо, что могло бы напоминать бедняжке о перенесённых страданиях. Оставив малышку на попечение двора, Тиндарей на следующее же утро отправился в Дельфы вопросить оракул о значении столь чудесного происшествия.

Изреченный в шестистопном размере ответ Пифии, как обычно, был весьма туманен[1]:

Брошен уж невод широкий, и сети раскинуты в море,
Кинутся в сети тунцы среди блеска лунного ночи —
Славных героев божественный род. Называют их люди —
Полубогами, они на земле обитают средь смертных.
Грозная их всех погубит война и ужасная битва,
Если свой дом не найдет лепокудрая дщерь Эгиоха[2].

Ясно было одно. Елена, так звали девочку, судя по надписи на медальоне, который висел у неё на шее — это дар богов, возможно, даже дочь самого Зевса. В последней строке божественно внушённого послания содержался ясный намёк на то, что дочь владыки Олимпа должна обрести свой дом. В противном случае Пифия предрекала страшные беды на род героев-полубогов. А так как все, без исключения, ахейские басилевсы ведут своё происхождение от олимпийцев, стало ясно, что будущее Эллады тесно связано с судьбой этого хрупкого создания. Не сомневаясь, что в пророчестве говорится о найденном им ребёнке, Тиндарей решил удочерить Елену, думая, что таким образом малышка обретёт свой дом, а Спарта гегемонию среди ахейских царств. С тех пор девочка воспитывалась при лакедемонском дворе вместе со старшей дочерью царя Клитемнестрой и её двоюродной сестрой Пенелопой. Весть о необычном ребёнке и о роковом предсказании моментально разнеслась по Элладе, а вскоре и за её пределами. Елену неоднократно пытались похитить. Изречение оракула Аполлона было истолковано в том смысле, что тот, у кого в доме поселится Елена,

1 Компиляция переводов античных текстов.
2 Эгиох — эпитет Зевса.

будет править миром героев, так как от него будет зависеть их судьба. Царю даже пришлось нанять дочерям охрану. Два свирепых и диких дорийца, близнецы Кастор и Полидевк, неусыпно следили за сёстрами. Они всегда были подле Елены, так что вскоре их даже стали называть её братьями. Тем не менее величайшему в те времена герою Тесею всё же удалось усыпить бдительность Диоскуров, так именовали близнецов-дорийцев, и выкрасть девушку. Никто не знает до конца, зачем понадобилась Елена победителю Минотавра. Ведь сам Тесей придерживался демократических взглядов и никогда не стремился к единоличной власти.

Далее Менелай поведал нашим героям историю о том, как великий афинянин ещё раньше, сразу после победы над Минотавром, собрал всех жителей Аттики, сделав их единым народом — гражданами одного города. Обходя род за родом, он объяснял повсюду свой план. Простые граждане и бедняки быстро склонились на его сторону, а людям влиятельным он сулил государство без царя — демократию, которое ему, Тесею, даст лишь место военачальника и блюстителя законов, в остальном же принесёт всем равенство. Создав, таким образом, синойкию, сиречь союз двенадцати аттических общин, и назвав новый город в честь своей покровительницы Афинами, он, как и обещал, сложил с себя царскую власть. Затем, стремясь увеличить город, он призвал в Афины всех желающих, обещая права гражданства. Однако, чтобы не допустить в государстве смешения и расстройства, Тесей выделил три сословия: благородных евпатридов, земледельцев-геоморов и ремесленников-демиургов. Все сословия были равны в правах, впрочем, превосходя другие: благо-

родные — достоинством, земледельцы — полезным трудом, а демиурги — числом[1].

— Так вот, — продолжил свой рассказ царь Лакедемона. — Возможно, понимая, какой угрозой является Елена для ещё не окрепших демократических устоев и считая дворец спартанского басилевса слишком ненадёжным местом, Тесей решил похитить красавицу. Тем не менее он не стал овладевать девушкой, поставив таким варварским способом точку в вопросе сватовства, а лишь хотел надёжно изолировать её, чтобы не допустить замужества дочери Зевса, а значит сосредоточия власти в одних руках. Однако случилось всё с точностью до наоборот. Однажды, воспользовавшись отсутствием героя, Диоскуры — телохранители Елены, выкрали «сестру» и возвратили её домой в Спарту. Мало того, чтобы обезопасить себя от мести Тесея, они прихватили в качестве заложницы его мать — Эфру, которая с тех пор стала служанкой Елены. Прошли годы, девушке исполнилось семнадцать. Она стала необыкновенно красива. Для спартанского царя наступили трудные времена, пора было выдавать дочь замуж. Боясь исполнения грозного пророчества, не имеющий сыновей Тиндарей решил отдать мужу Елены не только руку дочери, но и трон, объявив его своим наследником. Таким образом, выполнялось главное условие оракула — Елена оставалась в своём доме. Лучшие женихи со всей Эллады собрались, чтобы добиваться руки спартанской инфанты[2]. Формально было объявлено состязание за сердце принцессы. Опасаясь возможной мести со стороны проигравших, мой будущий тесть связал претендентов клятвой защищать честь и достоинство

---

1 Рассказ Плутарха о Тесее.

2 Инфанта — принцесса.

Елены и её супруга. Победителями состязаний оказались двое: ваш покорный слуга, — при этих словах Менелай картинно поклонился Афине, — и мой друг Одиссей.

Лаэртид последовал примеру хозяина, после чего тот продолжил свой рассказ:

— Оставалось лишь выбрать жениха. От этого выбора зависела судьба Спарты, а возможно, и всей Греции. Решение пришло само. Так как старшая дочь — Клитемнестра ещё раньше стала женой властителя Микен Агамемнона, Тиндарей посчитал логичным отдать Елену в супруги мне — его оставшемуся без царства младшему брату. Кроме того, ты, Одиссей, познакомившись с сёстрами и узнав капризный характер Елены, отступился сам и предпочёл взять в жёны её двоюродную сестру — кроткую, но не менее прекрасную, Пенелопу.

— В итоге был заключён брачный союз Менелая Атрида с Еленой Спартанской, — завершил за друга повествование Лаэртид, — сыграв свадьбу, молодые остались жить в царском дворце, а ещё через год Тиндарей умер, завещав своё царство зятю. С тех пор прошло пять счастливых лет. Супруги жили душа в душу, по крайней мере, так утверждает Менелай, пока в Спарту для подписания мирного договора не прибыл троянский царевич Парис-Александр.

— Брат давно мечтает о войне с Троей… — царь Спарты вышел из-за стола и стал нервно расхаживать по террасе, — Одиссей, ты хорошо знаешь, как Агамемнон ненавидит этих «конюхов».

Менелай посмотрел на друга. Лаэртид молча кивнул, хотя и не разделял презрения большинства ахеян к процветающему в Троаде коневодству.

— Клянусь богами! Мне стоило больших усилий убедить брата в целесообразности мира. Именно я

настоял на приёме троянских послов. И вдруг, как гром среди ясного неба… — спартанец молитвенно прижал руку к груди. — Два месяца Парис гостил у меня в Спарте. Мирный договор был подготовлен, оставалось лишь скрепить его печатями. Ничего не предвещало трагической развязки… Неожиданно я получил от брата письмо с просьбой срочно выступить с флотом на Крит, чтобы подавить восстание пеласгов. Подчиняясь воле старшего, я простился с женой, извинился перед гостями и отбыл по поручению. Кто же мог подумать, что этот сопляк проявит такую чёрную неблагодарность и украдет мою несчастную Елену.

Менелай вновь стал ходить из стороны в сторону, пытаясь успокоиться. Это ему удавалось с трудом:

— Мало того, он прихватил с собой всю прислугу царицы, а это, как минимум, пятьдесят рабов и сокровища, которые находились в этот момент во дворце. Злоумышленникам удалось частью перебить, а частью усыпить бдительность моей стражи, они сели на два корабля, один из которых оказался недавно прошедшей испытания секретной диерой, и отплыли в Илион. На следующее утро мои спартанцы бросились в погоню и настигли одно из судов. Это был финикийский торговый корабль, ну… тот самый на котором прибыла делегация из Трои. Однако ни Елены, ни коварного обольстителя на борту не было. Вот уже две недели, как мои эскадры прочёсывают все близлежащие острова, но… похитителей и след простыл. Увы, друзья мои, я безутешен. Боюсь, что моя несчастная супруга уже томится в темнице. Дальнейшие поиски бессмысленны, остаётся лишь требовать от троянцев вернуть пленницу.

Менелай окончил свой печальный рассказ и, обхватив голову руками, сел за стол.

— Однако вначале было бы неплохо убедиться, что царица действительно находится в Трое, в плену у Париса, — заметил Одиссей, — а для этого мы должны внимательно и абсолютно беспристрастно расследовать все обстоятельства, связанные с её похищением.

— Да, этого требует совет геронтов и мой брат, чтобы официально, на государственном уровне, предъявить претензии троянцам, — грустно подтвердил Менелай слова друга.

От внимательного взгляда Одиссея не ускользнуло, что в определённый момент повествования Афина слегка побледнела. Произошло это, когда хозяин заговорил о том, как рыбаки нашли Елену. К концу истории лицо девушки и вовсе сделалось белым как стена. Она сосредоточенно о чём-то размышляла, нервно покусывая губы.

— Что с тобой? — спросил Лаэртид помощницу.

— Что-то неважно себя чувствую, — пробормотала та, — как видно, сказывается усталость. Мне надо немного пройтись и подышать свежим воздухом.

С этими словами Афина поднялась и, извинившись перед хозяином, вышла с террасы.

— Как это ни прискорбно, мой друг, но у меня создаётся впечатление, что твою жену не похитили, а как раз наоборот, — Одиссей, воспользовавшись уходом помощницы, решил поговорить с Менелаем начистоту. — Всё говорит о том, что без помощи царицы либо её ближайшего окружения у злоумышленников ничего бы не вышло.

Теперь Одиссей встал из-за стола и начал расхаживать по веранде, перечисляя вопросы, которые ранее определил для себя как ключевые:

— Во-первых! Каким образом супостаты сумели так быстро нейтрализовать стражу во дворце и в порту?

Во-вторых! Кто помог беглецам вывести в море столь сложный экспериментальный корабль? Куда, в конце концов, они направились? Ведь причастность к похищению оставшихся троянцев надо ещё доказать. Они-то свою вину отрицают, не так ли? — Одиссей вопросительно посмотрел на Менелая.

— Теперь они, конечно, будут врать напропалую, лишь бы спасти свою жалкую шкуру, — задумчиво проговорил Менелай и продолжил, с жаром оправдывая жену: — Ты же знаешь, как беззащитна Елена. Как легко её обидеть. Я все-таки не верю, что она виновна. Уверен, моя жена стала жертвой преступления или, в крайнем случае, обмана. Ведь она так доверчива…

«Как же, как же… доверчива. Эх, Менелай, Менелай!» — подумал про себя Одиссей, вспомнив рассказы Пенелопы о беспринципном нраве её двоюродной сестрицы. Однако вслух лишь сухо заметил:

— Всё же согласись, Менелай, одному троянскому царевичу было бы не под силу увести пятьдесят слуг, казну, перебить охрану во дворце, обхитрить городскую стражу да к тому же ещё угнать корабль незнакомой конструкции.

— Вот и я говорю, у него были приспешники.

— Но кто впустил этих… его присных во дворец?!

Спартанец сидел молча, потупив взор. Ему нечего было ответить. Одиссей взял друга за руку и, смягчив тон, примирительно сказал:

— Ну, что ж…, дело, действительно, запутанное. Мы начнём расследование завтра с утра. Я прошу тебя, Менелай, никого из причастных к произошедшему не отпускать. Мне надо будет опросить всю стражу и всех слуг. Повторяю — всех! И поверь мне, я докопаюсь до истины, чего бы это мне ни стоило. Клянусь тебе прахом моих хитроумных пращуров.

— Да, конечно, вся прислуга в твоём распоряжении, — заверил друга Менелай, — я сейчас же отдам все необходимые указания.

Окончив трапезу, друзья молча спустились вниз и, пройдя через тускло освещённый факелами вестибюль, оказались в обширном тронном зале. Одиссей с восхищением заметил, что за те пять лет, которые он не был в Спарте, жилище Менелая неузнаваемо преобразилось. Особенно это чувствовалось здесь, в мегароне. Всё вокруг говорило о присутствии женской руки. Причём рука эта была взыскательна и обладала прекрасным вкусом. На стенах, которые ранее были закопчены факелами, теперь красовались великолепные фрески с изображением сцен охоты, бытовых и мифологических сюжетов. Изящный орнаментальный узор покрывал пол и потолок помещения. Массивные деревянные колонны, украшавшие вход в тронный зал, теперь были увиты виноградной лозой и плющом.

— Однако, любезный друг. Кто твоя прелестная спутница? Ты ничего мне не рассказал о ней, — отвлёк Одиссея от созерцания фресок Менелай.

В его вопросе прозвучали игривые нотки, которых Лаэртид не мог не уловить:

— И не совестно тебе интересоваться молодыми особами в тот самый момент, когда пропала жена?

— Ну что ты, что ты!.. Это обычное любопытство, не более, — поспешил заверить гостя хозяин. — И, кроме того, мой интерес вполне оправдан, ведь она так похожа на мою бедную супругу.

Действительно! Одиссея и раньше не покидало чувство, что он где-то встречал это прекрасное лицо. Если бы не мужское платье, которое предпочитала носить Афина, и не коротко остриженные волосы, её вполне можно было бы спутать с хозяйкой дома.

«Весьма странное совпадение, — почесал затылок Лаэртид, — что-то здесь не так!» Однако вслух лишь сказал:

— Афина — дочь Клеанфа. Ты должен помнить его. Он воспитывался при дворе твоего отца до прихода к власти узурпатора Фиеста.

— Да, да кажется, припоминаю..., где же он теперь? Мы так весело играли с ним в детстве. Правда, я был совсем ещё ребёнком. Агамемнон и Клеанф частенько поколачивали меня. Было бы неплохо с ним встретиться.

— Боюсь, что теперь ты можешь встретить его лишь на Елисейских полях.

— Ах, как жаль, как жаль... Что ж произошло?

— Он служил у фараона и погиб в битве с хеттами при Кадеше. Надеюсь, ты ещё не торопишься в Элизиум[1]? — съязвил Одиссей.

— Да уж хотелось бы пожить подольше, — засмеялся в ответ спартанец, — однако, мой друг, я совсем заговорил тебя, завтра у нас трудный день, тебе стоит отдохнуть с дороги. Европа! — крикнул он и несколько раз хлопнул в ладоши.

Из-за крайней колонны неслышно, словно тень, вышла хорошенькая рабыня. Она остановилась перед царями, стыдливо потупив взор.

— Проводи нашего гостя к его ложу и ни в чём ему не отказывай, — сказав это, Менелай хлопнул рабыню чуть пониже спины и добавил, обращаясь уже к другу: — Ты можешь полностью распорядиться ею, это моя любимая служанка.

— Ты же знаешь, Менелай, я предан своей Пенелопе.

---

1 Элизиум, Елисейские поля — место обитания героев после смерти, рай.

— Но она ничего не узнает, — весело подмигнул Одиссею хозяин, — по крайней мере, я ей ничего не расскажу, даже если…

— Прекрати ёрничать, Менелай, ты неисправимый бабник, — с напускной строгостью оборвал друга Лаэртид. — Пойду лучше проветрюсь перед сном. Надо привести мысли в порядок.

Одиссей вышел из дворца, оставив хозяина наедине с его думами. Пройдя через мощеный двор к боковым воротам цитадели, он выяснил у часового, что Афина прошла здесь совсем недавно. Оказавшись за крепостной стеной, Лаэртид свернул в парк, террасами спускающийся вниз к реке. На небе сияла полная луна, отчего парковые аллеи были укрыты густой контрастной тенью деревьев. Пройдя немного вглубь и не встретив ни души, Одиссей негромко окликнул Афину по имени. Через некоторое время он повторил свой оклик громче и прислушался. Вместо ответа где-то неподалёку, в кустах, послышалась возня и сдавленный хрип. Не раздумывая, Лаэртид бросился на звук. Оцарапав руки и лицо, он наконец продрался через терновый куст на залитую лунным светом поляну. Здесь его удивлённому взгляду предстала следующая картина. Афина сидела верхом на каком-то лежавшем навзничь человеке и, приставив нож к его горлу, шипела, словно змея: «Кто подослал тебя, грязный ублюдок? Говори или клянусь Амоном, я перережу тебе глотку!» Незнакомец натужно хрипел, потому что локоть девушки уперся ему прямо в солнечное сплетение.

— Так ты от него ничего не добьёшься, — резонно заметил пришедший в себя Одиссей.

Девушка вздрогнула и невольно оглянулась на голос. Воспользовавшись возникшей паузой и оттол-

кнув руку с ножом от своей выи, незнакомец перевернулся на живот, встал на четвереньки и попытался вырваться. На первых порах ему это действительно удалось, и он даже поднялся с колен. Однако не тут то было. Афина, словно дикая кошка, запрыгнула противнику на спину и вновь приставила лезвие к горлу супостата, одновременно ухватив его сзади за волосы. Одиссей стоял как вкопанный, не понимая, кого спасать раньше. Было совершенно очевидно, что валькирия в его помощи не нуждается. Борьба продолжалась ещё буквально мгновение, как вдруг незнакомец поднял руку и что-то засунул в рот. Ещё через миг он обмяк и повалился на траву, задыхаясь и корчась в ужасных судорогах. Афина, вставив лезвие между зубов злодея, попыталась вынуть у того изо рта проглоченное. Вскоре её усилия увенчались успехом и в руках «спасительницы» оказалась небольшая капсула из рыбьего пузыря. Увы, она была прокушена и пуста. Ещё через пару мгновений яд довершил своё дело, изо рта незнакомца пошла пена, и он затих. Одиссей взял из рук амазонки рыбий пузырь и, растерев его между пальцами, поднёс к лицу.

— Похоже на сок цикуты[1].

— Вы всё испортили, мастер, — в сердцах сказала девушка, — если бы вы не вмешались, я бы успела его допросить.

— Но мне показалось, что тебе нужна помощь.

— Прекрасно справилась бы сама, — самонадеянно заявила Афина. Теперь в свете луны Одиссей увидел, как дико блестели глаза его помощницы. О!.. Это был взгляд пантеры, которую лишили добычи.

— Так… — многозначительно промолвил Одиссей, — кому-то явно не по душе наше расследование.

[1] Цикута — ядовитое растение.

Труп нападавшего завалился на правый бок, а голова была как-то неестественно вывернута вверх. Подойдя поближе, Лаэртид склонился над освещённым луной лицом мертвеца. Сразу было видно, что это не грек, да и платье, которое было надето на незнакомце, выдавало в нём иностранца.

— Сириец, скорее всего, финикийский моряк, — словно читая мысли Одиссея, сказала девушка и добавила: — Их было двое, разговаривали на арамейском… Да и нож, похоже, сработан где-то в Библе или Угарите.

Сказав это, Афина протянула руку и разжала ладонь, на которой поблёскивал увесистый с широким лезвием сирийский нож.

— А где же второй? Ты что, его тоже того...

— Он был не вооружён и бросился наутёк, как только увидел, что я перехватила нож у этого мерзавца, — Афина кивнула в сторону трупа, — думаю, что этот был только исполнителем. Да и одет второй был побогаче. Кстати, на нём был греческий хитон. Жаль!.. Упустила я их.

Девушка сделала шаг и пяткой брезгливо толкнула труп в плечо. Мертвец перевернулся на спину, широко раскинув руки. Лицо его вновь осветила полоса лунного света. В безжизненных глазах застыло удивление. Бандит явно рассчитывал на лёгкую добычу и не был готов к столь отчаянному сопротивлению.

— Но кто научил тебя так драться? Афина, я требую объяснений! Я не верю в ту историю, что ты рассказала мне в Пилосе. Мне необходимо знать всё о человеке, с которым имею дело. Мы должны полностью доверять друг другу. Иначе ничего не получится.

Одиссей взял девушку за плечи и развернул к себе лицом. «Однако!.. Как она удивительно похожа на Елену», — ещё раз отметил он про себя.

— Вы делаете мне больно, мастер, — Афина попыталась выскользнуть, но цепкие пальцы Лаэртида сжали её плечи ещё сильнее, — я всё расскажу вам, но сейчас не время, мне нужно собраться с мыслями и кое-что обдумать. Пока я сама ничего не понимаю. Просто поверьте мне, что я друг.

— Хорошо, идём спать, — согласился Одиссей, — но завтра ты мне всё расскажешь. Обещай?!

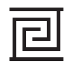
Девушка молча кивнула в ответ. В этот момент, вероятно заслышав шум, прибежали два запыхавшихся стражника. Царь Итаки приказал, чтобы они перенесли труп финикийца в подвал дворца, где ранее, по приказу Менелая, уже были сложены тела убитых при похищении Елены гвардейцев. Вои положили мертвеца на щит и, продев под эгиду копья, понесли в крепость. Наши герои пошли следом. Было уже время второй ночной стражи, когда Одиссей наконец добрался до постели. Однако сон всё не шел, и он ещё долго обдумывал план предстоящего расследования и беспокойно ворочался на заботливо покрытой мягкой овчиной кушетке.

Глава четвёртая

РАССЛЕДОВАНИЕ

Утро выдалось суматошным. Первым делом Одиссей решил выяснить у своей помощницы, что ей известно о Елене. Но оказалось, что Афина, сославшись на необходимость срочно осмотреть труп вчерашнего финикийца, уже спустилась в подвал. Одна из нижних кладовых, где обычно хранились скоропортящиеся продукты, была освобождена и туда, по приказанию Менелая, снесли тела всех убитых. Не желая мешать девушке, Одиссей решил отложить выяснение отношений до вечера. Что-то ему подсказывало, что Афине всё-таки можно доверять. Всего во дворце оказалось десять трупов: восемь гвардейцев, охранявших в ночь похищения покои царицы, сокровищницу и южные ворота акрополя, командир караула и давешний наёмный убийца. Кроме того, пятеро убитых было в порту. Что в точности там произошло, ещё предстояло выяснить, для чего Одиссей собирался после обеда поехать в гавань. Однако, судя по рассказам очевидцев, нападение на караул, охранявший новый секретный корабль, было совершено одновременно с нападением на цитадель. Там действовала вторая группа злоумышленников и, очевидно, не обошлось без боя. Все пять стражников были убиты, возможно, нападавшие тоже понесли потери, но тела своих погибших, похоже, они забрали.

Одиссей расположился в пустующих покоях царицы и принялся за опрос свидетелей. Все, кто в момент похищения Елены находились во дворце и могли пролить свет на произошедшее, были тщательно им опрошены. Выслушав к обеду один и тот же рассказ десятки раз, Лаэртид убедился, что стража северных

ворот и прислуга царя ничего путного сказать не могут, повторяют слухи и противоречат друг другу. Все они в ту ночь либо крепко спали, либо ничего не слышали. По-настоящему ценный свидетель был только один — ключница, которая первой увидела тела стражников. Она подробно описала, когда и где обнаружила убитых, как подняла тревогу и как были найдены трупы гвардейцев, охранявших южные ворота. Вся троянская делегация, за исключением пропавшего принца, ночевала в порту и была арестована позже. Как только на посольском судне узнали о происшествии, корабль снялся с якоря и попытался скрыться. На первых порах беглецам удалось, воспользовавшись суматохой и утренним туманом, выйти в открытое море. Однако уже к вечеру того же дня их настигли быстроходные спартанские монеры и сопроводили в гавань Аргоса. Там в царской тюрьме и содержались незадачливые приамовы парламентёры, равно как и экипаж корабля. Одиссей особо не рассчитывал получить от них сколько-нибудь полезные сведения. В отличие от Менелая он прекрасно понимал, что Парис подставил своих соотечественников, не известив их о побеге. Поэтому к похищению они не причастны и скорее всего ничего не знают. Он твёрдо решил, что ключ к проблеме надо искать здесь, в Спарте. Прекратив бесполезный опрос свидетелей и взяв ключницу в качестве сопровождающей, Лаэртид решил внимательно изучить дворец, чтобы полнее представить себе картину преступления.

Цитадель Спарты была схожа с аналогичными постройками в Микенах и Тиринфе. Мощные циклопические стены окружали строения акрополя, в которые входил дворец правителя и святилище Афины Паллады. Крепостная стена представляла собой гигантское сооружение в семь метров шириной. Она

состояла из двух кладок, пространство между которыми было заполнено мелким песком и утрамбованной породой. На верхней части стен могли свободно разъехаться две колесницы. По периметру цитадели располагалось двенадцать башен, однако в мирное время охранялось только четыре из них, непосредственно расположенные над воротами. Ворот имелось двое — южные и северные. Через первые проходила дорога, которая затем по пологим пандусам[1], повторяя периметр холма, на котором была расположена крепость, спускалась в долину. Петляя среди домов городской бедноты, она через рыночную площадь нижнего города извилистой лентой шла в сторону порта. Именно этой дорогой воспользовались похитители, чтобы увезти царицу. Вторые ворота выходили к аристократическому кварталу, расположенному сразу за небольшим садом, в котором произошло давешнее нападение на Афину.

Помещения дворца Менелая были построены ещё во времена правления предков его тестя, приёмного отца Елены. Резиденция представляла собой двухэтажный комплекс помещений, сгрудившихся вокруг просторного тронного зала — мегарона. На крыше находилась открытая терраса, на которой вчера ужинали герои. Большая часть помещений первого уровня была служебной: многочисленные кладовые соединялись коридорами, перемежались вестибюлями и ванными комнатами. Сам тронный зал занимал центральную часть дворца и имел высоту двух этажей, в него вели богато украшенные, обитые бронзой и инкрустированные слоновой костью двери. По второму уровню вокруг мегарона, как по галерее, располагались спальные помеще-

[1] Пандус — искусственный пологий склон.

ния царя и царицы. Они находились напротив друг друга. С обеих сторон их разделяли спальни для гостей. Из царских покоев по широкой деревянной лестнице можно было спуститься в коридор. А из него либо вернуться в тронный зал, либо через широкий, увитый плющом и виноградом портик выйти в обширный двор. Из опочивальни царицы такая же эстакада вела к задней части дворца и выходила на хозяйственный двор. Чтобы проникнуть во дворец, злоумышленники воспользовались именно этим входом. С другой стороны хозяйственного двора имелся проход к расположенному в углу акрополя святилищу Афины Паллады[1].

Под дворцовым комплексом находились подвальные помещения, в которых располагались тюремные камеры и кладовые для скоропортящихся продуктов. Заглянув в одно из таких помещений, Одиссей узрел Афину, как ни в чём не бывало колдующую над телами убитых. Девушка настолько была увлечена прозекторством, что не обратила на вошедших никакого внимания. «И не страшно ей, одной-то, с мертвецами. Вот бестия! — выругался про себя Лаэртид, — откуда, скажите на милость, у неё такие навыки? И эта странная, чтобы не сказать больше, внешняя схожесть с Еленой. Не нравится мне всё это!..» Оставив помощницу в покое, но твёрдо решив вечером обязательно во всём этом разобраться, Одиссей, сопровождаемый ключницей, продолжил изучение дворца. Старуха открывала всё новые и новые двери, а Лаэртид внимательно осматривал помещения. Исходя из того, что удалось выяснить в результате опроса свидетелей, он пытался составить более или менее чёткую картину

---

[1] Описание ахейских крепостей взято из книги У. Тейлора «Микенцы».

преступления. Постепенно в его голове стал вырисовываться следующий сценарий.

Каким-то образом, минуя стражу у южных ворот, злоумышленники проникли на хозяйственный двор цитадели. Произошло это сразу после развода второго ночного караула. Похоже, для этого супостаты воспользовались дренажной системой дворца. Дело в том, что на уровне подвалов под всем акрополем, включая дворы и стены, существует обширная сеть каналов для отвода дождевой воды и нечистот. Осматривая ливнёвку, Одиссей обнаружил, что канализационную решетку у входа в святилище Паллады недавно снимали, в то же время ключница утверждает, что систему не чистили с осени. Оставалось неясным, как преступники проникли в подземелье. Ведь все наружные входы в галереи блокированы, а схема является государственной тайной, известной лишь избранным. Судя по всему, прямое отношение к этому факту имело внезапное исчезновение «либо предательство!!!» придворного механика Архимеда.

С территории хозяйственного двора супостаты совершенно беспрепятственно проникли внутрь самого дворца. Значит, впустил их кто-то из своих: «не сама ли царица?!». Затем, перебив охрану, похитители обыскали дворец и очистили сокровищницу. Здесь тоже не обошлось без предательства, поскольку ни один из стражников не оказал ни малейшего сопротивления, что было невероятно. То есть приближение нападавших не вызывало у гвардейцев никаких опасений, что могло произойти, только если первым к ним подходил кто-то хорошо знакомый.

Для того чтобы скрыться, похитителям пришлось убрать внешнюю охрану. Снаружи цитадель патрулируется двумя отрядами гвардии, которые располагаются в караульных помещениях у южных и север-

ных ворот соответственно. Стража северных ворот ничего не слышала. Охранники же южной стены, мимо которых должны были пройти злоумышленники, были умерщвлены. Причём те из них, кто в момент нападения находился на посту, были мастерски убиты холодным оружием, а спящие в караульном помещении задохнулись от паров какой-то отравы. Расправившись с охраной, похитители направились через нижний город в сторону гавани.

Таков в общем был сценарий нападения. Надо признаться — план злодеев удался на все сто и прошёл на удивление гладко: «Слишком гладко... Клянусь Зевсом! без предательства не обошлось. Но кто?! Парис, слуги царицы или всё-таки она сама?» Остаются неясными два обстоятельства. Во-первых, кем были Елена и Парис в этом, великолепно подготовленном и разыгранном, как по нотам, спектакле — жертвами или организаторами? И, во-вторых, что искали похитители в покоях царя и в сокровищнице? Совершенно очевидно, что ограбление совершено лишь для прикрытия этих поисков. Да, золото и серебро увезено. Однако украшения и драгоценности остались на месте, хотя все сундуки и ковчеги, в которых они хранились, буквально перевёрнуты вверх дном. В кабинете Менелая передвинута даже мебель, а со стен сорваны гобелены и ковры: «Неужели Нестор прав, и похитители искали злополучный скипетр Миноса?! В таком случае, нашли ли они его?..»

Ворота нижнего города охраняла стража, набранная из гражданского ополчения. У стражников проезд царского кортежа не вызвал никаких подозрений, они привыкли к тому, что царица отправляется на морскую прогулку в столь ранний час. Таким образом, злоумышленники благополучно миновали посты нижнего города и направились к морю. Когда они

прибыли в порт, секретный корабль, скорее всего, уже был захвачен второй группой злодеев, спущен на воду и готов к отплытию. Однако обе группы были весьма немногочисленны, в общем — не более полторы дюжины. Поэтому остаётся неясным, откуда взялся экипаж для секретного корабля. Ведь, как утверждает Менелай, чтобы вывести диеру в море и оторваться от преследователей, необходимо, как минимум, пятьдесят гребцов и пять матросов.

Осмотрев последнее помещение в подвале и не обнаружив ничего нового, Одиссей вновь заглянул к Афине. Девушка развернула кипучую деятельность. Закончив осмотр напавшего на неё финикийца, она заставила слуг разложить тела всех погибших на столах и обстоятельно изучала трупы. Причем её не смущали ни обнажённые части тел, ни вывалившиеся языки, ни ужасные раны погибших. Создавалось впечатление, что одиссеева помощница занималась патологоанатомией всю жизнь. На вопросительный взгляд Лаэртида она только махнула рукой, дав понять, что говорить ещё рано. Одиссей не стал ей мешать и решил поехать в порт в надежде узнать что-нибудь новое от городской стражи или от начальника гавани.

— Эвмей! — кликнул он слугу. Мальчишка тут же выбежал со стороны кухни, что-то дожёвывая на ходу. — Запрягай лошадей, мы едем в порт.

— Господин, они взяли с собой провизию всего на день, — заговорщически прошептал мальчик.

— С чего ты взял?

— Старая кухарка рассказала, что накануне ей заказали лишь сотню пирожков с ячменём и мёдом. Кроме того, я выяснил это у ключницы, из кладовой пропало всего пять головок сыра и три амфоры с родосским вином.

— Да, для экипажа из пятидесяти человек и такого же количества рабов не густо… Однако само по себе это ещё ни о чём не говорит. Может быть, у них было припрятано продовольствие в порту. Возможно, они купили еду накануне на рынке, — стал возражать Одиссей, но, заметив, что парень приуныл, решив, что добытые им сведения оказались не особо ценными, примирительно добавил: — Поручаю тебе разузнать об этом поподробней в порту и на рынке, пока я буду разговаривать с городской стражей. И имей в виду, вопрос этот архиважный. Ведь если супостаты собирались плыть в Илион, им был бы необходим запас продуктов на неделю.

— Хорошо, мастер! — радостно ответил Эвмей, подражая Афине в обращении к хозяину. — И вот ещё…

— Что?

— Старая кухарка всё время плачет и клянётся, что дворцовый механик не мог предать хозяина.

— Ей то почём знать?

— Она говорит, что они с Архимедом давно любят друг друга и обычно он ночует у неё, а в ту злосчастную ночь механик не вернулся домой… Ещё в обед ушёл на рынок, и с тех пор его никто не видел.

— Может, старик предпочёл ей молодую гетеру и остался в городе? — засмеялся Лаэртид. Эвмей покраснел. В голове юного сыщика явно не предусматривался подобный сценарий. — Ладно, ладно, не расстраивайся, после обеда проверим твою версию. А сейчас бегом на конюшню и выгоняй колесницу во двор, я буду ждать тебя там.

«А парень не промах, — подумал Лаэртид, выходя во двор. — Надо будет и дальше привлекать его к расследованию. Похоже, из него выйдет толк. Действительно, предательство старого Архимеда как-то

не укладывается в голове. Куда же он в таком разе подевался? Может, его похитили, чтобы выяснить, как управлять секретным кораблём? И всё же. Как ни крути, только он мог провести злодеев по ливневой системе во двор цитадели. Лучше его никто не знает устройство дренажных каналов, а значит, предательство исключать нельзя».

Ход мыслей нашего героя прервал слуга, который уже выводил под уздцы запряжённого в одноосную коляску вороного. Одиссей легко запрыгнул в колесницу и хлестнул коня вожжами, тот взял с места в карьер, да так резво, что мальчишке пришлось запрыгивать на ходу.

У ворот нижнего города было безлюдно, лишь два молодых стражника, судя по виду, из городского ополчения, азартно играли в кости, удобно примостившись в тени развесистого дуба. Одиссей осадил вороного, соскочил на землю и направился в караульное помещение в надежде застать там какое-нибудь начальство. Ему повезло. Старшина городской стражи как раз распекал двух солдат, стоявших пред ним на вытяжку. Это был пышнотелый уже немолодой человек с мясистым носом, двойным подбородком и обширной плешью на голове. Кожаный нагрудник надетого на нём богатого доспеха слегка скособочился. Из-за этого изображённый на панцире грозный лик Медузы Горгоны перекосило, что, в свою очередь, сделало *обращающий в камень взгляд* бестии немного застенчивым. Она взирала на окружающих, как бы извиняясь за неказистый вид хозяина. Несмотря на явный конфуз офицер что-то очень сердито выговаривал воям, комично размахивая у них перед носом толстым кривым пальцем.

— Да благоволят вам боги, — Лаэртид остановился на пороге, прервав своим появлением пламенную речь витии.

— Прибудет счастье и в твоём доме, — ответил начальник караула, моментально оценив царственную стать вошедшего. — Какое неотложное дело привело тебя ко мне, богоравный? — тут же сменив гневные интонации и жестом показывая солдатам удалиться, продолжил начальник стражи.

— Я веду расследование обстоятельств похищения царицы по поручению пастыря народов Агамемнона, да не оставит его мудрость. — Одиссей присел на скамью из белого мрамора, стоящую справа у стены, и огляделся.

Караульное помещение имело весьма жалкий вид. От дыма круглосуточно сжигаемых факелов стены и потолок были покрыты толстым слоем сажи. Расположенный в центре прямоугольной формы очаг давно не чистился. Висевшее на стенах оружие было щедро засижено мухами и тоже закопчено. Всё это, как собственно и облик самого начальника караула, красноречиво говорило о вот уже почти вековом мире, царящем в Лаконии.

— Чем я могу быть полезен *многоумному Одиссею*? — заметив осуждающий взгляд гостя, поспешил сгладить негативное впечатление хозяин.

— Откуда тебе известно моё имя?! А впрочем… мой приезд уже наверняка обсуждался на рынке, — безнадёжно махнул рукой Лаэртид, понимая, что об инкогнито его миссии давно пора забыть. — Я хотел бы знать, кто дежурил в то утро и можно ли с этими людьми поговорить?

— Сделать это проще простого, богоравный. Дело в том, что я сам находился возле ворот, когда проехал кортеж царицы.

— Можешь подробно описать всё, что видел? — обрадовался неожиданной удаче Лаэртид, — но вначале поведай мне, из какого ты рода и чем занимаешься.

— Буду весьма польщён, если смогу хоть немного помочь в столь важном деле, — чуть более услужливо, чем требовалось, ответил начальник стражи. — А зовут меня Агесилай, я судовладелец из Милета, но постоянно живу в Спарте. Мой род уже семьдесят лет поставляет пшеницу и вино к царским дворам здесь и в Микенах.

— Разве товары, идущие в Микены, разгружаются тут?

— Нет, большая их часть разгружается в Аргосе, там находится моё представительство, которым заведует верный раб.

— Ты доверяешь невольнику управление торговыми делами семьи?!

— Это очень преданный и безукоризненно честный раб, моя семья приобрела ещё его отца много лет назад. Он из тех карийцев, которых продали в рабство после захвата Милета. Я полностью доверяю ему. Сам в Аргос наведываюсь редко, только когда еду к царскому двору. Здесь же, в Лакедемоне, приходится управляться самому. В качестве гражданской повинности совет геронтов назначил меня командовать городской стражей. Видят боги, как трудна для меня, далёкого от военных дел человека, эта литургия[1]. Дело в том, что для городской стражи набирается ещё совсем зелёная молодёжь. Этот контингент воинов не так надёжен, как царские гвардейцы, что охраняют акрополь. Вот и приходится всё время контролировать. Однако старейшины решили, что мне будет несложно это делать, так как по роду деятель-

[1] Литургия — государственная повинность.

ности я встаю ни свет ни заря и отправляюсь в порт, куда практически ежедневно приходят мои собственные корабли или суда моих партнёров…

— Так как же насчёт той ночи? — бесцеремонно прервал Одиссей затянувшуюся преамбулу разговорчивого судовладельца.

— Ах да!.. Прошу прощения, богоравный, — спохватился Агесилай и на удивление лаконично продолжил: — Царица проехала мимо нашего поста в начале третьей стражи ночи. Кортеж состоял из четырёх двуосных повозок, стольких же телег с грузом и колесницы с охраной. Они проследовали без задержки, ты ведь знаешь ванак, мы не имеем права досматривать или даже останавливать царский выезд. Кроме того, их сопровождали восемь верховых гвардейцев.

— Верховых гвардейцев? Ты ничего не путаешь?

— Как можно, — обидным тоном сказал начальник караула.

— Странно. Ты что же, узнал кого-нибудь из них в лицо?

— Нет, но на них была гвардейская форма.

— Это ведь могли быть и переодетые троянцы, — высказал сомнение Лаэртид.

— Теперь я понимаю, что да. Но тогда мы не присматривались, да и темно было.

— Может быть, ты или твои люди заметили ещё что-нибудь?

— Нет, всё было как обычно. Царица любит утренние морские прогулки и часто выезжает со своей прислугой в столь ранний час. Мы все привыкли к этому.

— Ты видел царицу или Париса?

— Нет, она всегда едет в закрытом экипаже, а троянец наверняка был с ней.

— Значит, ничего странного или необычного в то утро не было? — ещё раз уточнил Одиссей, поднимаясь со скамьи.

— Абсолютно ничего, богоравный Одиссей, — подтвердил судовладелец, тоже приподнимаясь, чтобы проводить гостя. — Разве что...

— Что?.. Ну, отвечай же, что именно? — Одиссей резко повернулся и посмотрел Агесилаю в глаза.

— Понимаешь, басилевс, — замялся тот, — сразу за царской колесницей ехал открытый экипаж с прислугой. Одна из рабынь, как мне показалось, что-то обронила. Вначале я не придал этому никакого значения. Мало ли что привидится. Однако позже, когда я собрался идти в порт, на дороге в пыли я нашёл вот это… — он вытянул руку. На раскрытой ладони лежала удивительной красоты женская серёжка.

Одиссей взял украшение двумя пальцами и стал внимательно рассматривать на свет. Серьга была редкой работы из чистого золота. По форме она напоминала маленькую булаву. Причём набалдашник был свит из тончайшей проволоки, сквозь сетку которой проглядывал кристалл смарагда размером с пшеничное зерно. Сразу было видно, что украшение изготовлено на Востоке.

— И что ты по этому поводу думаешь?

— Даже не знаю, как сказать… Я разбираюсь в подобных вещах. Похоже на финикийскую работу, такие серьги стоят очень дорого, они никак не могли оказаться у рабыни.

— Рабыни бывают разные… — задумчиво проговорил Одиссей, — ты же сам говоришь, что у тебя раб управляет целым флотом.

— Да, и все-таки это очень ценная вещь. За свою жизнь я повидал множество украшений, но эта серьга особенная.

— Что же в ней необычного?

— Взгляните внимательней, богоравный, нигде нет даже следов пайки или клёпки, в жизни не видел такой филигранной техники, серьга как будто отлита целиком.

— Кто же из людей мог изготовить столь ажурную скань?

— Никто.

Лаэртид оторвался от изучения украшения и с интересом взглянул на собеседника.

— Никто, — повторил Агесилай и добавил: — Из людей… Такая работа под силу лишь одному мастеру — Гефесту.

— Ты хочешь сказать, что бог-демиург лично спустился с небес, дабы подарить серьги одной из рабынь Елены?! — Одиссей скривил такую кислую мину, будто съел целый лимон. — Может, всё-таки обойдёмся без небожителей?

— Я просто хотел обратить ваше внимание, хитроумный ванак, на эту странность… — затараторил торговец.

— А ты уверен, что её обронила именно та рабыня? Ведь она могла лежать здесь давно, — прервал его тираду царь Итаки, давая понять, что не намерен больше обсуждать мистические версии.

— Не думаю. Место слишком людное, чтобы такое украшение пролежало долго незамеченным. Я уверен, серьга появилась сразу после того, как проехал кортеж Елены.

— Как выглядела та рабыня? Ты её узнал?

— Нет, было слишком темно. Я лишь разглядел, что на голове у неё была финикийская шаль с узором из цветов. Больше, к сожалению, я ничего не заметил. Какое горе, какое горе! Если бы я только знал, что нашу *прекрасноволосую* царицу увозят эти злодеи, —

стал картинно причитать и рвать на себе волосы начальник стражи.

Всё это показалось Одиссею не очень искренним. Ну... да мало ли, что у него в голове. Лаэртид прекрасно знал, что торговцы в Спарте недолюбливали царицу. Елена жила на широкую ногу, и с её появлением им пришлось раскошелиться.

— Я заберу эту серьгу с собой и постараюсь выяснить, кому она принадлежит, — прервал притворные стенания судовладельца Одиссей и сунул украшение в кожаный подсумок на поясе.

— Конечно, конечно... как посчитаешь необходимым, богоравный. Я рад, что смог хоть чем-то помочь в государственном деле.

Одиссей простился с Агесилаем и направился к выходу из караульного помещения, однако на пороге вдруг остановился и, обернувшись, как бы невзначай спросил:

— А почему ты не рассказал о находке начальнику гарнизона или царю Менелаю при предварительном расследовании? — он пристально посмотрел на командира стражников.

Тот стушевался, взгляд его забегал, наконец он промямлил что-то невразумительное, что якобы забыл и сразу не придал находке какого-либо значения. Всё это решительно не понравилось Одиссею, но, рассудив, что вряд ли сейчас можно добиться от Агесилая большего, он вышел из караулки и направился в сторону гавани.

Дорога террасами спускалась вниз, то и дело перемежаясь лестничными пролётами. Вокруг ютились убогие дома ремесленных предместий. Раздумывая над услышанным, Одиссей не заметил, как оказался на рыночной площади, где по уговору его должен был дожидаться Эвмей с упряжкой. В этот полуденный

час на агоре было шумно и оживлённо, торговля шла вовсю. Одиссей протолкался сквозь толпу к противоположному выходу с площади и увидел слугу, который сидел в колеснице и опять что-то жевал.

— Хозяин, в городе только и разговоров, что о похищении царицы, — затараторил мальчишка. — Все уверены, что здесь не обошлось без финикийцев. Одна тетка даже сказала, что царицу похитили, чтобы принести в жертву их кровожадному богу Молоху. Говорят, что для процветания их грязной работорговли постоянно необходимо приносить в жертву царскую кровь. Вчера в порту крепко избили финикийских матросов, досталось и трём киликийцам, которые были с ними.

— Не повторяй глупости, Эвмей. Финикийцы уже давно не совершают человеческие жертвоприношения, а если раньше и приносили в жертву людей, то только своих же первенцев мужского пола, — намеренно сделав ударение на последнем словосочетании, «успокоил» слугу Одиссей. Мальчик с ужасом посмотрел на хозяина, а тот как ни в чём не бывало продолжил: — Да не бойся ты! Они приносили их в жертву в младенческом возрасте, чтобы закопать под порогом дома.

— О, боги! Но зачем?

— Как зачем — на счастье.

Объяснения хозяина настолько взволновали Эвмея, что всю дальнейшую дорогу в порт он только и делал, что причитал по поводу варварства и дикости хананейских обычаев. Рассказ же об обряде обрезания вообще привёл его в шок. Мальчишка умолк, а Одиссей наконец смог спокойно поразмышлять.

Едва понукаемый возницей, вороной резво лёгкой иноходью бежал к морю. Спарта находилась далеко от

побережья, так что ехать пришлось довольно долго. Эвмей, видимо, на нервной почве, уплетал за обе щеки ячменные пироги, приобретённые на рынке.

Наконец, между холмами вначале несмело, а затем всё решительнее и решительнее замелькали голубые штрихи. Ещё через миг морской простор буквально выплеснул свою беспредельную ширь навстречу героям. Это был залив Лаконикос. Порт Спарты представлял собой хорошо прикрытую от ветра якорную стоянку. Полтора десятка разношёрстных купеческих посудин сонно тёрли крутые дубовые борта о лёгкую *виноцветную* рябь залива. Гелиос уже уверенно склонял свой диск к Западу, однако было ещё довольно жарко. Послеполуденный зной неохотно, но неотвратимо уступал раскалённое побережье вечеру.

Основные силы менелаевого флота находились в Аргосе, здесь же базировались не более десятка афракт. Задачей этих лёгких беспалубных судов была защита побережья от пиратов. Постоянно находясь в крейсерстве, они заходили в порт лишь для мелкого ремонта и замены экипажей. Вот и сейчас две узкие, как сигары, лодки, словно перепачканные в песке тюлени, сушили свои смоленые днища под лучами уходящего светила. Прокатив мимо шумной толпы матросов и гребцов, отдыхающих перед походом в густой тени обрыва, Одиссей остановил упряжку у большого крытого ангара, из которого, судя по всему, и был угнан секретный корабль. *Затянув бразды за скобу* и поручив коня Эвмею, он направился к группе расположившихся невдалеке эпибатов[1]. Составив оружие пирамидой и скинув доспехи, морские пехотинцы сгрудились у костра в предвкушении сытого ужина. По округе стелился божественный аромат

---

1 Эпибат — солдат морской пехоты.

налитых кровью и жиром жареных козьих желудков. Пожилой гоплит, выделяющийся среди прочих ростом и силой, узнав царскую колесницу, поднялся навстречу Лаэртиду:

— Царский глашатай предупредил меня о твоём приезде, благородный ванак Итаки. Не желаешь ли разделить с нами ужин, *сладкой отведав утробы козьей*.

— К сожалению, вынужден отказаться, радушный Меланфий, — догадался, что перед ним начальник гавани, Одиссей, — уже поздно, а я хочу ещё до заката возвратиться в Спарту. Не мог бы ты уделить мне немного времени и ответить на кой-какие вопросы.

— Рад помочь тебе, хитроумный сын Лаэрта.

— Как случилось, что твоя опытная стража вовремя не заметила нападения?

— Судя по следам, которые остались на пляже, нападающих было человек пять-семь, не больше. Они появились внезапно, причём, что удивительно, со стороны моря. Это и обескуражило стражников.

— Но почему?

— Дело в том, что мои гоплиты охраняют ангар с берега, с моря же бухту сторожат лёгкие корабли. Наварх[1] утверждает, что в ту злосчастную ночь ни один корабль в гавань не входил. Кроме того, если бы злоумышленники прибыли на корабле, то на песке обязательно остался бы след от киля, ведь прибоя в гавани практически нет.

— Так что ж, твоих бравых ребят перерезали морские нимфы?

— Уж не знаю, Лаэртид, нимфы или ихтиандры, только дрались они мастерски. В один миг вырезать пять опытных охранников!.. Согласись, такое под силу не каждому.

[1] Наварх — командир эскадры.

— Ты думаешь, что бой был недолгим?

— А что тут думать? Мои ребята даже не успели подать сигнал тревоги вон на тот пост. — Меланфий показал рукой на вершину обрыва, где на расстоянии примерно в три стадия от порта располагался караул, ведущий общее наблюдение за бухтой, и с горечью добавил: — Перерезали, как цыплят.

— А почему сторожевые корабли не отреагировали на выход диеры в море?

— Она всегда выходит для испытаний в предрассветных сумерках, чтобы с торговых судов не могли её рассмотреть. На сторожевых кораблях, да и на верхнем посту видели выход секретного корабля, но не придали этому значения, ведь сигнал тревоги от охраны ангара так и не поступил.

— Вы, конечно, проверили все торговые суда, стоящие на рейде?

— Нет, нам приказали задержать и обыскать только того финикийца, на котором приплыл Парис с троянцами, — начальник гавани испуганно посмотрел на Одиссея. — Ты считаешь, что злодеи могли добраться с рейда вплавь? С какого-нибудь купеческого судна?!

— В противном случае, любезный Меланфий, нам действительно придётся признать, что это были нимфы, — усмехнулся Лаэртид.

— Значит, следует осмотреть все торговые корабли?!

— Причём я бы порекомендовал тебе заняться этим немедля, хотя боюсь, что уже слишком поздно.

— Могу ли я быть уверен, благородный Одиссей, что царь Менелай одобрит столь радикальные меры?

— Можешь не сомневаться, а если что — вали всё на меня.

— О… с каким удовольствием я выверну наизнанку всех этих торгашей, — с вожделением потёр руки Меланфий.

— Вот и славно. Я буду ждать результатов обыска во дворце. Приезжай доложить лично, как только закончите. Буду ждать тебя в любое время. Да, обращайте внимание на любые мелочи.

«Что ж, противник умён и коварен. Предусмотрел всё, даже тупость охраны. Не побоялся, что корабль могут проверить на выходе из гавани. Хотя, судя по тому, что говорил Менелай об этой чудо-диере, сторожевые суда всё равно бы её не догнали, — размышлял Одиссей, разворачивая колесницу обратно в город. Уже проезжая по склону обрыва, он увидел, как забегали оставленные по его милости без ужина солдаты. — Ничего, ничего. С голоду не помрут, а животы немного растрясти им только на пользу. Совсем, вишь, мозги жиром заплыли на мирных харчах».

Обратная дорога прошла без приключений. Однако на въезде в Спарту пришлось немного придержать вороного. Из города в сторону моря навстречу нашим героям двигалась длинная процессия в честь Иакха или, как его именовали чаще, Диониса. Уже стемнело. Внимание Одиссея, для которого культ новомодного фригийского божка был абсолютно дик и неприятен, привлекла не сама процессия, а та вакханалия, которая её сопровождала. Пьяные полуобнаженные люди двигались по дороге, размахивая факелами и увитыми плющом и виноградной лозой палками. Особенно старалась группа женщин-вакханок, по-видимому, жриц Бахуса. Опоясанные змеями, совершенно голые, они двигались во главе процессии, сметая все на своём пути. Две из них крутились в бешеном эротическом танце, скорее похожем на эпилептический припадок, и с диким воплем «Иакх

Эвое[1]!» то и дело падали на землю, корчась в конвульсиях религиозного экстаза.

Будучи сторонником рациональных убеждений, Одиссей не признавал любые формы фанатизма. Конечно, дома на Итаке ему как правителю приходилось возглавлять религиозные процессии, жертвоприношения и возносить молитвы богам от имени сограждан. Ведь царь в ахейском обществе был не только военным вождем, он также исполнял сакральные обряды, а значит, являлся главным жрецом общины. Любил Лаэртид и повеселиться во время многочисленных данайских праздников. Бывало, захмелев от доброго вина, он ночи напролёт танцевал с друзьями или под звуки *сладкострунной* кифары до хрипоты горланил походные гимны. Однако то, что он видел сейчас, было уже чересчур. Недаром многие ахейские басилевсы запрещали в своих городах культ бога вина, доводящий людей до исступления и превращающий их в зверей.

— А ты говорил, малыш, о варварстве сирийцев, — повернулся он к Эвмею. — Ты только взгляни на этих несчастных, охваченных священным безумием. Неужто это ахейцы?! Куда катится наш народ? Где бы ни появлялся этот полоумный бог, он везде насаждает свои обычаи, ввергая нас в дикость древних демонических обрядов. А ведь среди этих людей наверняка есть солидные граждане и чопорные матроны. Но стоит только дать им повод, а уж тем паче официальную возможность скинуть хитон скромности, как они тут же превращаются в зверей. Куда исчезает культура и образование, этика и эстетика? Нет, что ни говори, знания бессильны против хтонических позывов человеческого естества.

---

[1] Слава Вакху.

… Ключ от заветной двери подберу, чтобы снова
Знаний горнило могло переплавить руду.

В памяти героя неожиданно всплыли последние строчки пророчества, которое Афина привезла из Египта «… переплавить руду… переплавить руду!»

— Так вот что за руда имеется ввиду в тексте оракула. Руда — это мы, люди! Значит, Пифия наивно полагает, что знания могут облагородить род людской. Ха-ха! Выплавить из руды человеческих душ некий чистый металл. Благородная, но, боюсь, невыполнимая затея. Человек всегда был и останется зверем. Чем могущественнее царство, чем цивилизованнее общество, тем более изощрённо люди убивают друг друга. Даже мир и покой не приносят человечеству счастья. Как только прекращается война, как только люди перестают, словно дикие звери, рвать плоть ближнего, тут же ярость в их сердцах уступает место разврату, тупости и корысти. Увы! Человечество рождено в дикости, а погибнет от роскоши и беспутства. Лично я в этом не сомневаюсь…

Эвмей молча слушал хозяина, с трудом улавливая смысл витиеватого монолога, и одновременно, раскрыв рот, глазел на невиданное им доселе шествие поклонников Вакха. Колесница уже въехала в предместья Лакедемона, а он всё оборачивался назад, провожая взглядом экстатическое действо.

— А я вас заждалась, — радостно встретила героев Афина, придерживая под уздцы разгорячённого коня. Несмотря на усталость в глазах девушки светились азартные огоньки.

— Эвмей, займись упряжкой! — крикнул Одиссей слуге, спрыгивая на землю. Но, заметив, что парень скис, примирительно добавил: — Потом можешь

подняться к нам, перекусить. А ты Афина распорядись, чтобы ужин подали прямо наверх в наши комнаты. Я жуть как проголодался, а нам ещё предстоит нелёгкий разговор с Менелаем.

— Царь срочно уехал в Аргос, а оттуда прямиком поедет в столицу к брату. Он просил передать вам, мастер, что будет ждать нас в Микенах послезавтра утром на совете геронтов, — бойко отрапортовала Афина.

— Однако странно, какие такие срочные дела могут быть у человека, у которого похитили жену… Ну что ж, это как нельзя кстати, может, оно и к лучшему, — задумчиво сказал Лаэртид. Ему сейчас жутко как не хотелось объясняться с другом. Ведь всё, что сегодня удалось узнать, ещё больше бросало тень подозрений на Елену.

За ужином Одиссей первым поделился с помощницей своими соображениями о ходе следствия. Афина слушала внимательно, не перебивая, лишь изредка вставляя короткие восклицания, когда повествование Лаэртида пересекалось с её личными наблюдениями.

— Теперь расскажи, что удалось узнать тебе? — окончив свой рассказ, спросил Одиссей.

— Главная новость заключается в том, что нашли пропавшего механика.

— Ты его уже допросила?

— Его уже давно допрашивает Минос в Аиде.

— Когда же его убили?

— Точно сказать трудно, но судя по степени разложения трупа, скорее всего, в тот же день когда исчезла царица.

— Чем же им не угодил старик?! Ты можешь подробно описать, как и где его обнаружили?

— Труп сегодня в полдень нашёл садовник. Тело несчастного было слегка присыпано землёй и лис-

тьями в дальнем уголке парка, — невозмутимо начала рассказывать Афина, словно речь шла о вышивке или о каком-либо другом женском занятии. — Смерть наступила от кровопотери. Архимеда вначале пытали, а затем ему перерезали горло, причём сделано это было мастерски. Порез неглубокий, но в то же время полностью рассечены обе сонные артерии, а трахея не тронута. Профессиональная работа. Чтобы нанести такой разрез бронзовым мечом или даже стальным кинжалом, нужна удивительная тонкость в движении. Рука убийцы прошлась вокруг горла жертвы одним взмахом, как бы повторяя округлость выи. Я полагаю, орудие убийства было изогнутым.

— Изогнутым?! Ты хотела сказать: вогнутым вовнутрь со стороны лезвия, как серп, — уточнил Лаэртид.

— Вот именно, мастер.

— Что-то я не припоминаю такого оружия, — Одиссей удивленно посмотрел на девушку.

— Семитский ритуальный нож для обрезания, — спокойно, не испытывая и тени смущения к теме разговора, ответила Афина.

— Но постой… хотя почему нет? — как бы размышляя с самим собой, пробормотал Лаэртид. — Значит, опять финикийцы? Что ж получается? Тайными рычагами этого запутанного дела управляют подданные Ахирама Библского?.. Или это сидонцы?!

— Кровь запеклась на верхней части пореза, а главное — лицо абсолютно синюшное, как будто много крови осталось в голове, — не вслушиваясь в рассуждения Одиссея, Афина продолжала сухо излагать факты.

— Что из этого следует?

— Из этого следует, мастер, что жертва в момент убийства была вверх ногами.

— То есть как?

— Я имею в виду, что его подвесили за ноги и пытали. На лодыжках остался синяк от верёвки. Кстати, несколько волосков мне удалось соскоблить.

— Ну и что это?

— Это, без сомнений, корабельный канат!.. А если быть точной — иберийская пенька. Она широко применяется в бегучем такелаже. Особенно её любят финикийцы. В любом случае, купить её можно лишь у них. Ведь в Таршиш[1] ходят только их суда.

— Что им понадобилось от старика?

— Я думаю, мастер, вы были правы, когда заподозрили, что сведения о системе дренажных каналов и ливневых галерей злоумышленники получили именно у Архимеда. Ведь он служит при дворе уже полвека и участвовал в реконструкции, которая, как я выяснила, проводилась лет тридцать тому. Старика, как я говорила, вначале пытали и лишь затем убили. Все суставы у несчастного выкручены. Похоже, что они скрутили руки и ноги у него за спиной и вздёрнули на ближайшем дереве, пока старик не заговорил. Они хотели выведать у него, где новая дренажная система пересекается со старыми галереями, входы в которые не охраняются.

— И, судя по всему, им это удалось. Но почему они не забрали его с собой? Если они хотели захватить корабль, то им нужен был и корабельный мастер. Разумней было бы старика похитить, а затем на месте вытрясти из него все необходимые сведения. Но они его, как ты говоришь, пытали здесь же, в саду, рискуя провалить всё дело, ведь каждую минуту мог появиться патруль.

---

[1] Таршиш — богатый город в Южной Испании, упоминается в Библии.

— Значит, на корабле им не нужен был механик…

— То бишь, они сами прекрасные моряки! — закончил мысль девушки Лаэртид. — А кто у нас самые лучшие корабельщики?

— Финикийцы! — чуть ли не прокричал Эвмей, который, воспользовавшись разрешением хозяина, уже давно вошёл в комнату и, присев в углу, внимательно слушал рассказ девушки.

Одиссей строго глянул на слугу. От этого взгляда мальчишке нестерпимо захотелось залезть под стол, но внезапно взор Лаэртида смягчился:

— Верно, малыш, опять хитрые морские бродяги… Что ж, с этим всё более или менее ясно.

Далее Афина обстоятельно объяснила Одиссею, как злоумышленники прошли во дворец, как была нейтрализована внутренняя стража и как были убиты гвардейцы, охранявшие южные ворота акрополя. Свой рассказ девушка снабжала подробным описанием действий нападавших, применяя специфические военные термины и шокирующие анатомические подробности. Слушая свою помощницу, Лаэртид всё более и более мрачнел. Ему было совершенно непонятно, откуда у придворной дамы фараона подобные познания. «Если я чего-то не понимаю — я этого боюсь!» — подумал он. Дослушав до конца доклад Афины и убедившись, что их мнения, различаясь в деталях, в целом совпадают, Одиссей отправил Эвмея на кухню и сказал:

— Хорошо, ты прекрасно поработала. Завтра мы едем в Микены, там я изложу наши выводы царю и геронтам. Кстати, на совет приглашены все ахейские басилевсы, и у меня будет прекрасная возможность представить тебя при дворе. — Афина склонила голову в знак благодарности. — Однако сейчас я хотел бы услышать правду о том, кто ты на самом деле и

что тебе известно о Елене. Не забудь упомянуть, где тебя научили искусству рукопашного боя и всем этим анатомическим премудростям. Неужели при дворе фараона? Я жду объяснений, Афина…

Девушка долго молчала, как бы собираясь с мыслями. На её лице отражалась скрытая душевная борьба. Она встала, нервно прошлась по комнате, остановилась у окна и наконец, словно разорвав паутину мучивших её сомнений, решительно начала:

— Я много слышала о вашем благородстве и справедливости, мастер Одиссей, поэтому доверяюсь вам полностью и расскажу всё без утайки, чтобы вы могли *всю истину ведать*. — Афина сделала глубокий вдох и продолжила: — Мой приезд в Элладу не случаен. Я вынуждена была бежать из Египта, так как в противном случае мне грозила смерть.

— За что же тебя преследуют слуги фараона?

— Они здесь ни при чём.

— Тогда от кого ты скрываешься?

— Меня разыскивают суфеты Угарита.

— Что нужно судьям мирного ханаанского города от бедной ахейской девушки, отец которой геройски погиб, защищая фараона.

— Клеанф не был моим отцом. На самом деле у него был сын, который действительно воспитывался в Фивах при храме в Луксоре, но он умер год назад. Мои египетские покровители, жрецы храма Амона, разрешили мне воспользоваться этой легендой, для того чтобы скрыться в Элладе.

— Финикийские торговцы хитры и беспринципны, однако я не предполагал, что их влияние настолько велико, что даже стены египетских храмов не могут стать надёжной защитой.

— Вы даже не представляете себе, мастер, насколько далеко идут честолюбивые планы торговых кланов

Угарита. Они хотят полностью подмять под себя морскую торговлю и ради этой цели, уж поверьте, сметут любые преграды.

— Я не уверен, Афина, что Эллада является хорошим местом для беглеца из Ханаана. У Микен прекрасные отношения с Угаритом. Наши купцы даже имеют там собственный квартал. Договор о выдаче государственных преступников, который Агамемнон недавно подписал с хеттским царством, распространяется в том числе и на Угарит, как на город, находящийся в вассальной зависимости от Хаттусы. Более того, я как ахейский басилевс просто обязан выдать тебя царским эфорам. Так что тебе придётся представить очень веские доводы, чтобы убедить меня не делать этого.

— Дело в том… — Афина закусила губу и на какое-то мгновение замолчала, но, единожды сунув голову в петлю, решила не останавливаться и, уперев в Одиссея пронзительный взгляд, произнесла: — что я жрица-воин угаритского храма богини Анат.

— Вот те раз! — усмехнулся Лаэртид. — Только служителей тайного общества мне и не хватало. Я много слышал о воинстве богини Анат или, как мы её величаем, Афродиты Порне, но всегда считал это баснями. Неужто действительно финикийцы воспитывают амазонок, чтобы затем использовать их в своих грязных политических интригах?

— Увы, благородный Одиссей, это так. Обучение и воспитание я получила в приюте при Храме богини. Именно там меня научили драться любым видом оружия или без него. В пятнадцать лет я была введена в окружение египетского фараона и беспрекословно исполняла все, что мне поручали наставницы Храма Анат. Ведь я искренне считала, что борюсь с вселенским злом. Так прошло три долгих года, в течение

которых я выкрала десятки важных документов и совершила не одно убийство. Но в один прекрасный момент я поняла, что являюсь просто куклой в руках беспринципных угаритских магнатов и решила порвать с прошлым. Вскоре мне представился удобный случай, и я открылась верховному жрецу храма Амона в египетских Фивах. Он поверил мне и дал своё покровительство.

— И всё-таки, Афина, я не понимаю, почему ты бежала именно сюда? Как я уже говорил, земля Эллады вряд ли может стать для тебя надёжным убежищем.

— Я не ищу убежища, мастер. Прятаться от воинства Анат бесполезно. Они не прощают измены. Отказ служить Храму Девы автоматически является смертным приговором. Поэтому я решила сражаться за свою жизнь. Я ахеянка по происхождению и уверена, что ещё смогу принести пользу своей отчизне. По крайней мере, моя смерть дорого обойдётся Угариту.

— Почему египетские жрецы так легко поверили тебе?

— Ведь я сама пришла к ним. К тому же у них не было другого выхода. Слуги фараона давно подозревали, что при дворе есть шпионы, но точно не знали, кто они и в интересах какой державы действуют. С моей помощью были выявлены и казнены несколько ханаанских соглядатаев. Однако высшие египетские сановники настолько привыкли получать взятки от финикийских купцов, что очень скоро моё усердие стало кое-кому невыгодно. Вначале меня удалили от двора, а затем и вовсе начали охоту за моей головой. Если бы не покровительство служителей Амона, я б уже давно стала кормом для обитателей священного потока Нила. Когда жрецы отдавали мне папирус со второй частью пророчества, они предупредили, что обладают неопровержимыми доказательствами

того, что суфеты Угарита ищут священный скипетр Миноса, и уверены, что он спрятан где-то в Элладе. Для этого они используют все доступные средства и в первую очередь — жриц-воинов богини Анат. Вот почему я здесь.

— Но какое отношение всё это имеет к похищению Елены?

— Самое прямое. Думаю, что Елена такая же царица Спарты, как я придворная дама фараона.

— Что ты имеешь в виду?

— Ещё вчера, когда Менелай рассказывал нам душещипательную историю, о том, как было найдено несчастное дитя, как девочку удочерил бездетный царь Спарты престарелый Тиндарей, как Елена воспитывалась при его дворе и впоследствии стала царицей, я заподозрила неладное. Мне показался слишком знакомым этот сценарий. С помощью подобных приёмов Храм внедряет своих малолетних шпионов по всему свету. Примерно таким же образом и я оказалась при дворе правителя Египта. А сегодня, когда я увидела, как странно смотрит на меня дворня Менелая, и догадалась, что происходит это, потому, что я очень похожа на пропавшую царицу, то поняла окончательно, что Елена тоже является жрицей-воином богини Анат.

— Этого не может быть! — Одиссей резко поднялся и подошёл к Афине. — А как же пророчество, что якобы от Елены зависит судьба ахейских басилевсов? Что она дочь Зевса?

— Не смешите меня, мастер, вам не хуже меня известно, что изречения дельфийского оракула можно купить.

— Но чем объясняется твоё внешнее сходство с Еленой?

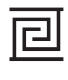
— Я не помню своих родителей и не знаю в точности, из какой части Греции я родом, но в приют Анат меня продали вместе с младшей сестрой. Мы не виделись с ней с тех пор, как меня отправили в Египет… — Афина тяжело вздохнула и решительно выпалила: — Судя по всему, Елена Спартанская — моя младшая сестра.

Глава пятая

ШТОРМ

Ранним утром, лишь только первые лучи Эос озарили Восток, из гавани Аргоса величественно вышла быстроходная, вооруженная пятьюдесятью вёслами галера. Пастухи, ещё затемно выгнавшие свои стада на тучные прибрежные луга Арголиды и теперь сонно глазеющие со скалистых склонов на безбрежную гладь залива, легко узнали изящный корпус представительского корабля правителя многозлатой Микены. «Ивлия», так называлось судно, использовалась, в основном, для посольских целей, а также во время многочисленных ритуальных торжеств. Внутренние помещения пятидесятивёсельника были богато изукрашены резьбой, борта и нос блестели позолотой, а рангоут многочисленными серебряными оковками. Высокая, круто загнутая внутрь корма-акропостоль, оканчивалась украшением в виде петушиного хвоста, в тени которого и расположилась ахейская делегация к троянскому царю.

Накануне, на заседании совета, Одиссею всё же удалось убедить ахейских басилевсов в необходимости прямых переговоров с Приамом. В результате тайного голосования было решено направить правителя Итаки и его помощницу Афину в Трою. Перед парламентёрами была поставлена задача во что бы то ни стало вернуть спартанскую царицу в Лакедемон. Однако Одиссей сомневался в успехе порученной ему миссии. Он вообще не верил, что Елена и Парис находятся в Илионе. Более того, по тем скупым сведениям, которые доставляли возвращающиеся из Троады торговцы, город был взбудоражен происшедшим не менее Микен, троянцы, и в особенности старший

сын царя Гектор, были склонны винить ахеян в вероломстве и были убеждены, что Парис стал жертвой интриг. И всё же Одиссей вызвался исполнить поручение совета. Он был уверен, что ему удастся убедить Приама в отсутствии злонамеренности со стороны эллинов и организовать совместные поиски Париса и Елены Аргивской и тем самым если не предотвратить, то, насколько возможно, отдалить назревающий между двумя державами конфликт.

В качестве личного представителя царя Агамемнона в состав делегации также был включён гармост[1] Милета — Паламед, тот самый, который приезжал к Одиссею на Итаку по поручению микенского правителя и которого Лаэртид не без оснований подозревал в подкупе своего слуги.

Сразу по выходу из порта корабельщики поставили лёгкий парус, и «Ивлия» плавно заскользила к выходу из залива Арголикос. С туго набитого свежим бризом темно-красного полотнища по встречным судам грозно скользил каменящий взгляд медузы Горгоны, изображение которой украшало ветрило. Погода была прекрасная. Солнце светило так ярко, что казалось, будто всё море искрится мириадами огней. Одиссей, как мы уже говорили, удобно расположился на корме и стал очередной раз перебирать в памяти события минувшего дня…

В Микены они с Афиной прибыли лишь под вечер. Геронты и приглашённые на заседание совета правители Эллады уже давно собрались в тронном зале микенского басилевса и с нетерпением ожидали Одиссея. Поэтому сразу по прибытии наши герои поспешили во дворец Агамемнона. У входа в цитадель

[1] Гармост — наместник в подвластных городах.

дорогу им преградили два дюжих гвардейца. Пока вои изучали перстень с царской печатью на пальце Лаэртида, Афина, которая не раз видела вырезанную на кольце гемму, теперь с восторгом и удивлением воззрилась на оригинал — величественный барельеф, венчающий арку крепостных ворот. Он изображал двух львиц, разделённых колонной, и в деталях повторял камею[1] на перстне ее спутника. Ворота так и назывались Львиные, а грозные стражницы являлись символом власти рода Атрея.

Появление Лаэртида и его помощницы в тронном зале вызвало оживление и лёгкий шум, который, впрочем, сразу же улёгся, лишь только председательствующий на совете Агамемнон, требуя внимания, вознёс вверх десницу. Одиссей вышел в центр мегарона, чтобы поприветствовать высокое собрание. Он твёрдо решил, что будет излагать совету только факты, оставив догадки и версии при себе.

— Уважаемые геронты и благородные ахейские ванаки! — начал Лаэртид. — Как вам известно, по просьбе и с благословения пастыря народов, царя многозлатой Микены Агамемнона я веду расследование обстоятельств похищения спартанской царицы Елены.

Одиссей склонил голову в направлении старшего Атрида. Тот сделал рукой царственный жест, который можно было воспринять как подтверждение слов оратора и как желание царя поскорее закончить с формальностями и перейти непосредственно к сути вопроса.

— По прибытии в Спарту, — продолжил свою речь Лаэртид, — в первую очередь я попытался составить более или менее чёткую картину произошедшего. То

[1] Камея — разновидность геммы с выпуклым изображением.

обстоятельство, что все слуги царицы были уведены вместе с ней, несказанно усложнило моё расследование. Нам досконально не ведомо, что происходило на женской половине дворца непосредственно накануне и в момент исчезновения царицы. В нашем распоряжении есть показания оставшихся в живых дворцовых гвардейцев, ключницы, городской и портовой стражи, а также пленных троянских парламентёров. К сожалению, эти показания противоречивы и не дают ясной картины преступления. Тем не менее после внимательного опроса свидетелей нам удалось восстановить основные события той злосчастной ночи.

Одиссей выдержал небольшую паузу и продолжил:

— Итак, уважаемые данаи, во вторую стражу ночи в покоях царицы объявили подъём, и слуги начали сборы якобы для увеселительной морской прогулки. Это не вызвало никаких подозрений со стороны охраны дворца, так как поездка была спланирована накануне. Более того, подобные прогулки Елена устраивала довольно часто, и все к ним уже привыкли. Начальник караула, в полном соответствии со своими обязанностями, при разводе второй стражи обошёл все помещения дворца и, по-видимому, не нашёл ничего подозрительного. В противном случае им незамедлительно была бы поднята тревога. Обращаю внимание высокого собрания на это важное обстоятельство, из которого мы сделали заключение, что при разводе второй стражи во дворце посторонних не было и всё шло как обычно.

— Но ведь супостаты могли где-нибудь затаиться так, чтобы охрана их не заметила? — прозвучал вопрос из зала.

— Я тоже вначале так предположил. Однако после того как внимательно изучил дворец, мне стало ясно,

что спрятаться злодеям, кроме покоев царицы, было негде, а туда они могли проникнуть лишь с помощью ближайшего окружения Елены…

Последние слова Одиссею пришлось почти что прокричать, так как в зале поднялся невообразимый шум. Лаэртид посмотрел на Агамемнона, тот вновь махнул рукой. Он уже понял, куда клонит оратор, и лихорадочно искал выход из положения. Для Атрида стало очевидно, что царь Итаки не пойдет у него на поводу и не будет говорить на белое — чёрное.

— Итак, — выждав, пока уляжется шум, Лаэртид продолжил, — дальнейшее нам известно из показаний проснувшихся утром слуг. Первой подняла тревогу ключница. А произошло это так: утром она, как обычно, спустилась в кладовую, чтобы распорядиться о выдаче дневных припасов, и наткнулась на труп стражника, охранявшего царскую сокровищницу. Старая служанка сразу же бросилась за помощью в караульное помещение, но там её глазам предстала ещё более ужасающая картина. Все четыре гвардейца и начальник стражи тоже оказались мертвы. Во дворце поднялся переполох. На шум прибежали стражники северных ворот и начали планомерно осматривать дворец. Очень скоро они обнаружили тела ещё трёх своих товарищей, двоих на южной башне и одного на боковой лестнице, ведущей в покои царицы. Ещё одно нападение было совершенно в ту же ночь в порту, там погибли пять гоплитов из числа охраны гавани. И, наконец, уже после моего приезда в Спарту был найден труп придворного механика, на теле несчастного старика остались следы пыток.

Зал словно взорвался… Многие ахейцы вскочили со своих мест, послышались возгласы: «Смерть веро-

ломным дарданцам[1]! Позор Парису!» Одиссей поднял руку, прося у собрания тишины:

— Уважаемые ахейцы! Я далек от того, чтобы защищать приамово посольство, но хочу напомнить вам, что троянцы в один голос говорят о своей непричастности к похищению царицы.

— Наглая ложь! Враньё! — послышались выкрики с той стороны, где сидел Менелай и его свита.

— И троянцы, — продолжал Лаэртид, — и арестованный экипаж посольского корабля в один голос утверждают, что ещё накануне они обнаружили пропажу Париса и догадались, что он у царицы.

Вновь поднялся невообразимый шум. Менелай резко встал и вышел из зала. Одиссей посмотрел вслед своему другу и со вздохом продолжил:

— Они говорят, что знали о любовной связи между Еленой и Парисом, но не могли этому помешать, — чтобы быть услышанным, Лаэртиду пришлось повысить голос. — Данаи! Мы не можем просто взять и отвергнуть показания троянцев, необходимо доказать, что они лгут. И если это так, я первый возьмусь за оружие и сам отправлюсь к Приаму, чтобы объявить ему войну. Однако, пока это не доказано, мы должны сохранять хладнокровие, чтобы спокойно во всём разобраться. В результате опроса троянской делегации нами установлено, что их показания подтверждают друг друга и не противоречат логике событий. А именно: они утверждают, что, не дождавшись Елену и Париса, которые должны были прибыть на борт для морской прогулки, и увидев утром на песке в гавани трупы гоплитов, они решили, что это провокация. Поэтому команде посольского корабля был отдан приказ: сняться с якоря и выйти в море. Посланные

[1] Дарданцы — троянцы.

в погоню лёгкие суда правителя Спарты уже к вечеру настигли беглецов и заставили их отшвартоваться в Аргосе. После этого ещё трое суток флот Менелая рыскал по Критскому и Миртоскому морям, но всё было тщетно. Елена и Парис словно в воду канули.

Одиссей перевёл дух и окинул взглядом застывшую в ожидании его слов геронсию. В дальнейшей речи ему пришлось признать, что не удалось доподлинно установить, кто организовал это дерзкое похищение и какие цели преследовали нападавшие. Также остаётся загадкой то, кем были Елена и Парис — жертвами или организаторами. Не исключено, конечно, что царицу увели силой, однако ни городская стража, ни караул в порту не заметили ничего, что бы указывало на это. Злоумышленники старались действовать без шума и с минимальным риском. Однако дворцовые гвардейцы были помехой, поэтому пришлось их умертвить.

— Как я уже сказал, — Лаэртид решил повторить основные выводы, — мы не знаем, кто эти таинственные похитители. Также нам неведомы их истинные цели. Тем не менее возьму на себя смелость предположить, что вина троянцев совершенно не очевидна. Не исключена возможность, что кто-то очень хочет развязать войну между Троей и ахейским союзом, используя похищение прекрасной Елены в качестве яблока раздора. Роль троянского царевича в этом происшествии не совсем понятна. У следствия есть все основания полагать, что он явился жертвой собственной беспечности и слабости к женскому полу. Картина преступления весьма запутанна. Многие детали указывают на то, что среди похитителей были финикийцы. Однако нам неизвестно, выполняли они волю своих правителей или действовали как наёмники. В общем, я прошу геронсию продлить мои пол-

номочия, дабы выяснить, кто и зачем похитил царицу Спарты.

Далее Одиссей напомнил геронтам, что он сам участвовал во многих сражениях и, конечно, не видит в зале никого, кто бы по неопытности желал войны. Ведь только тот может считать войну благом или даже лёгким делом, кто никогда не испытал на себе все её тяготы. А посему, прежде чем взяться за оружие, данаям стоит хорошо подумать, ведь война зачастую приносит всякого рода случайности обеим сторонам, и как сложится дело, в конце концов неясно[1].

Лаэртид с достоинством поклонился и занял место среди собравшихся. По знаку Агамемнона в центр зала вышел царский глашатай:

— Благородные данаи! В заседании государственного совета объявляется перерыв, через некоторое время мы продолжим обсуждение. Прошу подготовить вопросы к следствию.

Присутствующие стали выходить из душного зала на воздух. Многие оживленно, не скрывая эмоций, обсуждали создавшееся положение. Одиссей также решил воспользоваться паузой и через просторный портик вышел во внутренний двор цитадели. Афина последовала за ним. Не успели они перекинуться и парой фраз о ходе заседания, как к ним подошел Менелай в окружении своих гвардейцев.

— Милостивый государь, — начал он, обращаясь к Одиссею, — вынужден высказать вам моё недовольство по поводу ваших грязных подозрений относительно моей венценосной супруги.

— К сожалению, мой друг, я вынужден изложить совету факты и события в реальном свете, то есть

---

[1] Здесь и далее использованы фрагменты речей из «Истории» Фукидида 5 в. до н.э.

так, как это было в действительности… — понимая, какие чувства обуревают друга, Лаэртид старался говорить как можно мягче. Однако Менелай его грубо прервал:

— Меня не интересуют ваши подозрения и намёки. Моя жена ни в чём не виновна. Слышите меня? Ни в чём! И я не нуждаюсь на сей счёт ни в каких доказательствах. Я не ожидал, что один из моих друзей станет выгораживать вероломных похитителей и строить нелепые догадки в адрес моей богоравной супруги.

— Я вовсе не выгораживаю, как вы изволили выразиться, троянцев. — Одиссей еле сдерживал гнев, который с каждым мгновением закипал в нём всё сильнее и сильнее. — Однако я не хочу, чтобы пострадали невиновные, а тем более, чтобы в результате банального адюльтера разгорелась война между двумя могущественными державами. Даже если поводом к ней является столь божественное создание, как ваша лепокудрая жена.

— Банального адюльтера?! Вам придётся доказать ваши обвинения! — буквально взвизгнул спартанец, казалось, что он вовсе не слышит собеседника. — В противном случае я буду иметь честь вызвать вас на бой. И клянусь Зевесом, я выбью спесь из вашей хитроумной башки.

Чтобы придать весомость произнесённым словам, Менелай ухватился за рукоять меча. Одиссей был безоружён. В соответствии с заведённым в резиденции микенского правителя правилом оружие сдавалось при входе в цитадель, и было непонятно, почему спартанец оказался вооружён.

— Что ж, Менелай, я к вашим услугам. Если я окажусь не прав, мы можем скрестить наши мечи в честном поединке. Однако будьте столь любезны, мой

друг, позвольте мне всё-таки довести расследование до конца. — Лаэртид куртуазно раскланялся, резко развернулся и, взяв Афину под локоть, пошел с ней в направлении небольшого сада, который раскинулся тут же во внутренней части дворца.

— Влюблённый болван, — процедил Одиссей сквозь зубы. — Он совершенно ослеплен и не в состоянии признать очевидное.

Они шли по очень красивой аллее, сплошь усеянной цветами. Устроители сада были выписаны Агамемноном из Вавилона. Этот город издревле славился своими парками и висячими садами. Вот и здесь, в столице Эллады, вавилонские умельцы постарались на славу. Цветники и клумбы занимали всю южную часть микенского акрополя, постепенно террасами спускаясь к воротам крепости. Для полива уникального сооружения использовалась находящаяся в верхней части цитадели и скрытая от посторонних глаз цистерна. Запас воды в ней пополнялся во время дождей, а в случае их длительного отсутствия рабы поддерживали уровень вручную. Из этого весьма объёмного резервуара вода самотёком поступала к растениям по хитроумно устроенной каскадной системе терракотовых и свинцовых труб. Ёмкость всегда была заполнена доверху, так как одновременно являлась резервом воды на случай осады крепости. В нескольких местах парка были сооружены небольшие водопады и бассейны, в которых плескалась диковинная рыба, плавали жирные крикливые селезни и величественные белые лебеди. Побродив ещё немного среди зелени и приведя мысли в порядок, Одиссей и его молодая спутница вернулись к входу в мегарон. Посыльные уже собирали членов совета для продолжения заседания. Когда все геронты и приглашённые

правители заняли места в тронном зале, всё тот же глашатай объявил о продолжении совета.

Со своего изощрённого резьбой трона поднялся царственный Агамемнон. Голову и плечи пастыря народов покрывала жёлтогривая шкура огромного льва. Его ноги были схвачены в пышные серебряные поножи. Могучую грудь героя покрывали подаренные кипрским царём блестящие латы, состоящие из двадцати белых оловянных полос, перемежающихся чёрной воронью и жёлтым златом. Искусные узоры из трёх извивающихся сизых змеек, как божественные радуги, воздымались по бокам доспеха до самой выи. Голос царя, многократно усиленный великолепной акустикой тронного зала, громоподобно зазвучал под древними сводами:

— Уважаемые геронты и правители Эллады, нам ли, потомкам богов и сынам героев, бояться презренных дарданцев. Вспомните, что уже не раз вам приходилось отражать набеги приамовых полчищ на наши северные земли. К чему же сейчас нас призывает *многохиитростный Одиссей*. Неужто храбрость навсегда покинула твоё сердце, *твёрдый в бедах правитель скалистой Итаки…*

— Недостойные речи излетают из твоих царственных уст, Атрейон, — гневно возрев на пастыря народов, ответствовал Лаэртид, — если вина Париса будет доказана, я от войны уклоняться не стану, и *первым воздвигну свирепство Арея на быстроконных троян*. Однако ты сам, владыка Микен златовратных, просил меня возглавить расследование и найти истинных виновников похищения Елены Спартанской.

Увидев решительность на лице визави, и поняв, что немного перегнул палку, Агамемнон произнёс уже более миролюбиво:

— Благородный сын Лаэрта, *герой Одиссей многоумный*! Я отнюдь не желаю обидеть тебя и, уж тем паче, ни в чём не упрекаю. Уверен — твоё благородное сердце полно лишь добрых намерений. Верю, как и я, печёшься ты токмо о благе данаев. Однако пойми и нас. — При этих словах потомок Атрея протянул руку в зал, призывая собравшихся в свидетели. — Слезами обливаются сердца храбрых ахеян. Мы опозорены и полны решимости смыть сей невиданный позор кровью наших обидчиков.

Атрид обвёл собравшихся суровым взглядом и изрёк:

— Богоравные ахейские басилевсы и вы, мудрые геронты, настало время всем нам вопросить *многохитростного сына Лаэрта*, чтобы ни одно обстоятельство этого неслыханного злодеяния не ускользнуло от нашего внимания, чтобы у нас не оставалось ни малейших сомнений в принятии верного решения. Решения, от которого зависит судьба войны и мира меж *кудреглавыми данаями* и спесивыми троянами. И да благословят нас боги сделать единственно правильный выбор.

Агамемнон величественно опустился на трон. В зале возникла гнетущая тишина. Первым слово взял Аякс Теламонид или, как иначе величали правителя Эгины, Аякс Большой:

— Я прошу хитроумного Одиссея — правителя объятой морем Итаки, подробно изложить нам, как злоумышленникам удалось проникнуть в акрополь и обезвредить гвардейцев Кто впустил их во внутренние помещения дворца, а тем более в святая-святых — покои царицы?

— Дело в том, — Лаэртид поднялся и вышел в центр залы, — что охрана дворца ориентирована таким образом, чтобы предотвратить любое проник-

новение извне, однако злоумышленники, хитростью проникнув внутрь цитадели, вероломно напали на стражу сзади. Для этого они воспользовались системой ливневой канализации.

Всем присутствующим было известно, что под акрополем Лакедемона, равно как и в других ахейских крепостях, находится разветвлённая дренажная сеть для отвода сточных и ливневых вод. Малые каналы, расположенные непосредственно под дворцовым комплексом, выполнялись обычно из глиняных труб небольшого диаметра, по которым может пролезть разве что крыса. Но та часть системы, которая находится под внутренним двором крепости, представляет собой облицованные камнем каналы, перекрытые мощными плитами конической конструкции. В этих сооружениях человек вполне может передвигаться на четвереньках, а за стенами дворца эти ходы соединяются в большие галереи, в которых уже можно стоять во весь рост.

— Но кто мог предоставить злодеям информацию об устройстве канализационной системы. — Теламонид поднялся во весь свой огромный рост. Для этого герою пришлось наклонить голову, так как макушкой он цеплял свешивающийся с потолка бронзовый светильник. — Насколько я понимаю, эта информация представляет государственную тайну.

— Доподлинно это неизвестно, но убийство придворного механика Архимеда, труп которого был найден в саду, по всей видимости, имеет к этому прямое отношение. Он ещё в молодости участвовал в строительных работах по реконструкции акрополя в Спарте. Это было примерно тридцать лет тому назад, ещё в начале правления Тиндарея. В том числе, в ходе работ полностью обновлялась дренажная система, основная часть старых каналов была засыпана,

но, видимо, всё же осталось несколько ходов, которые соединяли старую и новую сеть каналов. Выведав у Архимеда план расположения галерей, злоумышленники воспользовались этими проходами, чтобы проникнуть на хозяйственный двор крепости.

— Разве система канализации не охраняется?

— Безусловно, и на входах в неё установлены решётки. Но, вероятно, остались какие-то древние лазы, которые знал только Архимед.

— Но все старые галереи были завалены при строительстве нового дворца? — вмешался в разговор Менелай. Он посчитал необходимым высказаться, так как до сих пор был уверен в абсолютной неприступности своего жилища.

— Очевидно не всё, — продолжил Одиссей. Он уже простил другу давешнюю горячность, прекрасно понимая, какие чувства владеют героем. — Часть древних сооружений была выполнена на большой глубине, эти каналы перекрывались конической конструкцией из двух мощных плит, они вполне могли выдержать давление грунта и сохраниться. Вероятно, злоумышленникам удалось под пытками выведать у несчастного старика, где именно эти старые каналы пересекаются с новой дренажной системой.

— Но как они вошли непосредственно во дворец? — Менелай вызывающе посмотрел на Лаэртида.

Тот вздохнул и отвёл взгляд. Одиссею не оставалось ничего другого, как озвучить свою версию произошедшего. Ему было искренне жаль прямолинейного и доверчивого друга, однако другого выхода он не видел:

— Как они проникли внутрь дворца?.. Ясно одно: для этого кто-то изнутри открыл им боковую дверь, ведущую с хозяйственного двора в покои царицы. — В зале послышался возмущенный шум. — Более того,

у нас есть все основания считать, что это сделала женщина.

Шум усилился, на Менелая было жалко смотреть.

— Откуда это известно? — послышался чей-то голос справа.

— Дело в том, что у этой двери есть пост охранника. Так вот, этот страж был задушен женским платком, причем сделано это было хладнокровно и профессионально. Однако злодейка (или злодей) всё же оставила след на месте преступления.

Одиссей протянул руку, и Афина, поднявшись со своего места, подала мастеру тонкий шелковый платок, который герой тут же продемонстрировал собравшимся. Зал ахнул. Менелай сидел совершенно бледный.

— Мы нашли этот платок тут же под лестницей, он выпал из рук злоумышленницы, и в темноте она не смогла его подобрать. Проникнув во дворец, злодеи тут же расправились с остальной стражей. Через ту же дренажную систему под пол караульного помещения, где спали сменившиеся охранники, был подсунут небольшой деревянный ковчег[1] с каким-то отравляющим веществом. Судя по характерному запаху горького миндаля, который сохранился в найденном нами ларце, это был порошок, получаемый финикийцами при сжигании миндального жмыха. При попадании в воду он распространяет ядовитый смрад, который и послужил причиной смерти гвардейцев. Офицер, вернувшийся после развода стражи, заподозрил неладное и попытался выбраться из помещения, однако ему это не удалось. Отравленные пары, попав в его лёгкие, довершили своё губительное дело. Двух ничего не подозревающих охранни-

---

[1] Ковчег — в данном случае ларец, коробка.

ков на башне и у ворот убрали чуть позже посредством холодного оружия.

— Зачем нужно было умерщвлять внешнюю охрану, если, как ты утверждаешь, Лаэртид, ранний отъезд царицы на морскую прогулку был делом привычным и не вызывал подозрений? — Агамемнон наконец решил, что настал и его черёд задавать вопросы.

— Это легко объяснить, благородный Атрейон. Похитители царицы, как я уже говорил ранее, действовали нагло и самоуверенно. — Сделав ударение на слове «похитители», Одиссей подчёркнул тем самым, что полной уверенности в злом умысле со стороны Елены у него пока нет. — Во-первых, и это главное, переодевшись в форму убитых гвардейцев, супостаты тем самым обеспечили себе беспрепятственный проезд мимо городской стражи. Они хладнокровно рассчитали, что те не посмеют остановить царский выезд, да ещё сопровождаемый гвардией. Во-вторых, оставлять в живых стражников на стене и у ворот было слишком рискованно, ведь они могли войти во дворец сразу после отъезда кортежа и, найдя трупы товарищей, поднять тревогу. Такой вариант никак не устраивал похитителей. Они не знали, сколько времени уйдёт на отплытие, ведь устройство нового корабля было им совершенно не знакомо. Кроме того, гвардейцы легко могли узнать в свите Елены посторонних. Наконец, им мог показаться подозрительным слишком большой багаж отъезжающей всего на пол дня царицы. Не забывайте, что злоумышленники вынесли из дворца всё серебро и злато, а это — без малого?..

Одиссей посмотрел на хмурого как туча Менелая.

— Пять талантов золотом и десять серебром… — уперев взгляд в каменный пол, процедил сквозь зубы царь Спарты.

— Мудрые правители Эллады, — прерывая воцарившуюся в зале тишину, Агамемнон встал со своего трона и изрёк: — призываю в свидетели богов! *Многоумный сын Лаэрта* провёл скрупулёзное расследование обстоятельств похищения моей невестки. За это я благодарю его от имени геронсии. — Атрид слегка кивнул в сторону Одиссея. — Теперь же прошу вас, не лукавя, высказать своё мнение относительно того решения, которое нам должно принять.

Прекращая расспросы, царь хотел поскорее перейти к голосованию, резонно рассчитав, что дальнейшие объяснения со стороны Одиссея будут только уменьшать число сторонников войны.

Первым поднялся главный советник Агамемнона — гармост Милета Паламед. Речь его была короткой и сплошь изобиловала обвинениями в адрес троянцев. Он напомнил грекам, что Илион, расположенный в устье Геллеспонта, контролирует торговлю с северными варварами[1] и Колхидой и не пропускает торговые караваны ахейцев. Корабли эгейских купцов вынуждены разгружаться в Троаде и торговать только через троянских посредников. Те же, перепродавая греческие товары варварам, получают баснословную прибыль. Кроме того, Приам берёт непомерную пошлину за торговлю на своей территории. В целом, его выступление сводилось к тому, что Троя давно является бельмом на глазу у греков и пора разрешить этот спор военным путём.

— И пусть никто не уверяет нас, — продолжил Паламед, — что несмотря на причинённые обиды нам подобает ещё долго совещаться и обсуждать дело. Нет! Подумать хорошенько следовало бы скорее тому, кто

---

[1] Варвары — эллины называли варварами всех, не говорящих на греческом языке.

коварством и прелюбодействием отплатил за радушие и гостеприимство. Поэтому, храбрые данаи! Выносите решение о войне, как этого и требуют законы чести. Итак! С помощью богов пойдём на обидчиков.

Пламенное выступление Паламеда горячо поддержали правители ионических островов и представители милетской талассократии[1].

Следующим слово взял благородный Диомед, сын и наследник этолийского царя Тидея. Он сказал, что требования греков к троянцам, возможно, и справедливы, но незаконны, так как нынешнее положение соответствует условиям договоров, заключённых ещё их дедами после похода аргонавтов. Для нарушения мира необходим более веский довод, чем торговые претензии ахейцев. Похищение спартанской царицы, безусловно, является достаточным основанием для начала военных действий. Однако, судя по услышанному здесь, причастность к этому вероломному поступку Париса, а тем более злонамеренность всех троянцев, ещё требуется доказать. Ведь жалобы отдельных городов и частных лиц можно уладить, но если ради частных интересов вспыхнет всеобщая война, исход которой смертным нельзя предвидеть, то её нелегко будет завершить с почётом.

— Заветам наших отцов мы следовали с давних пор себе на пользу, — рассудительно продолжил благородный Диомед, — так не будем же опрометчиво и поспешно выносить решение, от которого зависит участь столь многих людей, городов, казны и имущества и наконец даже нашего доброго имени. Давайте же всё обсудим спокойно. При нашей военной мощи мы можем себе это позволить более чем кто-либо.

---

1 Талассократия — общество с высоким уровнем развития мореплавания.

Итак! Я за то, чтобы прежде всего отправить послов в Илион.

Много ещё доблестных и благородных воинов земли эллинской, равно как и старейшин мудрых держали речь в тот вечер. Одни высказывались против поспешных решений, другие, призывая в свидетели богов — хранителей святости клятв, требовали выступить в поход немедля.

Последним взял слово мудрый Нестор. К его мнению прислушивались многие данаи, и Одиссей не без оснований надеялся, что старец сможет убедить геронсию тщательно взвесить своё решение. Нестор напомнил собравшимся, что его флот является одним из сильнейших в Элладе, тем не менее он считает открытую конфронтацию, а тем паче войну с Приамом, преждевременной.

— Ведь когда приходится воевать в отдалённой стране, — поучал ахян мудрый старец, — каковой, без сомнений, является Илион, который к тому же прекрасно обеспечен всем необходимым для ведения боевых действий, то можно ли начинать без подготовки войну с такой державой, да ещё столь поспешно?.. У Приама и народ богатый, и казна полна, и кораблей, конницы, оружия и людей в достатке, не говоря уже о множестве союзников и данников. Вообще говоря, ведь успех в войне зависит не столько от оружия, сколько от денежных средств, при наличии которых оружие только и приносит пользу. Нет, кудреглавые данаи! Давайте позаботимся сперва о средствах и не дадим опрометчиво вовлечь себя в войну пламенными речами. Пока мы до конца не уверены, что сможем одолеть троянцев, нам не стоит выступать в поход и ставить под угрозу пусть хрупкий, но всё же приносящий прибыль от торговли мир. Не будем обольщаться надеждой и на скорый

конец войны. Напротив, я опасаюсь, как бы эта война не осталась в наследство нашим детям, — продолжал свою речь мессенский правитель, — вряд ли какая-либо из великих держав останется в стороне при столкновении эллинов с Троей, поэтому необходимо знать наверняка, кто будет на нашей стороне, а кто примет сторону Приама. Если мы не сможем представить убедительные доказательства вины троянцев, за них наверняка заступится могущественное хеттское царство. Нельзя забывать, что предки именно этого воинственного племени основали первый город на берегу Геллеспонта там, где теперь высятся неприступные стены Трои. Хетты до сих пор считают Илион своей колонией и даже называют её по древнелувийски Вилуссой. Их цари всегда вели с троянцами прибыльную торговлю. В то же время у нас с Хатуссой[1] много разногласий и, в первую очередь, из-за того же Милета, представители которого столь рьяно здесь ратуют за войну.

Нестор неодобрительно посмотрел в сторону малоазийской делегации и продолжил:

— Славный красноречием Паламед это прекрасно знает. Возможно, милетские толстосумы и готовы поставить на карту всё, однако мои воины не будут гибнуть во имя чьих-то алчных интересов… Впрочем, данаи, я вовсе не предлагаю закрывать глаза на принесённый Менелаю ущерб и отказаться от изобличения злых козней троянцев. Я советую только пока не браться за оружие, а сначала отправить послов и предъявить наши претензии, не угрожая открыто войной, но и не проявляя готовности пойти на уступки. А тем временем самим нам следует готовиться к трудной и, весьма вероятно, затяжной войне,

[1] Хатусса — столица империи хеттов.

привлекая союзниками как эллинов, так и варваров, чтобы получить всю возможную помощь и кораблями, и деньгами. Нельзя забывать, что большой войной в Эгейском регионе могут и, безусловно, воспользуются наши первейшие враги финикийцы, которые итак уже подмяли под себя всю торговлю на Западе Ойкумены[1]. Обстоятельства, о которых говорил многохитростный Одиссей, прямо указывают на то, что в похищении Елены не обошлось без интриг с их стороны. Прежде всего нам следует распутать этот клубок, а не дать втянуть себя в войну, на радость нашим конкурентам.

В доказательство своих слов Нестор извлёк из складок хламиды сломанный в нескольких местах кусок бамбука. Трость, словно пастушья свирель, имела множество сквозных отверстий, через которые, на первый взгляд, хаотично была продета шерстяная нить. Он продемонстрировал диковинку собранию и поведал о том, как она попала в его руки.

Оказалось, что три дня тому назад его корабли, несущие дозор у побережья Крита, задержали пиратское судно. Камара[2] пыталась проскользнуть незамеченной в Карпатосское море. Наварх патрульной эскадры обыскал корсара, но не обнаружил в трюмах ничего подозрительного. Это насторожило его ещё больше. «Скажите на милость?! Где это видано, чтобы пираты возвращались на Крит без добычи в трюме?» Воины Нестора произвели более внимательный досмотр, во время которого один из разбойников, как потом выяснилось финикиец, спрыгнул за борт, пытаясь бежать. К сожалению молодой эпибат выстре-

[1] Ойкумена — обитаемый мир.

[2] Камара — узкое беспалубное судно, часто использовалась пиратами.

лил не совсем удачно и убил подлеца, поэтому допросить его не удалось. Однако при убитом был найден этот, на первый взгляд, ничем не примечательный предмет. Беглец пытался уничтожить его, сломав в нескольких местах.

— Когда трость попала мне в руки, я сразу понял, что это зашифрованное сообщение. Сейчас мои люди пытаются дешифровать послание и понять его смысл. Однако уже теперь очевидно, что письмо имеет непосредственное отношение к тем трагическим событиям, которые недавно произошли в Спарте, так как в нём несколько раз упоминается имя Елены, — закончил свой рассказ мудрый старец.

Невзирая на очевидные доводы, которые были приведены Одиссеем и Нестором, чтобы продолжить расследование, голоса совета разделились поровну. Всё-таки стремление ахеян к войне с троянцами было достаточно сильным, и многие готовы были действовать. Когда были сочтены камни для голосования, их оказалось ровно тридцать чёрных и столько же белых. Но на совете присутствовал шестьдесят один человек с правом голоса.

— Кто ещё не выказал свою волю? — Агамемнон окинул зал взглядом василиска и замер в удивлении. Его младший брат сидел, задумчиво рассматривая мозаичный узор на полу мегарона. В руках у Менелая были оба камня… Царь царей вздохнул с облегчением, он не сомневался, что ослеплённый ревностью Менелай проголосует за войну.

«Какая злая ирония судьбы, — пронеслось в голове у Одиссея, — жизнь тысяч людей, война и мир оказались в руках рогоносца. Пожалуй, мы проиграли…» Он с сожалением посмотрел на Афину. Девушка, затаив дыхание, следила за происходящим. В этот момент вся гамма обуревающих Менелая чувств, как в

зеркале, отразилась на его благородном и красивом лице. Через мгновение он встал, подошёл к урне и, хотя голосование было тайным, демонстративно подняв вверх белый камень, опустил его в мраморный сосуд. Это означало, что войны не будет. Агамемнон, который всё ещё продолжал стоять, с нескрываемым презрением посмотрел на брата.

Таким образом вопрос был решён в пользу шаткого, но всё-таки мира, а Лаэртид получил столь желанную отсрочку, необходимую для продолжения расследования.

… Корабль сильно качнуло, и Одиссей, прервав воспоминания, вернулся к действительности. Афины на палубе не было, она спустилась в капитанский кубрик и, зарывшись в груду овечьих шкур, решила отоспаться за все предыдущие бессонные ночи. Спустился в трюм и представитель царя Паламед. Из всей делегации на палубе остался лишь Лаэртид. Он сел на планширь позади рулевого и стал с интересом рассматривать берег.

Обогнув остров Гидра, «Ивлия» уверенно шла курсом крутой бакштаг, кормчий вырезался к берегам Аттики. Однако к вечеру, когда храм Посейдона на *священном Сунионе — мысе аттийском*, уже остался далеко позади, ветер зашёл на северо-запад, и парус пришлось убрать. Аккуратно уложив полотнище и одиннадцатиметровый составной рей на специальные козлы, экипаж в полном составе дружно сел на вёсла. Лаэртид решил, что ему тоже не помешает разминка, и занял место загребного по левому борту. Всю ночь, сменяя друг друга, выгребали они против штормовых порывов несущего прохладу Борея, пробиваясь через пролив Доро в открытое море. На утро титанические усилия команды увенчались успехом

и судно, окончательно вырвавшись из теснин островов, взяло курс на Геллеспонт. Ветер изрядно скис, а к обеду на радость гребцам вновь стал попутным. Словно признав победу людей, сыновья утренней зари[1] решили сменить гнев на милость. Теперь лодка легко скользила под тёплым дыханием несущего туман Нота.

— Нам везёт. Я слышал, южный ветер большая редкость в Эгейском море? — протянул кормчему киаф с горячим бульоном Одиссей. Он сам был отменным мореходом и в совершенстве освоил *искусство владеть кораблём в наступившую бурю*, однако в этих краях ему ходить не доводилось.

— Так то оно так, басилевс, покуда боги благоволят нам, но надобно быть настороже. Нот частенько грозу приносит, а к ночи так и штормовую силу добрать может, — охотно поддержал профессиональный разговор опытный корабельщик. Судя по выговору, моряк был родом с востока анатолийского побережья. — Слуги Эола в тутошнем море дюже капризны, у кожного свой норов. Зело опасны их шквалы с-под островов.

Перекинувшись с рулевым ещё парой фраз о погоде, Одиссей решил пойти отдохнуть. Уже взявшись за поручень круто спускающегося в трюм трапа, он обернулся. Солнце садилось в большую, будто налитую свинцом тучу. «Судя по всему, кормчий прав, — подумал он, — ночка предстоит весёлая, *если неистово дышащий, знойный воздвигнется ветер*». В море Лаэртиду всегда снился один и тот же сон. Вот и теперь, не успел он закрыть глаза, как Морфей перенёс его на берег родной Итаки...

[1] Сыновья утренней зари — боги ветров.

… Жаркий солнечный день, всё население острова вывалило на пристань. Сегодня праздник. Караван из пяти финикийских судов, возвращающихся с грузом серебра из Иберии, зашёл на Итаку, чтобы пополнить запасы воды и продовольствия. Купцы разложили богатый товар, дабы обменять его на продукты. Яркие бусы, алые ткани, серебряные и бронзовые украшения… у аскетично живущих аборигенов просто разбегались глаза от этой восточной роскоши. Одиссей с двумя младшими сестрами величаво, как и положено сыну ванака, осматривал раскинутый на хламидах товар. Ему всего десять, но он уже грезит будущими подвигами и мечтает о дальних походах. Вдруг среди бижутерии и прочего барахла, которое так привлекло сестёр, он увидел прекрасной работы кинжал в инкрустированных золотом и слоновой костью ножнах. Одиссей взял в руки прекрасное оружие и слегка потянул за позолоченную рукоять. О боже, глаза мальчика расширились от восхищения. Узкое, заострённое с двух сторон, клиновидное лезвие было не бронзовым. Незнакомый металл блестел как серебро, но был гораздо твёрже.

— Достойное оружие для будущего воина, — раздался прямо у него над ухом шёпот на ломанном греческом, — но такой нож стоит недёшево.

— Мой отец даст тебе сколько захочешь, торговец. — Сын Лаэрта резко повернулся. Перед ним стоял рослый финикиец. На купце были обтягивающие морские штаны из свиной кожи и лёгкий, украшенный вышивкой хитон.

— Так пойди и спроси его.

— Но я не могу… он там, в доме на холме, а я должен присматривать за сёстрами, — Одиссей оглянулся и обнаружил, что, пока он любовался ножом,

малышки куда-то запропастились. — Кстати, вы не видали, где они?

— Там, на судне... — сказал торговец и махнул рукой в сторону корабля. — Хромой Магон показывает им игрушки, если ты хочешь, можешь тоже подняться на борт, у меня в трюме много красивого оружия.

Новый знакомец ловко взбежал по узкой сходне на корабль. Одиссей последовал за ним. Сёстры сидели на палубе, вокруг них были разбросаны игрушки из вулканического стекла. Обсидиановые фигурки, среди которых особенно выделялись красно-коричневая сколопендра и тёмно-зелёный скарабей, переливались на солнце всеми цветами радуги. Девчонки азартно спорили о том, кто из них будет первой играть с жуком. Убедившись, что малышки на месте, царевич вслед за торговцем спустился по винтовой лестнице в трюм. Финикиец вытянул из-под грязной койки мешок и вывалил его содержимое пред Одиссеем прямо на днище трюма.

В отцовском доме тоже было много оружия, но оно было простое, без украшений. Это же сверкало позолотой и серебром. Сирийские изогнутые с костяными рукоятками кинжалы, хеттские прямые и длинные как стрела стилеты, боевые египетские топоры, шестопёры и даже две булавы. Всё оружие было искусно украшено слоновой костью и драгоценными камнями. Особое внимание мальчика привлек длинный и узкий иберийский меч. Он был лёгкий и гибкий. Прямые солнечные лучи не проникали в трюм, и лезвие тускло блестело в отраженном свете. Разглядывая оружие, Одиссей не забывал одним глазком присматривать за девочками, но те беззаботно играли наверху подле люка. Кроме кинжала, который он пристегнул к поясу ещё на берегу, Лаэртид выбрал

испанский меч и теперь молил богов, чтобы отец согласился заплатить за это оружие. Увлёкшись, мальчик не заметил, как исчез финикиец. Прошло уже немало времени, и он решил, что им пора домой.

— Эй, торговец, — позвал Одиссей. Но его возглас остался без ответа.

Он стал подниматься по трапу, чтобы вылезти из трюма, но чья-то грубая рука спихнула его вниз, а затем сверху на него кубарем скатились сёстры. Младшей было всего четыре и она расплакалась, пребольно ударившись о корабельный брус. Вскоре дети почувствовали, что корабль стало сильнее качать. Старшая сестра тоже начала хныкать, показывая брату фигурку скарабея — у жука от удара откололась лапка. Одиссей уже хотел было прикрикнуть на обидчика, который посмел так грубо обращаться с детьми басилевса. Но тут кто-то наверху закрыл люк деревянной решёткой.

— Птички в клетке, Магон, — услышал Лаэртид

— Хвала Ваалу, Элиша. Это неплохой куш… — Вслед за этим сверху послышался громкий хохот.

«О боги! Какой же я глупец. Они нас похитили, — ужасная догадка пронзила Лаэртида насквозь. В душе защемило, — надо что-то делать! Мы ещё недалеко от острова. Если я сумею бежать и сообщить отцу — мы спасены!.. Но как заманить финикийцев в трюм?.. Ну, конечно же, как я мог забыть? Оружие!!!» Он схватил египетский топор и стал с остервенением бить в днище корабля. Вскоре ему удалось пробить маленькое отверстие, вода тонкой струей ударила вверх. Одиссей отбросил топор и взял булаву. Древесина оказалась прогнившей, и нескольких ударов хватило, чтобы пробить отверстие величиной с яблоко. Вода с шумом хлынула в трюм. Девчонки забились в угол и со страхом наблюдали за действиями брата.

Наконец усилия Одиссея увенчались успехом. На палубе заметили течь, люк открылся, и недавний обидчик, грязно ругаясь на арамейском, полез в трюм. Сын Лаэрта притаился за трапом и, когда кривая физиономия поравнялась с ним, молниеносно ударил в лицо кинжалом. Раздался нечеловеческий вопль, и финикиец корчась упал на дно лодки. Одиссей не раздумывая выскочил наверх и бросился мимо раскрывшего от удивления рот рулевого за борт. Ещё на палубе он мельком заметил, что Итака уже далеко, до острова было не менее десятка стадий.

За похитителями никто не гнался, как видно, дома ещё не заметили пропажу детей. Тем временем на корабле поднялся переполох. «Они не станут разворачивать судно против ветра, — подумал Одиссей, — это может вызвать подозрения на берегу. Но как же быть с сёстрами, даже если я доплыву до берега, будет уже поздно, воры уйдут слишком далеко в море. Да и быстроходных судов на Итаке нет».

Плавал царевич хорошо, он считался лучшим пловцом среди сверстников, но сейчас обстоятельства были против него. Корабль уже вышел из ветровой тени острова, и порывистый бриз, разогнав волну, мешал плыть. Вдруг мимо просвистели две стрелы, они ушли под воду буквально в двух локтях впереди. Через мгновение ещё одна стрела пронзила кисть. Одиссей зажмурился от боли и нырнул. Это его спасло, так как ещё два смертоносных жала прошили воду прямо в том месте, где он только что плыл. «Метко стреляют, гады», — подумал юноша и нырнул снова. На этот раз он держался под водой сколько хватило сил, а вынырнув, понял, что обстрел прекратился. То ли финикийцы решили, что убили его, то ли просто потеряли беглеца из виду.

Одиссей стиснул зубы и зажал наконечник стрелы пронзенной ладонью. Второй рукой он достал нож, который так и остался висеть у него на поясе и полосонул лезвием по древку. Извлечь остриё было уже нетрудно. Стрела прошла через мякоть и, хвала Аполлону, не задела кость. Рука кровоточила. Мальчик оторвал от туники лоскут и перевязал рану, затем стянул с себя оставшуюся одежду и поплыл в направлении Итаки…

Вскоре он потерял счёт времени, силы, капля за каплей, оставляли его, а спасительный берег всё не приближался. Соленые валы всё чаще и чаще накрывали мальчика с головой. Кровь стучала в висках, а сердце буквально выскакивало из груди. Иногда ему казалось, что он теряет сознание, но какая-то неистребимая сила заставляла его делать гребок за гребком. Где-то на дне сознания временами уже мелькала предательская мысль: «Всё кончено, брось, Одиссей. Посейдон уже не отпустит тебя…». Но он вновь и вновь поднимал и опускал в воду ватные, непослушные руки.

Его нашли рыбаки, он почти захлебнулся. Они вытащили мальчика из воды, откачали и принесли домой. Одиссей выжил, но сёстры пропали навсегда. Их с тех пор никто не видел...

… Одиссей проснулся. Его разбудил резкий толчок. Он сидел на койке в капитанской каюте «Ивлии». Ощущение удушья после тяжёлого сна не покидало его. Пока он соображал, где находится, прозвучал громкий хлопок, а за ним вновь толчок, похожий на первый, но уже гораздо сильнее.

— Мастер, скорее поднимайтесь наверх! У нас проблемы, — в проём люка головой вниз свесилась Афина.

В мгновение ока Одиссей оказался на палубе, где его взгляду предстала следующая картина. Четверо матросов изо всех сил тянули за гитовы[1], пытаясь убрать парус. Непослушное полотнище вырывалось и упрямо не желало прижиматься к рею. Кормчий, широко расставив ноги, буквально повис на рулевом весле. Сильный ветер с дождём нёс корабль куда-то в темноту.

— Что происходит? — перекрикивая ветер, спросил Одиссей у корабельщика.

— Так ведь южный шторм налетел. Перетёрлись и лопнули кормовые оттяжки мачты. Надоть завести новый такелаж, а то, не ровён час, рухнет на палубу. Корпус не сдюжит такого удара.

— На чем же она держится?

— Токмо на кормовом штаге и висит, родимая… Сможете удержать кормило, басилевс? — Кормчий в надежде посмотрел на накаченное тело Лаэртида. — Я покудать на бак слетаю. Скажу, чтоб майнали мачту от греха. А то они меня отседа не слышат вовсе.

— Иди смело, корабельщик, я управлюсь. — Одиссей обхватил рулевое весло своими огромными ручищами. — Только покажи, куда править.

— Берить, басилевс, во…о…на от той скалки к ветру, нас шибко к ней приваливает, а тама тьма-тьмущая подводных рифов. — Корабельщик махнул рукой куда-то в темноту.

Там в яркой вспышке молнии, чуть левее курса, мелькнул скалистый мыс. Корабль несло на него с огромной скоростью. Кормчий нырнул в темноту, но уже через мгновение, когда новая вспышка осветила разорванное в клочья небо, он оказался среди копошащихся возле мачты людей. Одиссей умело под-

[1] Гитовы — снасти для уборки паруса.

кручивал на ветер, на каждом порыве выигрывая у стихии пару локтей. «Если они не положат мачту ещё пару мгновений — нам конец!» — мелькнуло у него в голове. Наконец весь рангоут[1] с усмирённым полотнищем паруса, обхваченный десятком крепких рук, лёг на палубу. Управлять судном сразу стало легче. Благодаря парусности высокой кормы лодка выровнялась и послушно рулю заскользила с вершины очередного накатившегося сзади вала. Ещё мгновение и опасные скалы остались позади. Спокойно увалившись под ветер, Одиссей стал рулить мягче. Корабль, словно добрый конь, почувствовав слабину узды, стремглав понёсся в открытое море.

— Всё в порядке! Премного благодарствую, басилевс, что подсобили. Мы двойные концы завели, теперича ребята будут мачту вирать. — Подошел к Лаэртиду насквозь промокший, но весёлый кормчий. И добавил: — А вы-то — мастер. Добро правите, зело добро.

— Крепкие у тебя ребята, — не желая оставаться в долгу, ответил Лаэртид и вернул румпель[2] хозяину.

— Так ведь лучшие в царском-то флоте… шельмы, — не без гордости подтвердил тот.

— Что это были за скалы?

— Южная оконечность Скироса.

Верхушка уложенной мачты оказалась теперь у их ног. Возле неё суетились два дюжих киликийца. Эти извечные морские бродяги часто нанимались матросами на микенские суда. Ловко орудуя деревянными молотками и свайками, они заканчивали оплётку огонов на новых снастях. Посмотрев за борт, на кильватерную струю, Одиссей заметил, что судно идёт достаточно быстро. «И это без паруса!» Огромные кипя-

1 Рангоут — мачты и реи корабля.
2 Румпель — рычаг для поворота руля.

щие валы, ежеминутно накатывающие с кормы, уже не били в корпус, грозя перехлестнуть через фальшборт, а мягко, как бы играючи, подталкивали лодку вперёд. Попутный шторм был родной стихией для такого корабля. Серьёзную опасность теперь представляли только скалы, которые могли внезапно появиться по курсу. Однако кормчий прекрасно знал эти воды и уверенно правил судном. Уставшие от манёвров матросы стали укладываться спать. В трюм спустились немногие, основная часть экипажа предпочла расположиться наверху, прямо среди вёсел и мокрой парусины.

Одиссею не спалось. Неожиданное пробуждение прогнало сон. Поняв, что уснуть уже не получится, он пошел на бак. На носу качка чувствовалась сильней. Отпустив спать вперёдсмотрящего, он стал на его место и, чтобы не потерять равновесие, обхватил рукой носовой брус. Дождь прекратился, но тёмные рваные тучи, обгоняя лодку, проносились так низко, что казалось, вот-вот зацепят краем торчащий вверх, словно рог дикого животного, форштевень. Закрыв глаза и прижавшись к холодному мокрому брусу, он вдруг почувствовал себя с кораблём единым существом. Ощущение усилилось, когда Одиссей глянул вниз, туда, где нос заканчивался тараном в виде головы оскалившегося вепря. Свирепое бронзовое рыло, словно отфыркиваясь, то и дело, выныривало из фосфоресцирующей пены волн. Каждый раз, соскальзывая с гребня очередного уходящего вперед вала, корпус «Ивлии» слегка вздрагивал. Эта дрожь, будто по хребту гигантской рыбы, пробегала по килевому брусу корабля, постепенно затихая где-то в корме…

Вдруг Одиссей ощутил схожую вибрацию у себя на поясе. С удивлением раскрыв подсумок, герой уви-

дел среди горсти монет слабое зеленоватое свечение. «Как туда мог забраться светлячок?!» — подумал Лаэртид, пытаясь вытащить жука. Каково же было его изумление, когда он понял, что мерцание исходит от той самой серьги, которую ему вручил ещё в Спарте милетский судовладелец Агесилай. Одиссей совсем забыл про неё, и вот теперь маленький смарагд, вмонтированный в золотое украшение, пульсировал ярким изумрудным огоньком.

— Далеко ещё до Гелеспонта? — вырвался из темноты знакомый голос Афины.

— Корабельщики говорят, — рассеянно произнёс Лаэртид, — если ветер не ослабнет, то уже через сутки будем в Илионе…

— Ой, что это у вас в руке, мастер?!

— Эту серьгу мне дал Агесилай, её якобы обронила одна из служанок Елены, когда кортеж царицы проезжал мимо городских ворот.

— А почему она светится?

— Понятия не имею, Афина, спроси что-нибудь полегче.

Гроза ушла вперёд. Ветер пошёл на убыль и выровнялся. Тяжело переваливаясь с борта на борт, корабль уверенно взял курс на мелькающую в разрывах туч гиперборейскую звезду[1]. За спиной раздался лёгкий хлопок, Одиссей от неожиданности чуть не выронил серьгу, обернулся и увидел, что корабельщики вновь поставили парус. Здесь, на носу, создавалось впечатление, будто корабль стоит на месте, а седые волны, толкаясь и шумя, стараются обогнать его. Но наши герои всего этого не замечали, они как завороженные продолжали смотреть на мерцающий зелёный огонёк. Светало. Мрак ночи

[1] Полярная звезда.

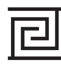
прорезали первые *пурпурные лучи* — Восток рождал *младую Эос*[1].

— Смотрите, мастер! Чем светлее небо, тем слабее светится серьга.

— Тебе кажется, Афина.

— Нет, нет, правда!.. Взгляните!

«А, похоже, девчонка права…» — подумал Одиссей. Теперь ему уже было совершенно очевидно, что с рассветом мерцание изумруда становилось всё слабее и слабее. А когда *на медный свод небес явился сияющий Гелиос,* кристалл и вовсе погас.

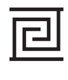

[1] Эос — богиня утренней зари.

Глава шестая

ИЛИОН

Без особых происшествий минул ещё один день путешествия. Не горя особым желанием общаться с Паламедом, Одиссей отправился спать ещё засветло, поэтому сейчас, когда через световой люк в полумрак каюты стали проникать первые солнечные лучи, он, прекрасно выспавшись, легко спрыгнул с койки и поднялся на мокрую от росы палубу. Было ещё довольно прохладно, Лаэртид зябко поёжился и потянул за собой наверх тёплую шерстяную хламиду. Завернувшись в плащ, он огляделся. Паламед стоял возле кормщика, казалось, что он так и не ложился, Афина, напротив, похоже, ещё спала, по крайней мере, наверху её не было. Под заунывный ритм, который высвистывал полусонный флейтист, команда вовсю налегала на вёсла, стараясь выгрести против встречного ветра. Прикрывшись обрывистым берегом, «Ивлия» медленно, но верно продвигалась к входу в Дарданский пролив[1], обрывистое устье которого уже явственно проступало сквозь зависший над горизонтом лёгкий туман.

— Как я понимаю, это уже азиатский берег? — Одиссей коснулся плеча стоящего чуть впереди Паламеда и показал направо. Ему вовсе не хотелось общаться с царским посланником, но что делать, теперь они вдвоём возглавляют делегацию к правителю священного Илиона, так что придётся налаживать отношения.

— Совершенно верно, богоравный Одиссей, мы на входе в Геллеспонт. Да благословен будет гряду-

[1] Дарданский пролив, Геллеспонт — древние названия пролива Дарданеллы.

щий день, как и это чудесное утро, что подарила нам лучезарная Эос. — Милетский гармост обернулся и чванно поклонился.

— И всё же ты неисправим, Паламед. Неужто не можешь выражаться более просто и понятно, — немного раздражённо парировал наш герой.

— Не стоит с утра гневить богов, многоумный басилевс Итаки, ведь благодаря им мы, надеюсь, уже к дневной страже бросим якорь в троянском порту.

— Однако не пойму, почему мы проходим столь удобную бухту?.. Ту, которая открывается сейчас справа по борту. Я вижу, в ней стоит немало кораблей, и торговый люд на берегу суетится. — Одиссей указал рукой на обширный залив, глубоко врезающийся в азиатский берег. — Стоянка весьма удобная и просторная, кроме того, хорошо прикрыта от северного ветра, отрогами вон той высокой горы.

— Это гора Ида, а в заливе находится торговый порт Трои. Здесь ведётся разгрузка товаров, а на рейде стоят суда в ожидании попутного ветра, чтобы, преодолев течение Геллеспонта и дыхание северного ветра Борея, прорваться в Мраморное море. Мы же, прикрывшись берегом, пройдем ещё пару стадий и, обогнув вон тот пологий мыс, повернём на вход в военную гавань. Она сооружена непосредственно у стен Илиона. — Паламед вытянул руку, указывая прямо по курсу. — Смотри! Нас уже ждут.

И действительно, взглянув в направлении, указанном собеседником, Одиссей увидел большой военный корабль, стоящий на якоре у оконечности мыса. На мачте был поднят сигнал в виде большого бронзового зеркала: световой луч отсвечивал прямо в борт «Ивлии», как бы приглашая её проследовать на вход в пролив.

— Здесь всегда стоит один или два военных корабля, — предупредив вопрос Лаэртида, продолжил неоднократно бывавший в этих местах Паламед. — Они готовы протаранить любое судно, которое сунется в пролив без разрешения властей. Троянцы строго охраняют вход в Геллеспонт. Контроль проливов, отделяющих Азию от Европы, обеспечивает им монополию в торговле с Понтом — так именуется большое море, расположенное дальше на севере…

Далее царский посланник стал пересказывать древнюю легенду, согласно которой чёрные воды северного моря были негостеприимны, вход в него закрывали движущиеся скалы — Симплегады. Ни один корабль не мог проникнуть в Понт. Но однажды легендарный «Арго», ведомый твёрдой рукой Ясона, сумел преодолеть эту преграду. После этого скалы столкнулись в последний раз и открылись навсегда. Однако сильное течение и встречный ветер продолжали создавать естественное препятствие тем, кто плывет на север. Тогда предки нынешних жителей Трои подписали договор с богами, по которому им были вручены ключи от Геллеспонта в обмен на ежегодные богатые жертвоприношения. Аполлон и Посейдон сами воздвигли стены города и открыли проливы. Поэтому лишь два раза в месяц жрецы храма Аполлона приносят жертву в тридцать быков, чтобы умилостивить бога ветров. Принимая жертву, Эол ненадолго укрощает свирепость своего сына — северного ветра Борея и выпускает на волю его южного собрата — Нота.

— Сказочка для дурачков, — усмехнулся Одиссей, — однако она, как я понимаю, приносит немалый доход в казну Приама.

— Не гоже, благородный Лаэртид, богохульствовать у врат владений лучезарного бога. — Паламед

молитвенно сложил руки на груди и воздал хвалу Аполлону.

— Скажи лучше, любезный, сколько платят за сутки те бедолаги купцы, что стоят в южной гавани в ожидании ветра? — не обратив внимания на упрёк, продолжил ёрничать герой. — И как регулярно разрешают боги входить в пролив?

— В том то и дело, что заранее неизвестно, когда смилостивятся олимпийцы. Верховный жрец храма Аполлона, того, что виднеется вон там, на холме, только накануне сообщает начальникам караванов волю богов. Иногда приходится месяц ожидать разрешения на вход. А стоянка действительно стоит дорого …

— Ещё бы, брать с дураков дёшево! Теперь понятно, откуда у троянских царей такие несметные богатства. И всё им нипочём, даже землетрясение пережили… А как, кстати, жрецы объяснили этот катаклизм, который почти до основания разрушил Трою пятьдесят лет назад?

— То было великое бедствие. Боги разгневались на отца нынешнего правителя и трясли землю три дня и три ночи. Правда, все жители спаслись, даже успели вынести большую часть имущества. Хвала повелительнице зверей Артемиде! Она предупредила троянцев о грядущем гневе олимпийцев: накануне катастрофы все домашние животные исчезли из города, а скот, закрытый в вольерах, поднял такой шум, что у жителей не осталось сомнений — быть беде.

— Однако, насколько мне известно, это не помешало нечестивцу править Илионом ещё десять лет и даже отказать самому Гераклу в обещанной награде за спасение дочери от морского змея, — продолжал подшучивать над легендами о великом городе Одиссей…

Тем временем «Ивлия» обогнула оконечность мыса, образованного одним из отрогов горы Иды, вошла в Геллеспонт и по искусственному каналу, прорытому в устье Скамандра[1], подгоняемая попутным ветром, направилась к священным стенам Илиона.

Очень скоро изумлённому взору путешественников открылись циклопические бастионы Трои. Зрелище было воистину потрясающим. Ничего подобного Одиссей раньше не видел. Периметр нижнего города был окружён вырытым ещё в незапамятные времена глубоким заполненным водой рвом и земляным валом. В центре шумящих, как восточный базар, предместий высилась громада Илиона, или по-гречески — Троя.

В сопровождении встретившего наших героев Гектора ахейская делегация направились в царский дворец. Резиденция правителя находилась в цитадели на западной стороне верхнего города, путь к ней лежал через предместья. От военной гавани кавалькада колесниц двинулась к стенам крепости, которые поражали своим величием и монументальностью. Нижняя часть была выложена из расположенных под наклоном монолитных валунов и облицована глиняным раствором. Толщина стены в основании была не менее двадцати шагов. Над этой циклопической кладкой ещё, как минимум, на двенадцать локтей возвышался более тонкий гребень из сырцового кирпича. Однако, когда герои проезжали через знаменитые Скейские ворота на южной стороне города, Одиссей заметил, что если нижняя часть стены, имеющая наклонную внешнюю поверхность, выдержала удар землетрясения пятидеся-

[1] Скамандр — название древней реки, протекавшей у стен Трои.

тилетней давности, то верхняя её часть была скорее всего восстановлена. Причём восстановление это явно проходило в спешке. Кладка этой части фортификационных сооружений состояла из случайных материалов и была выполнена менее аккуратно, чем древняя. Наряду с выпавшими из старой стены блоками здесь попадались небольшие необработанные камни, большинство которых было взято из оставшихся после землетрясения развалин.

Проезд через ворота и улица, ведущая внутрь крепости, были выложены камнем. Под этой мостовой проходила большая дренажная канава. Нет сомнений, что она предназначалась для отвода дождевой воды от небольшой площади, находящейся сразу при въезде в город. На этой площади сходились спускающиеся с верхнего города улицы. По всей видимости, в сильный ливень с акрополя стекало много воды, и она запруживала небольшое пространство перед воротами. Каменная мостовая и дренажная канава тянулись от ворот дальше и выходили за пределы крепости. «Лукавые демоны! Возможно, когда-нибудь придётся этим воспользоваться, — Одиссей старательно запоминал все недостатки в оборонительных сооружениях Илиона, — ведь Нестор уверен, что войны с Троей нам всё равно не избежать».

В этот момент процессия выехала ещё на одну площадь, расположенную уже ближе к цитадели. Невзирая на плотную застройку этой части города она была заметно больше первой и должна была обеспечить горожанам беспрепятственный проход к глубокому и, по всей видимости, очень древнему колодцу. Колодец этот имел вид круглой шахты и был обнесён стеной из камня. На площади толпи-

лось множество людей, а ещё больше отдыхало под сенью растущей тут же, у воды, дикой груши[1]...

Когда колесница проехала охраняемые вооруженной до зубов гвардией ворота цитадели, Одиссей стал внимательно рассматривать своего молчаливого сопровождающего. Он был немало наслышан о благородстве и бесстрашии старшего сына Приама, однако видел Гектора впервые. Это был поистине достойный муж. Ростом он почти на голову превосходил Лаэртида. Из-под блестящего начищенной медью шлема, над которым развивался красно-синий султан из страусиных перьев, на Одиссея открыто смотрели умные и проницательные карие глаза. Мускулистые руки исполина уверенно управляли богатой царской упряжкой. Лихо осадив коней прямо у дворцового крыльца, сын правителя молодцевато соскочил наземь и, бросив поводья подбежавшему конюху, раскрыл дверцы повозки перед гостями. Колесница, в которой находились Афина и Эвмей, остановилась чуть поодаль, у конюшни.

— Земля Трои приветствует вас, о благородные ахейские ванаки. Отец и геронты ждут нас с нетерпением. — Гектор жестом пригласил гостей проследовать за ним.

Одиссей и Паламед не замедлили воспользоваться приглашением и двинулись во дворец вслед за царевичем. Пройдя через вестибюль, они вошли в тронный зал, который был освещён доброй сотней факелов. В центре мегарона пылал огромный очаг овальной формы, за ним на отделанном золотом и слоновой костью троне сидел сам правитель Илиона — седовласый Приам.

---

1 В описании города использованы материалы из книги К. Блегена «Троя и троянцы».

— Царь златовратных Микен, басилевс ахейский, пастырь народов Агамемнон желает здоровья тебе и процветания земле твоей, премудрый Приам, — в свойственной ему куртуазной манере сложил в качестве приветствия витиеватую фразу Паламед.

— Будь здрав и ты, благородный ванак. Однако к чему кривить душой, я и мои дарданцы костью в горле стоим у правителя *кудреглавых данаев,* — старческим, но удивительно твёрдым голосом пресёк поток лести царь Приам. — Я думаю, ахейцы дорого заплатили бы за то, чтоб Илион вовсе исчез с лика матери Геи. Мы непримиримые враги и, по всей видимости, моим мечтам о прочном мире со Спартой не суждено сбыться. Видят боги, мне казалось, что людям не нужно воевать, раз они могут торговать. Однако я идеалист и не рассчитал, что правителю Микен мир не нужен. Ему нужна кровь, война, разбой!.. — Голос царя стал тверже, в нём появились стальные нотки.

— Ты говоришь обидные слова в адрес нашего суверена, в то время как сын твой лестью хитрой опутал сердце жены его брата, нарушил все законы гостеприимства и обманом похитил царицу, — в свою очередь прервал гневную тираду Приама Одиссей и перешёл в наступление, сам, однако, мало веря в то, что говорил. — Спартанская царица, прекраснейшая из женщин *светлокудрая Елена* коварно соблазнена и похищена царевичем Александром.

— Я никогда в это не поверю! Это наглая ложь! — Старец привстал, его голос сорвался на крик. Затем, вновь повалившись на трон, он закашлялся. Один из царедворцев поднёс к губам Приама золотой кубок с какой-то тёмной жидкостью.

— Позволь молвить слово, отец, — воспользовавшись возникшей паузой, вмешался в разговор Гектор и, не дождавшись ответа, продолжил: — Я много

наслышан, благородный Одиссей, о твоём остром уме и справедливом сердце. Однако ты бросаешь в наш адрес поистине тяжкие обвинения, совершенно не утруждая себя доказательствами. Если ты обладаешь сведениями, которые могут пролить свет на произошедшее, мы внимательно тебя выслушаем. И клянусь Аполлоном, не будь я Гектор, если виновник не понесёт заслуженной кары. Пусть даже это будет мой брат.

— Что ж, разумные речи всегда полезней пустых эмоций. Я готов изложить суть дела, но при условии, что меня не будут перебивать и выслушают внимательно. — Одиссей сделал несколько шагов и оказался в центре зала прямо перед троном и членами совета. — Тому уж месяц минул, как в первом часу второй ночной стражи кортеж царицы покинул дворец в Спарте. Проследовав в порт, свита погрузилась на корабль, который отбыл в неизвестном направлении. — Лаэртид естественно скрыл, что корабль был секретный. — Морские прогулки были обычным делом для Елены, поэтому отъезд не вызвал никаких подозрений у городской стражи. Однако утром во дворце были обнаружены трупы часовых, которые охраняли вход в покои царицы и выход из дворца в город. По тревоге был поднят гарнизон, а позже арестована вся троянская делегация, которая трусливо пыталась скрыться за островами… Правда, ни Париса, ни Елены среди них не оказалось. Вернувшись на следующий день и опросив свидетелей, царь Менелай выяснил, что троянский царевич в его отсутствие выказывал чересчур навязчивое внимание царице, пытался её соблазнить и уговаривал изменить мужу.

В зале послышался шум, некоторые члены троянского совета старейшин, вскочив с мест, возму-

щёнными возгласами попытались прервать рассказ Одиссея, но *седобородый Приам* поднял десницу в знак внимания. В зале вновь воцарилась тишина.

— Я продолжу, — сказал оратор. — Мне было обещано внимание и возможность высказаться до конца… Так вот — царица похищена, исчезли её слуги и пятьдесят рабов, но что самое кощунственное — была ограблен дворец. Один из стражников, который охранял вход в сокровищницу, когда его нашли, был ещё жив. — Лаэртид обвёл взглядом зал, давая понять собравшимся, что сейчас скажет нечто очень важное, и продолжил: — Последнее, что успел сказать несчастный, было: «Задержите Париса».

В тронном зале поднялся невообразимый шум. Многие схватились за оружие. Однако Одиссей стоял по-прежнему невозмутимо, скрестив на груди руки.

— Ты можешь доказать это, благородный сын Лаэрта? — сурово спросил Гектор, тоже выходя на середину зала.

— Я лично допрашивал начальника караула, который нашёл несчастного и слышал его предсмертные слова. Я знаю этого человека и уверен в правдивости его показаний, — не моргнув глазом, соврал Лаэртид и повернулся к своему спутнику.

Паламед сидел бледный, как стена. Он совершенно не понимал, куда клонит хитроумный Одиссей и зачем он откровенной ложью накаляет обстановку. Правитель Итаки хитро подмигнул царскому посланнику и вновь повернулся к залу. Он был уверен, что, посеяв в умах троянцев сомнения по поводу непогрешимости Париса, затем легко сумеет убедить их в необходимости продолжить следствие… «Что ж, пришлось немного слукавить, — думал он, одновременно наблюдая за реакцией Приама, — но ведь Парис действительно пытался соблазнить царицу.

Это признали пленные парламентёры. Все троянцы прекрасно знают, что Парис волокита и бабник. Даже если похищение Елены не его рук дело, пусть осознают, что и у их царевича, как говорится, рыльце в пушку».

— Если ахейцы не сомневаются в вине Александра, то почему наши товарищи ещё живы? Я знаю крутой нрав Агамемнона. Почему он медлит? — Старший сын Приама вплотную приблизился к Одиссею, нависнув над ним, словно башня, но тот стоял как вкопанный.

— Это и есть свидетельство того, что мы не желаем войны, благородный Гектор. Ведь частный спор всегда можно уладить миром. Бряцать оружием — дело последнее. Необходимо в первую очередь во всём разобраться. Некоторые обстоятельства похищения указывают на то, что Парису помогали финикийские наёмники. Мы хотим получить ваши твёрдые заверения в том, что он действовал на свой страх и риск и не получал никаких указаний от высшей власти Илиона.

— Считай, что ты уже имеешь такие заверения. — Царь Трои поднялся, давая понять, что аудиенция и совет окончены и он готов объявить вердикт: — Я, правитель великого Илиона, объявляю свою волю, и да никто пусть не осмелится нарушить сказанное мной… Сим повелеваю!.. Продолжить расследование обстоятельств похищения спартанской царицы. Если вина моего сына Александра будет доказана, пусть его закованным доставят в Трою, где он будет предан заслуженной каре. В противном случае, мы требуем от ахеян: первое — отпустить наших послов и принести извинения, а во-вторых, возместить моральный ущерб, нанесённый Илиону, выплатив десять талантов серебром. — В зале одобрительно

загудели. Одиссей победоносно посмотрел на Паламеда.

— Однако в соответствии с нашими древними обычаями вначале басилевс объятой морем Итаки, благородный Лаэртид, должен доказать правдивость своих обвинений в адрес Париса, — неожиданно продолжил старец.

Одиссей побледнел, он не ожидал такого поворота событий, но отступать было поздно, и он негромко, но твёрдо сказал:

— Я согласен.

— Я не сомневался в твоём ответе, благородный Лаэртид. — Престарелый правитель оглядел зал и громогласно пророкотал: — Назначаю испытание смертью… И пусть честный поединок и боги — хранители клятв решат судьбу этой тяжбы.

Зал взорвался рукоплесканиями, послышались громкие выкрики, прославляющие мудрость троянского правителя. Приам поднял руку, призывая старейшин к спокойствию, и вопросил:

— Кто из вас, храбрые сыны Илиона, встанет на защиту чести и достоинства нашего древнего рода?

— Разреши мне, отец, вызвать на поединок хитроумного Одиссея. — В центр мегарона вышел могучий Гектор. Приам удовлетворённо кивнул в знак согласия. — За тобой выбор оружия, Лаэртид, — продолжил царевич и вызывающе посмотрел на правителя скалистой Итаки.

— Бой на колесницах в тяжёлом снаряжении, у каждого по два дрота и меч, — не промедлив и мгновения, изрёк Одиссей и оглянулся. Паламед еле сдерживал злорадную ухмылку.

— Быть по сему… Состязание начнется завтра, как только Гелиос достигнет зенита. И пусть смерть одного из соперников выявит правду, а ежели богам

будет неугодно определить победителя, то пусть сумрак ночи разведёт бойцов, — не терпящим возражений тоном резюмировал Приам и добавил: — А сегодня вечером я приглашаю своих данайских гостей на трапезу в честь покровителя святого Илиона сребролукого Аполлона и его божественной луноликой сестры Артемиды.

Одиссей поклонился и, не промолвив более ни слова, направился к выходу из дворца, размышляя на ходу: «Однако как хитро повернул дело, проклятый старик. Конечно, он уверен, что гигант и силач Гектор без проблем одолеет меня в поединке. Ну, ничего, ещё посмотрим, чья возьмёт, иначе не будь я хитроумный Одиссей».

Пройдя через главные врата резиденции троянских царей, Лаэртид направился в сторону левого флигеля дворца, где была размещена ахейская делегация. У входа его поджидала Афина.

— Ну, чем закончилось совещание совета? — спросила она взволнованно вместо приветствия.

— Всё превосходно, троянцы согласны на продолжение расследования, что и требовалось. Теперь они не в коем случае не начнут враждебных действий, пока не закончится следствие и я не найду виновных. А уж я их найду, будьте уверены!.. — Одиссей посмотрел поверх головы собеседницы и погрозил рукой куда-то в сторону царской резиденции.

— Но Елены и Париса здесь нет? — продолжала расспрашивать Афина. — Они не прибыли в Трою?

— Конечно, нет.

— Значит, мы завтра же можем отправиться на их поиски.

— Нет, завтра не получится. Завтра у меня испытание смертью — поединок с Гектором. — Одиссей посмотрел на Афину. — Да, я совсем забыл тебе сказать:

Приам решил, что я должен сразиться с его сыном, чтобы доказать правдивость своих обвинений в адрес Париса.

— Зевс громовержец!.. Но ведь он вас убьет, мастер!

— Однако ты не очень то высокого мнения о моих бойцовских качествах, — засмеялся Лаэртид.

— Но это же машина для убийства. Просто гора мышц. Он в два раза выше вас! — Афина жалостливо взглянула на Одиссея.

— Ничего, бог не выдаст, свинья не съест. Помнится, ты что-то говорила про небесное явление, которое должно произойти завтра.

— Да, завтра, согласно календарю, которому меня обучали халдейские жрецы, должно быть солнечное затмение, — затараторила девушка, — дело в том, что, проходя над землёй, лунный диск иногда перекрывает солнечный. Суть этого явления мудрецы не знают. Они думают, что скорее всего диск Селены находится ближе к нам, чем лик её брата Гелиоса. Однако это только предположение. Тем не менее они научились с достаточно большой точностью определять, когда это происходит в очередной раз.

— Так говоришь, это… как бишь его — затмение должно быть сразу после дневной стражи?

— Приблизительно, точно сказать не могу, ведь мы находимся гораздо севернее Вавилона. Но какое это имеет отношение к поединку?

— Завтра увидишь, — подмигнул девушке Одиссей. — Утро вечера мудренее. Я пойду в купальню, сегодня вечером Приам устраивает трапезу в честь Феба-Аполлона, наша делегация приглашена тоже. Надо выглядеть достойным прекраснейшего из богов. — С этими словами Одиссей отправился внутрь флигеля, а ещё через некоторое время две рабыни усердно натирали его тело свежим елеем.

Торжественная трапеза в честь божественных близнецов Аполлона и Артемиды началась с закатом солнца. Колесниц, на которых прибывала троянская знать, было так много, что приамовы слуги сбились с ног, встречая гостей. Сотни факелов освящали двор и просторный мегарон, величественно украшенные по случаю праздника. В честь несущего знания божественного Аполлона стены залы были убраны в золото и серебро. Во славу его *луноликой* сестры — повелительницы зверей Артемиды мощные деревянные колонны, подпирающие покрытый узором потолок, были увиты плющом и лавром.

У дальней стены, напротив входа, на небольшом возвышении восседала царская чета. Дубовый, окованный золотом трон басилевса покрывала богатая инкрустация, на которой камеи из слоновой кости с изображением сцен войны и охоты перемежались с золочеными инталиями[1] сакрального содержания. Подле него стоял украшенный не менее искусной резьбой трон правительницы. Невзирая на почтенный возраст царица Гекуба выглядела величаво и даже привлекательно. Её лицо ещё сохранило следы былой красоты. По правую руку от царствующих супругов расположились с жёнами девятнадцать сыновей Приама от царицы, рядом кровные братья принцев — дети правителя от рабынь и наложниц, слева — царские дочери с супругами. Далее, в зависимости от ранга, сидели старейшины и представители знатных семейств Илиона.

Посланников союзных держав и гостей города, среди которых заняли места и наши герои, рассаживали, по обычаю, с внутренней стороны расставленных в форме конской подковы столов. Возглавлял,

[1] Камея, инталия — разновидности резных украшений.

если можно так выразиться, этот дипломатический корпус представитель хеттского царя мудрый Арнуванда. Давеча Одиссею удалось провести очень важные переговоры с посланником из Хаттусы. Переводила Афина, свободно владеющая аккадским, который являлся вторым официальным языком империи хеттов. Лаэртида заинтересовал тот факт, что посол является ближайшим родственником правящей королевы. Дело в том, что согласно древней традиции, возможно уходящей корнями в эпоху матриархата, в хеттском государстве существовали две параллельные ветви власти. Правящий титул — таваннанна царица получала лишь только после смерти своей предшественницы. До тех пор, пока оставалась в живых царица-мать, супругу здравствующего монарха именовали просто «женой царя». Вот и теперь хеттская правительница — мать правящего императора вела на международной арене собственную, независимую от сына, игру. Этот козырь не использовал в своей политике только ленивый. Доходило до того, что император и царица-мать, которая обладала собственной государственной печатью, подписывали взаимоисключающие международные договора.

Такая двойственность политики стала особенно опасной теперь, когда хеттское царство вошло в ряд «великих империй», под контролем которых так или иначе находилась вся Азия. В этот элитный альянс, кроме хеттов, входили Египет и Вавилон. Договоры между «великими царями» заключались на условиях полного равенства и взаимной выгоды. Монархи поддерживали между собой дружественные отношения, они регулярно обменивались богатыми дарами, называли друг друга «братьями» и не забывали скреплять узы династическими браками. У стран эгейской цивилизации, в состав которой входили и ахейцы, и

троянцы, сложились особые отношения с хеттской империей. Ахиява, как хетты называли союз ахейских царств, имела давние связи с ними. Одна из прабабок Агамемнона даже была женой хеттского правителя, а после его смерти заняла пост царицы-матери и некоторое время правила империей как регентша при малолетнем сыне. Правда, когда царь подрос, он не замедлил выслать своенравную мамашу назад в Микены.

Понимая, что в одиночку ему с ахейцами не справиться, царь Илиона Приам всегда старался балансировать между двумя хищниками, больше склоняясь к союзу с хеттами. Ради спасения Вилуссы, как именовали Трою хетты, Приам готов был пойти даже на некоторую вассальную зависимость от императора Хаттусилиса. Исходя из этих предпосылок, а также учитывая слова мудрого Нестора о том, что в будущем столкновение ахеян с Троей неизбежно, Одиссей видел свою задачу в расколе союза Приама с хеттами. Для этого он хотел использовать проахейскую ориентацию женской половины царствующего дома и уже получил официальное приглашение хеттского посланника посетить столицу империи сразу по окончании расследования дела о похищении Елены Спартанской.

Наиболее рьяным союзником троянцев был сын короля эфиопов Мемнон. Он уже десять лет не покидал Илион, вовсе позабыв свою далёкую, столь любимую богами родину. Эфиоп был страстным поклонником дарданской культуры, обожал всё троянское, однако на пир, по протоколу, явился одетым согласно национальной традиции. В свете факелов белки глаз мавра контрастно блестели на чёрном как ночь лице.

— Даже не представляю себе, где именно находится «*...царство угодных богам эфиопов*», — продекла-

мировал отрывок из древней поэмы Одиссей. — И за что, собственно говоря, они так любимы олимпийцами?

— В мифах говорится, что страна эта расположена на окраине Ойкумены, сиречь обитаемого мира. — Афина была девушка образованная. За время пребывания при дворе фараона ей не раз доводилось общаться с чернокожими. А посему она не преминула выказать свои знания: — Жрецы Амона утверждают, будто эфиопы обитают где-то в верховьях священного потока Нила, выше слоновьего острова.

— Ты лучше ответь мне. Ему здесь не холодно? — съязвил Одиссей.

В зале было душно и влажно. Невзирая на это, через плечо чёрного принца была перекинута шкура пятнистого леопарда, а на *опаленноликой главе* красовался тюрбан из меха бобра.

Не менее экзотично выглядела и царица амазонок прекрасная Пенфесилея. Воительница из северных гиперборейских степей, напротив, была одета лишь в лёгкий летний хитон, подвязанный ажурным поясом, набранным из золотых колец тончайшей скифской работы. Всё лицо мужененавистницы покрывала татуировка. Коротко остриженные, цвета спелого каштана волосы валькирии стягивала тугая кожаная повязка. Афина, по вполне понятной причине, с особым интересом разглядывала женщину-воина.

— Неужели это правда… ну, что в их племени совсем нет мужчин? — спросила она Одиссея. — Я столько слышала об амазонках, но никогда их не видела.

— В этих сказаниях слишком много вымысла, хотя история их племени действительно полна таинственности.

На этот раз возможность блеснуть знаниями выпала Одиссею, и он поведал своей помощнице историю амазонок:

— Греки впервые столкнулись с ними во время похода Геракла и афинянина Тесея в Малую Азию. Там, на реке Фермодонт герои осадили и взяли штурмом их столицу. Однако гордые воительницы не признали поражения и в отместку вторглись в Аттику[1]. Битва была упорная и кровопролитная. С большим трудом афинянам удалось разгромить грозных дев. Однако трудно поверить, что какое-нибудь войско или племя может состоять только из одних женщин, без мужчин. Или что они могли побеждать соседние племена и даже предпринять заморский поход в Элладу! Существует ещё одна легенда о происхождении амазонок. Лично мне эта история кажется более правдоподобной, — продолжил свой рассказ Лаэртид. — Говорят, что после победы при Фермодонте эллинам достались в качестве добычи несколько женщин побеждённого племени. Произошло это потому, что те воевали наравне с мужчинами и в плен не сдавались. Во время перевозки пленницам удалось захватить корабль, после чего они перебили весь экипаж. Однако воительницы не были знакомы с навигацией и кораблевождением и не умели обращаться с рулём, парусами и вёслами. Судно носило по волнам и наконец прибило к берегам озера Меотида[2], что в землях свободных скифов. Не зная никакого занятия кроме войны, амазонки начали грабить окрестности, из-за чего у них произошла битва со скифами. Когда же степняки увидели, что против них воюют только женщины, то

1 Аттика — область Греции.

2 Меотида — древнее название Азовского моря.

решили заключить мир и послали к ним столько же молодых воинов, сколько, как они предполагали, было амазонок. Убедившись, что пришедшие имеют исключительно мирные намерения, девы сошлись с последними и произвели на свет потомство. Причём всех мальчиков они вернули отцам, а девочек стали воспитывать как настоящих воинов. Таким образом в диких северных степях появилось племя, состоящее из женщин-воинов, которые раз в год сходятся с мужчинами для деторождения. Скифы не смогли, да и не хотели учить язык амазонок, в то время как девы усвоили говор мужей и отцов. Возможно, что племя савроматов, которое живет ещё севернее и говорит на ломаном скифском языке, произошло от этих браков[1], — увидев, что Афина слушает, затаив дыхание, царь Итаки перешёл на заговорщицкий шёпот: — Может, ты тоже дщерь царицы воинственных амазонок и дикого скифа?

— Побойтесь бога, мастер.

— Вот его то я, как раз, и не боюсь, — парировал богохульник.

— Лучше ответьте. Правда ли, что всем девочкам-амазонкам в детстве прижигают правую грудь, чтобы она не росла? — не унималась Афина, и Одиссей, видя искренний интерес своей помощницы, продолжил рассказ:

— Одни говорят правую грудь, другие — левую. Я думаю, всё-таки — правую, чтобы свободно, не хуже мужчин, пользоваться правой рукой при всяком военном занятии и, прежде всего, при метании копья. Взгляни на хитон Пенфесилеи. Он прикрывает именно правую грудь царицы, в то время как левая — обнажена.

---

[1] Рассказ Геродота об амазонках.

— Какая чепуха! — безапелляционно заявила Афина. — Для того чтобы драться не хуже мужчин, грудь не помеха.

Одиссей не успел возразить своей спутнице, так как в пространство между столами вдруг вбежали танцоры и шуты. Пиршественная зала в один миг наполнилась музыкой и пением. Началось настоящее светопреставление. Четыре прыгуна, соглашая свои кульбиты со *звонкострунной* лирой, проворно скакали по залу, то и дело перепрыгивая пылающий очаг. У подножия колонн стояли факиры, извергающие из себя пламя. Невольницы с востока, изгибаясь как тростник на ветру, исполняли восхитительный танец живота…

Когда гости немного насладились зрелищем, в центр мегарона вышел сам правитель Трои и воздел десницу в знак внимания. Скоморохи исчезли, словно по мановению волшебной палочки. В огромном помещении в миг воцарилась тишина. Приам подошёл к установленному возле очага жертвеннику. Двое слуг подвели к нему *широколобую ярма не знавшую однолетнюю телицу*. Рога животного были инкрустированы золотом и окованы серебром. С двух сторон к отцу подошли сыновья. Слева — обладающий пророческим даром Елен, он держал поднос с ячменём. По правую руку встал старший сын властителя Трои благородный Гектор. В руках у ратоборца был ритуальный топор из тёмно-зелёного нефрита. Омывши руки в обложенном речными лилиями золотом рукомойнике и осыпав телицу ячменём, Приам срезал клок шерсти с головы жертвы и бросил его в огонь. Затем он сложил на груди руки и стал читать молитву во славу божественным Делоским близнецам[1]. В тот

[1] Делоские близнецы — Аполлон и Артемида.

же миг острое жало секиры одним ударом повергло в прах несчастное животное. По залу пронеслись испуганные женские возгласы, которые тут же заглушил звук сотен отодвигаемых скамей. Гости поднялись и, отливая на каменный пол вино из кубков, всё сильнее и сильнее стали подхватывать песню, которую запели певцы и актёры. Под сводами древней резиденции правителей Илиона широкой волной разлился священный пеан — гимн в честь богов покровителей города. Тем временем царь Приам, являющийся одновременно главным жрецом Трои, отобрав лучшие куски вмиг разделанной слугами туши, дважды обмотал телячьи бедра жиром и возложил всё это на жертвенник. Затем, окропив алтарь искромётным вином, он поджёг мясо. Ароматный дым священной жертвы через специальное отверстие в своде перекрытий заструился вверх к чертогам олимпийцев.

Кушанья начали обносить, по обычаю, справа. Впереди шли несколько рабов с серебряными рукомойниками на золоченых подносах. За ними нарядно одетые троянские девушки и отроки разносили хлеб и разливали из кратеров отдающее лёгкой миндальной горечью светлое лемносское вино. Затем невольники под строгим присмотром ключницы в изобилии стали подавать на столы всяческую снедь. Здесь было всё, чем славилась троянская земля: приправленные острыми соусами мясо и рыба различных сортов, плоды земные и древесные в сыром и отварном виде, икра и сыр, моллюски и маринованные в винном уксусе ракообразные. Это изобилие произвело впечатление на аскетично живущего правителя Итаки. Афина же, привыкшая к шумной и пышной помпезности египетского двора, напротив, чувствовала себя как рыба в воде.

— Мастер, почему вы кушаете только мясо? — спросила она Одиссея, отвлекшись от сладкозвучного пения слепого музыканта. — Попробуйте морепродукты, вот эти ракушки просто прелесть, особенно если их обмакнуть в горчичный соус. Пальчики оближешь!

— Как ты можешь есть эту мерзость? — поморщился Лаэртид, не спеша отрывая и запихивая в рот кусок жирной бычатины, предварительно густо пересыпав его ячневой мукой.

— Но морская пища гораздо полезней, да к тому же вкусней любого мяса. Ну же!.. Смелее, мастер.

— Самая лучшая рыба это мясо, — философски заметил Одиссей. — Я ем рыбу, только когда отсутствует достойная мужей пища, — продолжил он и пресытившимся взглядом обвел заваленный костями поднос.

Пир был в разгаре, когда Одиссей заметил, что Паламед вдруг подошёл к царскому трону, поклонился Приаму и положил у ног царицы богато украшенную драгоценными камнями диадему на мягкой пурпурной подушечке. Затем хитрец присел возле ног правителя и стал с ним оживлённо беседовать.

— А наш Паламед не промах. Оказывается, он прекрасно знает Приама. — Одиссей слегка подтолкнул Афину локтем. — Полцарства отдал бы, чтоб услышать, о чём они там воркуют. Клянусь богами, они говорят не только о торговле вином и о налоговых пошлинах.

— Он говорит что-то о Парисе и Елене: «Не стоит доверять Агамемнону и Одиссею. Похищение Елены подстроено ахейцами, им нужен лишь повод к войне». — Афина чуть привстала, так как в этот момент акробат, делавший стойку на голове, заслонил от неё говорящих.

— Вот тебе и доверенное лицо Агамемнона! — Одиссей даже присвистнул от удивления. — Я давно подозревал, что этот милетский плут не чист на руку, но такой измены не предполагал... Да, Афина, это я пошутил... ну, насчёт полцарства. А ты что же, слышишь на таком расстоянии? — Лаэртид с удивлением посмотрел на девушку, пытаясь понять, как ей это удаётся.

— Конечно же нет, мастер, но я немного умею читать по губам. Нас обучали этому искусству при храме богини Анат.

Происходящее на сцене театральное действо мешало одиссеевой помощнице наблюдать за беседующими, тем не менее она продолжила:

— Вот сейчас Приам говорит, что согласен предоставить милетским купцам привилегии в торговле с Понтом в обмен на... — Афина запнулась на полуслове, потому что внезапно центр зала окутал густой дым.

Из ароматного облака вышла обнажённая красавица. Тело девушки было покрыто золотистой краской, в руках у неё блестели серебряный лук и колчан со стрелами. Рядом с танцовщицей, изображающей божественную Артемиду, величественно шествовала молодая лань. Рога и копыта грациозного животного были покрыты золотой инкрустацией. Мнимая богиня затрубила в рог, и на импровизированную сцену выбежал целый сонм юных красавиц, еле прикрытых одеждами. Изображая лесных нимф, они закружили хоровод вокруг повелительницы. Представление было великолепным, однако оно лишило наших героев всякой возможности узнать продолжение беседы троянского правителя с царским посланником. Более того, когда дым рассеялся, они увидели, что Паламеда больше нет подле трона.

— Афина! Сейчас же найди Эвмея, — зашипел Одиссей на ухо клевретке. — Пусть мальчишка немедленно разыщет Паламеда и не спускает с него глаз. Не нравится мне его внезапное исчезновение.

— Хорошо, мастер, но вы не налегайте так сильно на лемносское вино. Вам же завтра сражаться с самим Гектором.

— Ничего, ничего, хорошее вино, да к тому же одиннадцатилетней выдержки ещё никогда не мешало воину. Я немного добавлю для храбрости и пойду спать. — Лаэртид насмешливо подмигнул красавице и добавил: — Но если мальчишка узнает что-то важное, немедленно разбудите меня.

— И всё-таки поменьше пейте, мастер. Видели, как мастерски Гектор уложил жертвенную корову.

— Одиссей не корова… — герой с вызовом посмотрел на девушку. Судя по всему вино уже начало оказывать своё благотворное действо.

— Я вовсе не имела в виду ваш пол, *многоумный правитель Итаки*… — Афина отвесила лицемерный поклон и быстро скользнула за тяжёлую портьеру с изображением Аполлона и Посейдона, возводящих стены Трои.

Сделала она это, надо заметить, как нельзя вовремя. Потому что Одиссей уже протянул руку, стараясь ухватить обидчицу за ризу, однако бестии уже и след простыл. Тем не менее жест Лаэртида не остался без внимания, правда, воспринят он был совсем в ином смысле. Пред ним, как из-под земли, вырос отрок с кратером.

— Подлить Вам ещё вина, господин?

— Да, да, очень кстати… — герой, не долго думая, подставил свой литровый кубок под ароматную струю и тут же одним махом осушил его. — Надеюсь, ты не сомневаешься в моей силе? — выплеснул он раздра-

жение на мальчишку, повторно подставляя серебряную посуду.

— Ну что вы? Как можно? — Виночерпий быстро наполнил *двудонный кубок* и ретировался подальше от захмелевшего гостя.

Взяв драгоценную чашу в правую руку и перекинув край хламиды через плечо, царь Итаки поднялся и слегка качающейся походкой направился к выходу.

— Однако как пьянит это чёртово лемносское вино, — пробормотал он себе под нос, — голова светлая, а ноги не ходят. — Одиссей вышел на крыльцо и посмотрел вверх. Небосвод был усеян звёздами. — Интересно, что завтра для меня важней? Голова или ноги?! Ноги или голова…

Философские рассуждения нашего героя были прерваны самым неожиданным образом. Прямо на него через пустой двор бежал какой-то человек. На незнакомце, не смотря на жару, был морской шерстяной хитон. Однако не это поразило Одиссея, а то, как бежал моряк: будто пьяный, то и дело останавливаясь и спотыкаясь. Через пару мгновений он поравнялся с Лаэртидом и буквально свалился ему на руки. В спине у несчастного, чуть ниже левой лопатки, торчала рукоять финикийского кинжала. Одиссей опустил незнакомца на мраморную скамью. В этот момент на крыльце появился Гектор в сопровождении двух дюжих гвардейцев. В ожидании разъяснений троянцы с подозрением воззрились на героя, одежда и руки которого были перепачканы кровью. В этот момент раненый открыл глаза и прохрипел: — «Перед.. те господину, что царевич у кри… …атов». Последние слова несчастный произнёс неразборчиво. Он хотел сказать что-то ещё, но пошедшая горлом кровь помешала ему сделать это. Издав нечленораздельный предсмертный хрип, он испустил дух. Стражники

схватили Одиссея за локти. Гектор сжал его плечи и затряс с неистовой силой.

— Что ты с ним сделал? Презренный убийца! Как посмел ты напасть на царского гонца? — Глаза наследника троянского престола горели огнём, не предвещая ничего доброго.

— Ты б..дешь очень уд..влён, бл..гор..ный Гектор, но я не имею ник..кого отношения к смерти этого во..на, — жутко заикаясь, но совершенно невозмутимо промямлил Лаэртид. Он начал понимать, что влип. Осознав это до конца, царь Итаки моментально протрезвел и продолжил уже без запинки: — А за оскорбление тебе придётся ответить завтра на поединке.

— Не сомневайся, Одиссей, Гектор сможет постоять за честь своей семьи и наказать нечестивца. Однако ночь перед поединком тебе придется провести в темнице… Боюсь, сбежишь, — сказал троянский царевич и, обращаясь уже к дворцовой страже, добавил сквозь зубы: — Увести его.

Гвардейцы крепче скрутили локти Одиссея. Ещё двое повисли у него на плечах и вовремя, потому что, судя по налившимся кровью глазам Лаэртида, он не собирался ждать сатисфакции до утра.

Когда Афина появилась во внутреннем дворе резиденции, Одиссея уже уводила, а точнее, уносила стража. Она только успела крикнуть, что Эвмей узнал нечто интересное, однако, что именно, Одиссей уже не расслышал, остаток ночи ему пришлось провести в троянской темнице.

Все предместья Трои, вплоть до земляного вала, были плотно застроены лачугами городской бедноты. Но перед главными Скейскими воротами крепости оставался пустырь, на котором проводились торги. К полудню эту рыночную площадь, обычно занимае-

мую лавками торговцев, ремесленников и менял, расчистили для проведения праздничных боёв. Четыре вонзённых в землю флагштока с пёстрыми хвостатыми вымпелами ограждали площадку для брани. Главное единоборство, по обыкновению, начиналось ближе к вечеру. До этого на арену, раззадоривая толпу, выходили бойцы, которые бились не насмерть, а лишь до первой крови. Промежутки между боями заполнялись шутовскими поединками. Карлики и скоморохи, ловко орудуя деревянными мечами и тупыми копьями, разыгрывали исторические сцены и мифологические сюжеты.

Одиссей прекрасно выспался в темнице, был бодр и весел. Условия поединка, оговоренные заранее, были следующими: ратники сходятся на колесницах, метают копья, а затем продолжают биться на мечах. Окончанием поединка считается смерть либо тяжёлое ранение одного из участников, причём во втором случае победитель решает судьбу раненого и имеет право добить его тут же на поле брани. Единоборство героев должно было начаться после окончания молодёжного турнира и шутовских боёв. Если же ко времени, как померкнет дневное светило, боги не отдадут предпочтение ни одному из бойцов — поединок прекращается. Колесничим Гектора был верный Эниопей. Одиссей же избрал своей возницей Афину. Он уже имел возможность оценить, как лихо она водит упряжку.

Благородный противник предложил нашему герою выбрать любые доспехи из своей сокровищницы, однако Лаэртид предпочёл старые, но проверенные в сражениях латы, которые ему подарил отец. Колесницу и пару лихих жеребцов Афина сама выбрала в богатых лошадьми конюшнях Приама. Троя славилась своими скакунами. Недаром город называли *конеобильным,* а троянцев *конеборцами*.

Народ стал стекаться к Скейским воротам ещё задолго до полудня. Так что к обеду не только всё южное предместье и примыкающая к нему часть земляного вала, но и крепостная стена были усеяны людьми. Человеческое море дышало как живой организм, выплёвывая придушенных и покалеченных в давке.

Гребень ворот занимали царские трибуны. *Как цикады на ветвях деревьев*, на них восседали седые старцы, мужи совета и знать. В центре расположилось правящее семейство. Меж нарядно одетых рядов деловито сновали торговцы лепёшками, вином и сладостями. Состязания начались с боёв юношей, награду которым учредила верная супруга доблестного Гектора прекрасная Андромаха. Молодые люди сражались за великолепный комплект тяжёлого вооружения, состоящий из копья, меча, медных пластинчатых лат и поножей. Особую ценность этих доспехов составлял покрытый серебром бронзовый шлем, на нащёчниках которого красовалась гемма с изображением сражающихся воинов, и великолепный круглый щит, четыре кожаных слоя которого покрывал пятый, медный. Эгида[1] была искусно украшена замысловатым анатолийским узором и скреплёна серебряной клёпкой, в центре располагался несущий удачу символ в виде свастики.

Состязания молодёжи, ненадолго прерываемые шутовскими боями и выступлениями акробатов, заняли всё послеобеденное время. Высокие голоса глашатаев то и дело объявляли о новом поединке, расписывая достоинства соперников. Когда же солнце начало склоняться к закату и счастливый победитель унёс великолепные доспехи, герольды объявили бой между хитроумным Одиссеем и *блещущим шлемом*

[1] Эгида — щит.

Гектором. Вкруг арены, раздвинув народ, плотной цепью выстроились гвардейцы. Тупыми концами копий они быстро успокоили наиболее ретивых зрителей. Народ затих. В центр ристалища величественно вышел царский глашатай.

— Слушай, народ троянский, волю божественного правителя своего!.. — Его зычный глас гулким эхом пронёсся над притихшей толпой, усиленный расставленными в отдалении повторялами. — Волею светлого басилевса троянского, властителя Троады и близлежащих островов, царя пергамского и дарданского Приама объявляется испытание смертью правителю *каменистой Итаки* благородному Одиссею, сыну Лаэрта, дабы смог он подтвердить тяжкие обвинения в святотатстве и нарушении законов гостеприимства, кои данаи возлагают на царевича Александра.

В полной тишине на арену выехала колесница с нашими героями. Пока церемониймейстер перечислял обвинения против Париса, Афина, проведя упряжку по кругу, остановила коней с западной стороны так, чтобы солнце светило в спину.

— Честь и достоинство своего брата, как и всего лаомедонтова рода, вызвался защитить старший сын и соправитель нашего властелина... могууучий богорраавный Гееекторр... — умело смакуя каждый слог имени троянского кумира, раскатисто прокричал опытный провозвестник.

...И море вышло из берегов. Тысячеголосый рокот прокатился от ристалища к крепостным стенам и, как отражённая от скал волна, вернулся назад. На арену в блестящих позолотой и серебром доспехах на вороной упряжке выехал бог!.. Казалось, сам Аполлон снизошёл с Олимпа, чтобы в облике *блещущего доспехами Гектора* сразиться с супостатом за поруганную честь Илиона. Ликованию народа не было предела.

Напрасно распорядители пытались усмирить неистовый благоговейный гул толпы. Всё было тщетно. Линия гвардейцев буквально изнемогала под натиском впереди стоящих зрителей, на которых, в свою очередь, напирали задние ряды. Колесница героя, сделав круг приветствия, остановилась на противоположной стороне от одиссеевой упряжки. Всё внимание зрителей было приковано к божественному Приамиду… А зря. Беспристрастный наблюдатель немало бы удивился, взглянув на его соперника. Наши герои, казалось, вовсе позабыли о предстоящем поединке. Они оживлённо о чем-то спорили, то и дело рассматривая небо через тщательно отшлифованную, покрытую сажей пластинку горного хрусталя.

— Поединок продлится, пока смерть не настигнет одного из противников либо пока не померкнет всевидящий Гелиос. И пусть боги решат, кто прав, — перекрикивая немного поутихший наконец гомон толпы, закончил свою речь седоволосый глашатай.

Вслед его словам прозвучал протяжный трубный звук. Это был сигнал к началу боя. Колесницы соперников, набирая ход, понеслись по кольцу вдоль рядов гвардейцев. Завершив полный круг, Афина резко повернула разгорячённых коней на встречу противнику. Так же поступил и возница Гектора. Когда между упряжками осталось не более тридцати шагов, вои почти одновременно метнули свои дроты. Пика Лаэртида, не причинив вреда сопернику, скользнула по его щиту и отлетела в сторону. Зато обитое медью жало копья Гектора вонзилось в неудачно подставленную эгиду Одиссея и, прошив её насквозь, крепко завязло в спрессованной пятислойной коже. По рядам зрителей пронёсся одобрительный возглас. Но Лаэртид, не раздумывая, выхватил меч и одним ударом отсёк ясеневое древко торчащей пики.

Тем временем колесничие развернули упряжки и наддали вожжами по покрывшимся лёгкой испариной крупам животных. Восемь пар подкованных бронзой копыт, разрывая под собой землю, вновь понеслись навстречу. На этот раз Одиссей был сдержанней и, ловко увернувшись от смертоносного оружия противника, выполнил бросок с более близкого расстояния. Страшный удар *медноострой* пики, многократно усиленный бегом лошадей, пробил щит троянского царевича в самом центре. Жало копья пробежало насквозь и ударило в латы. Если бы не пряжка, соединяющая плечевые пластины с нагрудником, пика наверняка пронзила бы плечо Гектора. В народе раздался сдавленный стон. Бой на колесницах был окончен.

Недруги разъехались в разные стороны и сошли с повозок. Гектор, откинув в сторону расколотый щит, растирал ушибленное плечо и хмуро смотрел на соперника. По всей видимости, ему нечасто приходилось сталкиваться с достойным противником. Он понял — бой предстоит тяжёлый.

Одиссей не стал возиться с застрявшим в щите наконечником копья, отложил его и под улюлюканье толпы опять стал рассматривать небо через горный хрусталь. Афина, бросив вожжи, что-то горячо ему объясняла, показывая рукой на расположенное ещё довольно высоко светило. Их спор был внезапно прерван рёвом трубы, призывающей бойцов вновь сойтись в смертельном единоборстве.

Перебрасывая из руки в руку тяжёлый меч, Гектор решительно двинулся к центру ристалища. Навстречу ему, прикрывшись щитом и вытащив из ножен свой длинный рапирообразный клинок, раскачиваясь, шёл Одиссей. Сойдясь в центре, противники некоторое время держали дистанцию, как бы оценивая друг

друга. Вдруг троянский витязь ринулся вперёд и, поддерживая себя громким лебединым клёкотом, стал осыпать недруга мощными ударами. Его огромный меч, мелькая в воздухе, словно мельничные крылья, то и дело обрушивался на соперника. Так продолжалось довольно долго. Тем не менее не один из ударов не достиг своей цели, всё время натыкаясь на мастерски подставляемые щит и меч Одиссея. Видя, что атака не приносит ощутимых плодов, троянец сделал шаг назад и тут же за это поплатился. Воспользовавшись перерывом в граде ударов и сделав глубокий выпад, Одиссей нанёс молниеносный колющий удар. На этот раз троянца спас высокий рост. Изогнувшись, клинок Лаэртида упёрся в нижнюю пластину кирасы. Однако Гектор не растерялся и перерубил увязшее в его доспехах лезвие. Бронзовая рапира, не выдержав поперечного удара, раскололась. Оставшись лишь с бесполезным обрубком, Одиссей стал пятиться, принимая на щит неистовые удары недруга. Он лихорадочно искал выход, прекрасно понимая, что долго так не устоять. Решение пришло быстро. Шагнув ещё раз назад, Лаэртид черпанул краем сандалии песок и с силой пнул его в противника. Всего на мгновение Гектор отвернул лицо от летящей пыли, но это и нужно было нашему герою. Хитрый данаец подставил свой щит так, что во время очередного удара кисть соперника аккурат попала на торчащий из эгиды обломок пики. Вскрикнув от боли, Гектор выронил меч. Смертоносное лезвие просвистело над головой вовремя пригнувшегося Одиссея, начисто срубив *коневласный* султан на его шлеме. Оставшись без тяжёлого оружия, единоборцы выхватили ножи и с новой яростью набросились друг на друга. В какой-то миг Лаэртиду удалось ухватить недруга за руку, в которой сверкал кинжал. Однако могучий соперник тут же обхватил

свободной рукой за пояс и так сжал его торс, что у царя Итаки померкло в глазах…

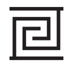
На миг Одиссей потерял равновесие, а когда вновь обрёл способность рационально мыслить, то обнаружил себя уже прижатым к земле. Его рука ещё сдерживала высоко занесённую десницу троянца, в коей блестело смертоносное лезвие… Понимая, что проиграл, Лаэртид в последний раз взглянул на солнце — чёрная тень неумолимо наползала на светило, закрыв уже половину диска. «Всё как она предсказала… О боги! Я не верю в вас, но сегодняшнее светопреставление как нельзя кстати», — застучала кровь в голове героя. Не то дневной свет, не то сознание стремительно меркло. Но вот густая тень Селены наконец полностью накрыла ристалище. Последнее, что услышал Одиссей, перед тем как провалиться в забытьё, был прерывающий поединок трубный глас.

Глава седьмая

ПОБЕГ

На следующее утро Одиссей чувствовал себя как побитая собака. Всё тело саднило и болезненно ныло. На правом предплечье и на голени кровоточили глубокие порезы, хотя ещё вчера Афина заботливо перевязала их специальным холстом, предварительно смазав раны чудодейственным спартанским бальзамом. Кроме того, сильно болела голова, что, по-видимому, было следствием мощного удара, который Гектор нанёс по шлему Лаэртида. И всё же, невзирая на раны, настроение у героя было превосходное. Эвмей внёс в комнату хозяина рукомойник, и Одиссей, отфыркиваясь, стал полоскаться под струёй студёной воды.

Поединок был прекращён, как и предполагала Афина, за два часа до заката. И надо отметить — весьма вовремя. Как позже заявила коллегия жрецов: «Всевидящий глаз Гелиоса померк. День моментально превратился в ночь. Боги взвесили души героев и решили не присуждать победу ни одной из сторон». Для Одиссея этот вердикт был равносилен победе. Теперь расследование могло идти своим чередом. Ничто больше не мешало поиску Елены и Париса, наоборот, Приам, в соответствии со своим заявлением на совете, вынужден был оказывать полное содействие Лаэртиду. Теперь можно было быть уверенным, что ни Троя, ни Микены не предпримут агрессивных действий, пока Одиссей ведёт следствие, в котором, кстати, обнаружилась небольшая зацепка. Наконец у наших героев появилась реальная версия. Стало ясно, что с похищением царицы так или иначе связан Паламед. Он интригует с царём Трои и настраивает его против своих соплеменников, а главное, против

своего суверена Агамемнона. Одновременно он возглавляет партию войны в Микенах, а как ахейский наместник в Милеете теснейшим образом связан с торговой элитой города.

— Итак, настало время суммировать всё, что мы имеем, и проанализировать ситуацию. Эвмей, расскажи подробно о том, что ты видел вчера, — осторожно промакивая куском мягкого холста покрытое синяками и ссадинами тело, спросил Одиссей слугу и с нетерпением добавил: — Да оставь ты в покое этот рукомойник, малыш! Просто поставь его на пол.

От оказанного хозяином доверия мальчишка покраснел словно рак. Он величаво, будто важную улику, поставил таз с водой у ног и степенно начал повествование, стараясь не упустить ни единой детали. Из его рассказа выходило, что вчерашний царский гонец, в нападении на которого чуть было не обвинили Одиссея, на самом деле был убит по приказу Паламеда. Как только Афина передала мальчику повеление хозяина следить за милетцем, Эвмей бросился на розыски последнего и нашел его в саду за воротами цитадели. Паламед ругался о чём-то с высоким здоровяком, одетым в финикийскую одежду. Финикиец оправдывался и кивал в знак согласия. Потом Паламед сунул собеседнику набитый кошель и стал спускаться в город. Вначале Эвмей растерялся: «За кем же из двоих теперь следить?» Но, поразмыслив, решил всё же идти за наместником Милета, как и приказал Одиссей. Решение оказалось верным, так как тот, пройдя всего квартал, вдруг резко повернул обратно. Эвмей, испугавшись, что его обнаружили, забился в какой-то грязный проём. Однако опасения были напрасными, Паламед быстро прошёл мимо, чуть не наступив на мальчика. Оказывается, хитрец лишь сделал вид, что уходит, а сам стал следить за

финикийцем, Эвмей же теперь получил возможность видеть обоих. Дальнейшие события разворачивались стремительно.

Вдруг ко дворцу из порта прискакал всадник. Он был одет в морскую форму. Верховой привязал коня за воротами, а сам направился в резиденцию троянского правителя. Однако не успел он ступить и двух шагов, как спрятавшийся за кустарником финикиец метнул нож. Остальное произошло уже на глазах у Одиссея. Паламед же, удостоверившись, что его приказание выполнено, как ни в чём не бывало направился обратно в пиршественную залу. Проходя через двор цитадели, он видел, как арестовали Лаэртида, чему, естественно, был несказанно рад. Финикиец тут же после убийства гонца кинулся бежать в порт. И вот тут произошло самое неприятное. Когда злодей пробегал мимо укрытия, в котором прятался мальчик, тот неосторожно выглянул, и убийца его заметил. Эвмей, как ему показалось, тоже узнал злоумышленника. По крайней мере, он утверждает, что видел его раньше на базаре в Спарте.

— Ты можешь описать его? — спросил Одиссей.

— Было совсем темно, но я хорошо рассмотрел его ещё тогда в Спарте!.. Высокого роста, худой, волосы тёмные, нос крючком, носит обтягивающие морские штаны из свиной кожи… Да! Как же я забыл?.. Он одноглазый, носит повязку с правой стороны.

— Отлично! Это уже серьёзная примета, — какая-то едва уловимая ассоциация промелькнула в голове сына Лаэрта…

«Таким образом, — стал размышлять он, — вырисовывается следующая картина. Если Паламед и не является организатором всего этого шоу с похищением или бегством спартанской царицы, то тесно связан со злоумышленниками и оказывает им нема-

лые услуги». Одиссей жестом усадил мальчишку и стал нервно расхаживать по комнате.

— Перечислим известные нам факты… Не остаётся сомнений, что именно Паламед подкупил моего слугу. Это раз! Он связан с финикийцами и использует их для различных грязных делишек. Узнав, что гонец направляется к Приаму с важным известием касательно места нахождения Париса и Елены, он заказал его убийство. Это два! Он интригует между Приамом и Агамемноном. Нашёптывает что-то одному и другому, явно пытаясь столкнуть правителей лбами. Это три! — Лаэртид нервно расхаживал из угла в угол, один за другим загибая пальцы правой руки. — А значит!.. — мысль показалась Одиссею настолько важной, что он даже остановился. Впервые, как ему показалось, он отчётливо осознал мотив всей игры. — А значит! Он действует в интересах той самой третьей силы, которая надеется погреть руки на конфликте между Микенами и Илионом. Пока нам неизвестно, кто стоит за Паламедом. Только лишь милетская судовладельческая талассократия и олигархи, связанные с морской торговлей, или он действует по указанию суфетов Угарита и храма богини Анат, так упорно разыскивающих скипетр Миноса. Неважно! Сейчас очевидно одно: война, безусловно, выгодна милетским купцам.

— Из чего мы можем это заключить? — спросила Афина.

— Из чего?! Подумай сама… Если победят ахейцы, в руки торговцев попадает полный контроль над проливами, ведущими в новый малоосвоенный, но очень перспективный регион Понт Эвксинский[1]. Милет пока единственный ахейский город на мало-

[1] Понт Эвксинский — Чёрное море.

азийском побережье, и, без сомнений, всё управление покорёнными землями и проливами перейдёт в руки городской верхушки. Если же победят троянцы, то милетяне как тайные союзники Илиона, а в этом уже нет сомнений, получат привилегии на торговлю с тем же Понтом. Более того, в случае войны именно они в первую очередь получат заказы на транспортировку войск и продовольствия. В принципе их устраивает даже ничейный результат. Являясь вассалами одних и тайными сторонниками других, они могут вести любую двойную игру, выступить посредниками на мирных переговорах и выторговать себе максимальные уступки у ослабленных войной противников. Короче, получается, что война между Троей и союзом греческих полисов во главе с Микенами, с какой стороны не взгляни, на руку, в первую очередь, торговой и политической элите Милета. Я всегда говорил, что милетские талассократы измеряют понятия чести и Родины сиклями серебра, так что не стоит удивляться измене с их стороны.

Одиссей потёр от удовольствия руки, ему показалось, что он вплотную приблизился к разрешению проблемы, по крайней мере, стало понятно, кто и зачем заварил эту кашу. Афина тихо сидела на кровати и следила за ним, стараясь не мешать размышлениям мастера. Эвмей уставился на хозяина как на бога, рукомойник так и остался стоять у его ног.

— Но почему он так нагло и открыто ведёт себя? — задал Одиссей вопрос скорее самому себе, нежели своей команде. — Значит, уверен, что мы его не раскроем или скорее… уверен, что Агамемнон никак не отреагирует на наши разоблачения. Ну, встречался с правителем Трои. Ну, оговаривал с ним вопросы торговых пошлин. Что ж в этом преступного?.. В конце концов, он часто именно за этим прибывает

сюда. Возможно даже, что Агамемнон и на этот раз уполномочил его уладить с Приамом какие-то экономические вопросы… Однако Паламед не знает, что нам известно истинное содержание его беседы с правителем Трои, и это наш главный козырь. Но какая связь между угаритским храмом Анат и милетскими негоциантами? Кто они, союзники или конкуренты? Кстати, как вы думаете, зачем Агесилай отдал мне серьгу? Возможно, хотел навести на ложный след? И вообще, какую роль играет эта серьга в истории с пророчествами и скипетром? Что означает это странное свечение, которое мы с тобой, Афина, видели ночью после шторма? Как, наконец, вся эта мистика связана с похищением Елены?

Одиссей нахмурился. Вопросов опять было гораздо больше, чем ответов. Ощущение близости разгадки, словно мираж, таяло на глазах. Он строго посмотрел на своих клевретов. Мальчишка вжался в табурет. Он очень боялся, что именно сейчас, когда, как ему казалось, хозяин начнёт излагать самое интересное, его опять пошлют выполнять какое-нибудь рутинное поручение.

— Почему они убили посланника? — Афина решила, что ей пора вмешаться в монолог мастера. — Какое важное сообщение тот должен был доставить царю?

— Скорее всего он должен был сообщить, где находится Парис… — Одиссей посмотрел на девушку так, как будто в первый раз её увидел. — Посланник сказал: «Передайте господину, что царевич у кр. . . . . . . атов». Что это может означать?

— Царевич у кривых перекатов, красных закатов, крутых магнатов… — Эвмей и Афина начали наперебой предлагать свои варианты расшифровки последней фразы несчастного. Однако версии выходили одна глупее другой.

— Абракадабра какая-то, — резюмировал Одиссей. — Ну вот… ещё одна загадка. Жаль, что Нестор так и не успел до нашего отплытия расшифровать тайное послание, которое его люди перехватили у пиратов… пи-ра-тов. Ну, конечно, «пиратов»! Какой же я болван…

При этих словах правитель Итаки стукнул себя по лбу и тут же сморщился от боли. Всё же вчерашний удар по шлему давал о себе знать. Афина и Эвмей непонимающе смотрели на Лаэртида. Наконец, заметив недоумение в глазах свиты, он внятно произнёс:

— Гонец сказал: «Передайте господину, что царевич у критских пиратов. Критских пи-ра-тов!!!».

— Значит Парис и Елена на Крите! — Эвмей даже подпрыгнул на табурете.

— Вне всякого сомнения, малыш.

— Но Крит большой, где нам их искать? — сдобрила ложкой дёгтя энтузиазм соратников Афина.

— Надо заставить Паламеда самого открыть нам место нахождения пленников или беглецов, в данном случае это уже неважно.

— Но как?! — в один голос воскликнули Афина и Эвмей.

— Надо показать ему, что его план раскрыт, что нам известно всё о его интригах, более того, что мы знаем местонахождение Париса и Елены Аргивской. Ведь ему невдомёк, что именно успел поведать мне приамов посыльный перед тем, как испустить дух. Кроме того, одноглазый финикиец наверняка уже сообщил ему, что мой слуга следил за ними и возможно видел, как Паламед передал убийце деньги. Кстати, надо быть осторожней, они могут попытаться убрать Эвмея, как нежелательного свидетеля. — При этих словах мальчишка побледнел, но Одиссей поспешил успокоить его: — Пока ты со мной, малыш, можешь

ничего не бояться, им тебя не достать. Но думаю, для пущей безопасности было бы разумно отправить тебя в Микены. Заодно передашь Агамемнону моё письмо, в котором я подробно изложу все художества его представителя. Пусть царь сам решает, как ему поступить со своим клевретом. Однако нам необходимо подстраховаться, поэтому копию послания направим прямо в совет старейшин. А мы с тобой, Афина, пока отправимся на поиски сладкой парочки — Париса и Елены.

— Но куда мы поедем, мастер, у вас есть какой-то план? Ведь искать двух человек на Крите всё равно, что искать иголку в стоге сена.

— Ну почему же в стоге, я думаю, что теперь все следы ведут к пиратам, причём к тем, которые напрямик связаны с финикийцами или даже, точнее, с торговыми кланами Угарита. Ведь ты сама говорила, что Елена — жрица-воин храма Анат. А иголку нам искать не придётся, она сама нас уколет, если мы правильно поворошим этот самый стог. — Одиссей заговорщицки подмигнул собеседнице.

— Но я не понимаю, мастер, как и почему они должны сами себя выдать?

— Очень просто! Я ещё в Спарте заподозрил, что Агесилай, тот самый судовладелец из Милета, который дал мне серьгу, что-то не договаривает. Позже в Микенах, на заседании совета, стало ясно, что партию войны возглавляет Паламед, а Агесилай каким-то образом с ним связан. Поэтому я сразу после отплытия из Аргоса стал пристально наблюдать за Паламедом. Однако до вчерашнего дня я никак не мог взять в толк, какое он имеет отношение к делу и в чём заключается его интерес. Теперь же всё стало более или менее ясно. Как я уже объяснил, именно торгашам из Милета выгодно столкнуть лбами Агамем-

нона и Приама. Натравив царя на Илион и оказав ему помощь в переброске войск в Троаду, они хотят чужими руками таскать каштаны из огня. Последнее десятилетие Милет ведёт активную торговлю с северными районами Понта Эвксинского, на пути этой торговли, как кость в горле, стоит Троя со своими взносами за проход каналов и дарами Аполлону. Агамемнон тоже сдирает с них непосильные пошлины за вывоз микенской продукции. В общем, как я уже говорил, Милет затеял беспроигрышную игру. Если Атриду удастся одолеть троянцев, прекрасно: как союзник он получит выгодные торговые привилегии. Если же Илион сумеет отстоять свои стены, Милет тут же выступит посредником на мирных переговорах и, уж будьте уверены, выторгует для себя привилегии на проход каналов и на торговлю в пределах Троады. Так или иначе, троянцы будут сговорчивей, когда на своей шкуре почувствуют тяготы войны с данаями. Однако милетские талассократы имеют слабое влияние в Микенах, торговля и купцы никогда не были в почёте у Атрида. Другое дело Паламед. Он как отпрыск эвбейского царского рода и как гармост, то есть царский наместник в Милете, имеет большое влияние при микенском дворе. Уж не знаю, как уговорили милетцы своего наместника, но совершенно очевидно — он с ними заодно. Он знал, что уговорить Атрида начать войну будет нетрудно. Ведь Агамемнон просто спит и видит разрушенный Илион.

— Но почему, мастер, вы так уверены, что Паламед тесно связан с пиратами? — спросила Афина.

— Ещё в море, на переходе в Трою, в ту штормовую ночь я заметил световые сигналы с подветренного борта. Утром, как только рассвело, я увидел, что в отдалении от нас движутся ещё два корабля, в них нетрудно было узнать пиратские камары. По всей ви-

димости, ночные сигналы передавались с одной из них. К сожалению, тогда мне не удалось засечь, кто на нашем корабле принимал это послание. Однако я понял, что за движением «Ивлии» всё время наблюдали, более того, как минимум, один из злоумышленников постоянно находился у нас на борту. Теперь же, когда мы стали свидетелями предательства Паламеда, совершенно очевидно, что именно он связан с пиратами и финикийцами.

— Но как вы хотите заставить пиратов выдать себя и открыть нам местонахождение Елены и Париса? — девушка восхищенно смотрела на Одиссея.

— Очень просто, милочка, будем ловить на живца. И наживкой в этой ловле станем мы с тобой.

— Это как?

— Сегодня утром я попросил Паламеда с первым же греческим судном отправить в Микены письмо Агамемнону. В этой записке я изложил свои соображения по поводу кражи Елены и Париса и туманно намекнул, что мне известны похитители, и я уверен, что они пытаются использовать царя в своих интересах. Как далеко бы не шли амбиции Атрида и как горячо он не хотел бы войны с Троей, он никогда не позволит использовать себя вслепую. Паламед прекрасно это понимает, а значит, прочитав письмо, в чём тоже можно не сомневаться, не станет его отправлять. Таким образом, у него остаётся один выход — нейтрализовать нас, то есть начать торговаться, — для этого ему необходимо будет доставить нас к своим хозяевам.

— Но он может просто нас убить.

— Это вряд ли, он не пойдёт на такую крайнюю меру сразу. Вначале он попытается меня уговорить или подкупить. Я неплохо знаю эту породу людей. Исчезновение сразу двух человек может навлечь на

него ненужные подозрения. В конечном счете он ведь ничего не теряет и может попробовать обойтись без убийства. Ведь он уверен, что мы и так в его руках. Кроме того, теперь он знает, что находится у меня под подозрением, а значит, я начеку и меня не так просто убить. Нет, я абсолютно уверен, сначала он будет торговаться.

— Что же будет с нами, когда мы попадем в лапы этих беспринципных негодяев? Они ведь нас всё равно не отпустят.

— Для этого-то я и решил сегодня же тайно отправить Эвмея в Микены с подлинным отчётом царю и совету с указаниями, где нас искать, если гостеприимство Паламеда будет чрезмерно горячим. — Одиссей повернулся к слуге. — Эвмей, ты узнал то, что я тебе поручил?

— Да, мастер, я утром был в порту, как раз сегодня вечером большой караван судов с зерном отправляется в Аргос.

— Прекрасно… — Лаэртид задумчиво посмотрел на Афину, как бы пытаясь разрешить какую-то проблему.

— Даже не думайте, мастер, я остаюсь с вами, чего бы это ни стоило, — уловила его мысль амазонка, в её глазах блеснули решительные огоньки. — Кроме того, если вместе с Эвмеем исчезну еще и я, Паламед сразу заподозрит неладное. Кстати, как мы объясним ему внезапное исчезновение вашего слуги?

— Распространим слух, что он заболел проказой, и я отправил его в приют для несчастных, который содержит царица Гекуба.

— Неплохая идея! Но, что если Паламед проверит?

— О, в этом можно не сомневаться, но главное, чтобы он не узнал о пропаже Эвмея сегодня. Завтра уже будет поздно, корабли уйдут слишком далеко.

Если же нам удастся сохранить отплытие мальчишки в тайне хотя бы ещё пару дней, уверен — злодеи будут ещё сговорчивей. А сделаем мы это вот как… — Одиссей поманил своих клевретов поближе и перешёл на шёпот: — Ты, Афина, останешься здесь и будешь изображать, что все мы на месте, отдыхаем и зализываем раны. А мы с Эвмеем в это время переоденемся нищими, выскользнем через кухню из дворца и спустимся в порт. Там я посажу мальчишку на корабль и дело в шляпе.

— Но вы же ранены, хозяин? — удивился Эвмей.

— Пусть это тебя не тревожит, раны пустяковые. Так я даже больше сойду за попрошайку, которому вчера намылили шею, — усмехнулся Одиссей. — Проблема в другом. Где взять достойные моей царской персоны лохмотья?

— А вот это предоставьте мне. Искусству маскировки и перевоплощения я научена, как никто другой, — сказала девушка и юркнула за дверь.

— Учись, мой храбрый помощник. Чего только не умеет эта бестия, а ведь она старше тебя всего на пять лет. — Лаэртид похлопал слугу по плечу и, вытянув ноги, откинулся на кровати.

— Я буду стараться, хозяин.

— Давай, давай, стаа…райся, — Одиссей сладко зевнул и уже сквозь сон добавил: — Я посплю немного, когда всё будет готово, разбуди меня, мой мальчик.

В это время Афина прошла на задний двор резиденции троянских царей и за пару монет выменяла у нищих превосходные лохмотья. Попрошайки были несказанно удивлены, однако с радостью распрощались со своим тряпьём. Девушка незаметно вернулась обратно и, вооружившись швейным инструментом, принялась за работу. Предстояло, во-первых, немного

расширить нищенский балахон, чтобы скрыть под рубищем бицепсы и широкие плечи господина. Во-вторых, необходимо было пришить внутри скрытый карман для кинжала и денег, чтобы заплатить корабельщикам. Работа ещё не была окончена, когда Одиссей проснулся:

— Ну, как успехи? — царь Итаки потянулся и расправил свои богатырские плечи.

— По..чти зак..нчила, — пробормотала девушка, перекусывая коралловыми зубками грубую шерстяную нить. — Вот, примерьте пока хитон, хламиду закончу с минуты на минуту.

Когда одежда была готова, мастерица принялась за внешний вид новоявленных дервишей. С Эвмеем было проще — его простоватое крестьянское лицо не требовало особой маскировки. Немного перепачкав мальчишку сажей и нарисовав ему под левым глазом синяк, Афина принялась за Лаэртида. Здесь грим пришлось накладывать тщательнее, так как аристократическое лицо басилевса никак не хотело превращаться в физиономию бродяги. Как ни старалась Афина, из-под грязных нахмуренных бровей нищего неумолимо светился гордый и твёрдый царский взгляд. Пришлось наложить искусственный шрам на левое верхнее веко и сморщить кожу специальным клейким раствором. Повозившись ещё немного с ногами наших героев и приклеив пожелтевшие, кое-где с мнимой гнильцой, накладные ногти из слюды, Афина отошла в сторону.

— Ну, вот теперь вроде всё в порядке… — Девушка чуть-чуть склонила голову набок, придирчиво разглядывая свою работу, и удовлетворённо цокнула языком. — Можно хоть сейчас отправляться на паперть. Гарантирую, без обеда не останетесь.

Свора бродячих собак, привыкшая столоваться на заднем дворе троянского акрополя, была поднята вожаком по тревоге. Громким лаем псы гнали со своей территории двух наглых попрошаек. Ещё бы! Мало того, что приходится делиться с местными нищими, так вот те на — появилось ещё двое. Нет, с виду они были такими же, как и остальные дервиши приамова града: то же грязное рубище на плечах, те же убогие котомки для подаяний, еле висящие на грязных засаленных верёвках, но чуткий собачий нос сразу уловил враждебный запах чужаков.

Отбиваясь посохом от двух особо назойливых собак, сирые торопливо спускались через заброшенный парк к городским воротам. Кто-то из сердобольных слуг Приама, поверив в маскарад, дал мнимым оборванцам кусок чёрствого хлеба. Отказываться было нельзя, но именно из-за этой краюхи и привязались к ним чёртовы псы. Когда наши герои наконец выбрались из парка на кривые улочки нижнего города, оголтелых животных сменила ватага не менее «сердобольных» мальчишек. Они побросали свои игры и стали, улюлюкая и лениво бросая камни, сопровождать нищих. «Да, нелегка ты доля дервиша в священном приамовом граде!»

Но вот процессия подошла к Скейским воротам, бродяга, тот, что был постарше, огляделся, шикнул на пацанов и уверенно направился к старой таверне. Наспех сложенные из сырцового кирпича боковые стены питейного заведения упирались прямо в кладку крепостной стены, всем своим покосившимся видом стараясь доказать, что крепость неминуемо рухнет, если их, упаси бог, убрать. Далеко вокруг распространялся зловонный смрад испражнений. Судя по всему, посетители, не утруждая себя, справляли нужду прямо за углом заведения. Перед входом тол-

пилась подозрительного вида публика. Тут же на крыльце валялись два пьяных, перепачканных блевотиной матроса. Тем не менее Лаэртид решил заглянуть внутрь в надежде найти моряков с уходящих греческих судов. Несмотря на столь убогий внешний вид изнутри бадега выглядела вполне пристойно. За длинными дубовыми столами сидел разношёрстный люд, в основном, промышляющий морем. Здесь были и рыбаки, и торговцы, и пропивающие своё жалование матросы с купеческих кораблей. Много было и таких, которые искали работу. Притон, судя по всему, играл роль своеобразной биржи труда. Бесцеремонно втолкнув зазевавшегося Эвмея внутрь, Одиссей присел прямо на пол неподалеку от входа и стал внимательно изучать обстановку.

В правом углу сидела шумная изрядно подвыпившая компания. Веселье было в разгаре. Время от времени оттуда доносились раскаты хохота и плоские скабрезные остроты. Лаэртид чуть привстал, пытаясь рассмотреть, чем вызвано столь безудержное веселье. Оказывается, за столом резались в кости, а хохот окружившей игроков захмелевшей толпы был вызван тем, что игра шла в одни ворота. Высокий финикиец, одетый в обтягивающие морские штаны, всухую обыгрывал молодого греческого купчишку. Левый глаз моряка светился лукавым азартом, а правый… был перетянут плетённой кожаной повязкой. Эвмей вцепился в руку хозяина:

— Это он, мастер, это он!..

— Тише, тише, малыш, я понял. Не бойся, ему не узнать нас в этих балахонах. Да отпусти же руку! Ты нас выдашь.

Игроки в очередной раз бросили камни. Торговец никак не мог взять в толк, почему у здоровяка всё время выпадало на два-три очка больше, и без-

успешно пытался отыграться. Купчишка был небедный, однако, как заметил Лаэртид, и его кошель и часть одежды уже перекочевали к сопернику. В том, что одноглазый и есть давешний финикиец, а окружившая его бандитского вида компания — критские пираты, сомнений не оставалось, слишком хорошо царь Итаки знал этот низкий гортанный выговор, свойственный коренным жителям острова, которые после завоевания ахейцами Крита все как один подались в джентльмены удачи. Однако что-то ещё показалось ему мучительно знакомым в этом горбоносом семитском профиле. «Где-то я его видел?!» — Одиссей хотел уже было отойти в сторону, чтобы порасспросить снующего с переполненным бронзовым подносом трактирщика. Как вдруг до его уха сквозь очередной взрыв хохота донёсся обрывок разговора:

— Всё, голодранец, у тебя больше нет товара, отправляйся в свой Аргос с голой задницей. — Циклоп оскалился и продолжил: — А ну, ребята, айда разгружать его посудину.

— Позвольте мне ещё раз отыграться. Я могу сыграть в долг? — корабельщик с надеждой посмотрел на скалящихся флибустьеров.

— Нет, в долг не играем, — нагло отрезал одноглазый.

— Тогда я ставлю на кон своё судно!

В таверне стало так тихо, что Эвмей отчётливо услышал назойливое жужжание мух.

— Ну, ты даёшь, паря… смотри у меня, такими вещами не шутят. Я тебя за язык не тянул, — в предвкушении процедил финикиец и гаркнул: — Эй, трактирщик! Тащи глину и стило. Да поскорей… Будешь писать расписку, — продолжил он зловещим голо-

сом, при этом мерзко прыская слюной прямо в лицо торгашу.

Приподнявшись с дубовой скамьи, бандит схватил несчастного за грудки и буквально вытащил из-за стола. По крайней мере, Эвмей увидел, как торговец беспомощно засучил повисшими в воздухе ногами. В возникшей тишине явственно прозвучал треск разорванной материи одетого на молодом человеке дорогого хитона, который тот, по-видимому, ещё не успел проиграть.

Услышав, что купец из Аргоса, а значит вполне подходит для выполнения задуманного плана, Лаэртид решил вмешаться и, кивнув мальчишке, пересел за соседний столик. Играли в критский крепс. По правилам игры кости выбрасывались соперниками по очереди, причём комбинация, дающая число семь или одиннадцать, считалась выигрышной, а двойка, тройка или двенадцать — проигрышем. Если выпадала другая цифра, игрок повторял бросок, пока не выпадала нужная сумма, правда, при повторном броске семёрка тоже считалась проигрышем. Через пару мгновений совершенно бледный молодой купец рвал на себе волосы, а одноглазый под улюлюканье братвы махал над головою закладной на судно.

Одиссей поднялся и, подойдя к проигравшему, шепнул тому что-то на ухо. Греческий торговец подозрительно осмотрел нищенский наряд, неведомо откуда ниспосланного мессии, но, видимо решив, что терять больше нечего, заявил:

— А-а!.. Чему быть, того не миновать. Я хочу ещё раз отыграться.

Разбойники обернулись и посмотрели на грека, как на полоумного, а одноглазый, тщательно выговаривая каждое слово, произнёс:

— Для идиотов повторяю. Я в долг не играю.

— Я ставлю пять мин серебра[1] за этого парня и играть буду тоже за него. — Одиссей протиснулся сквозь толпу поближе к столу.

— Это ещё что за явление? — финикиец окинул нищего презрительным взглядом и усмехнулся.

Однако Лаэртид, не заставив окружающих долго ждать, кинул на стол туго набитый кошель. Толпа уважительно притихла, поставленная на кон сумма почти в два раза превышала годовое жалование матроса.

— Неплохо подают на Илионских папертях, — попытался ёрничать циклоп. — Ну что ж, вольному воля. Богато жить не запретишь.

Он уселся, бросил кости в глиняный стакан и, сильно раскрутив, мастерски плеснул камни на стол. Одиссей проделал ту же процедуру. У него выпало ровно на единицу меньше.

— Твой ход первый, — как ни в чём не бывало сказал наш герой.

Это был, пожалуй, единственный раз, когда Лаэртид уступил сопернику. Всё остальное время, сколько бы не выкидывал разбойник, у царя Итаки выпадало либо семерка, либо одиннадцать. Таким образом, ещё до вечерней стражи всё, что было проиграно купцом лежало перед ним. Отыграв напоследок корабль, Лаэртид спросил своего визави, обведя взглядом всю толпу бандитов и зевак:

— Ну что, будешь ещё отыгрываться?

— Нет! — рявкнул, как отрезал, финикиец. Он тяжело поднялся из-за стола и, сверля Одиссея единственным глазом, процедил сквозь зубы: — Надеюсь это не последняя наша встреча, бродяга. Как бишь тебя величают?..

---

1 Чуть больше 2 кг.

— Ну что ж, всегда рад выиграть пару монет у достойного соперника, — не обращая внимания на злобный взгляд, как ни в чём не бывало ответил псевдонищий. — А зовут меня — Никто. *Мне такое имя дали мать и отец, и товарищи все так меня величают.* А посему, коль спросят тебя, кому в крепс проиграл ты богатства, смело ответствуй: «Никто, лишь один он меня обыграть смог».

— *Знай же, любезный Никто,* на беду тебе станет сегодняшний куш. — С этими словами циклоп и его присные удалились.

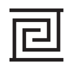
«Где же я его всё-таки видел?..» — мучительно продолжал вспоминать Одиссей.

Глава восьмая

ПЛЕН

Словно оседлав пенные гребни, «Ивлия» шла на Юг под полными парусами, всё дальше и дальше унося наших героев от негостеприимных стен великой Трои. В унисон струнному перебору втугую выбранного такелажа[1] аккомпанировал унылый свист набитых порывистым бризом шкаторин. В подспорье основному ветрилу корабельщики развернули артемон. Этот небольшой прямоугольный парус ставился на уложенной в нос и образующей своеобразный бушприт дополнительной мачте. Он забирал низовой идущий, вдоль бортов ветровой поток.

Удобно расположившись на палубе кормы, Одиссей и Афина оживлённо спорили. Они пытались разгадать дальнейшие действия своего противника. Сделать это было нелегко, так как сразу по отплытии Паламед закрылся в каюте, уже сутки не казал оттуда носа и не проявлял никакой активности. Кормчий, казавшийся таким приветливым по пути в Илион, теперь был угрюм и молчалив. Он сосредоточенно правил судном, лишь изредка отдавая короткие команды экипажу. Вот и сейчас, внимательно посмотрев на небо, он велел матросам ещё прибавить парусов. Во исполнение приказа два обезьяноподобных киликийца взвились на верхушку мачты и споро развернули дополнительные перекрывающие треугольное пространство от рея до топа мачты, полотнища.

Крутобокий корпус «Ивлии» идеально подходил для плавания при попутных ветрах. И хотя свежий ветер разогнал довольно-таки крутую волну, корабль

---

[1] Такелаж — судовые снасти для крепления мачт и управления парусами.

почти не качало. Удобно умостившись на нескольких гребнях, он твёрдо держал заданный курс. Лениво обгоняя судно, волны, одна за другой, мягко подкатывали с кормы так, что, когда передняя уходила за форштевень, свою спину услужливо подставлял новый пенящийся вал.

— А что это мы так торопимся? — Одиссей пристально посмотрел на рулевого. Сейчас его более всего волновал вопрос, причастны ли корабельщики к козням Паламеда или они ничего не знают.

— Хочу, басилевс, на добром ходе проскочить во.. она те проливы. — Кормчий указал прямо по курсу, туда, где уныло тянущиеся с обоих бортов берега, постепенно сужаясь, сливались в сплошную линию. — Хочь за талант не стал бы туды соваться, да царский посланник строго настрого наказал держать этот курс и находиться подле азиатских берегов. Ума не приложу, пошто это нужно.

«Да, пожалуй, Паламед не поставил его в известность о своих истинных намерениях. Что же он всё-таки затевает?..» — мысленно вопросил себя Одиссей, а вслух произнёс:

— Может он рассчитывает на более благоприятный ветер у берега.

— Оно конечно, в узкости сквозит пошибче, чё зря балакать. Токмо опасно всё это. Лучшего сюрпризу для прибрежных-то разбойничков и не промыслишь. Я б взял мористее, всё ж оно безопасней. Однак Паламеду виднее. Наказал править восточнее, знать, так оно и надо.

— А что за корабли преследуют нас? — Афина посмотрела вдаль за корму.

— О тож и я говорю, не по нраву мне это, — угрюмо сквозь зубы процедил корабельщик. — Прям с рассвету на хвост подсели, однак дистанцию покуд держат.

— Я думаю, мы очень скоро получим ответы на все вопросы. — Одиссей показал рукой прямо по курсу.

Там, на фоне обрывистых берегов, вдруг стали явственно проступать силуэты ещё нескольких судов, выходящих из пролива навстречу «Ивлии». Причём по парусному вооружению и форме корпуса они как две капли воды были похожи на те, что наседали сзади. Не оставалось сомнений, это были камары — узкие длинные лодки, пользующиеся особой популярностью у прибрежных пиратов. В открытом море таким кораблям «Ивлию», конечно, было не догнать, но в узком проливе любой, даже самый быстроходный корабль рисковал стать добычей этих юрких сигароподобных судёнышек. Они, словно стая голодных пираний, окружали жертву, а затем, пользуясь численным перевесом, брали обречённых на абордаж.

— Ну вот, доигрались, туды их в качель, — оглядываясь по сторонам, словно загнанный зверь, пробормотал корабельщик и резко потянул на себя румпель.

Послушное рулю судно, немного кренясь, стало медленно забирать на ветер. Парусина заполоскала, так что рулевому пришлось вновь немного увалиться. Он раздражённо крикнул на киликийском, чтобы матросы не зевали и подобрали подветренный шкот[1]. Однако ответом было лишь беспомощное хлопанье парусов. Тем временем кольцо камар неумолимо сжималось.

— Окажи милость, басилевс, встань за кормило! — Кормщик в отчаянии оглянулся на Одиссея. — А я схожу поглазею, куды запропали энти лентяи.

— Не стоит… — скрестив на груди руки, невозмутимо ответил ему царь Итаки. — Лучше скажи мне,

---

[1] Шкот — снасть управляющая парусом.

кормщик, можешь ли ты определить, чьи это корабли?

— Так то ж дело нехитрое. Судя по раскраске, а паче того, по развесистым рогам, что украшают носы — это критяне.

— Ага! Потомки славного Миноса. Вас-то мне и нужно...

Кормщик удивлённо посмотрел на Лаэртида.

— Я принесу доспехи, мастер! — бросилась Афина к ведущему в капитанию трапу.

— Думаю, уже поздно, — мрачно молвил Лаэртид, кивнув в сторону бака.

И действительно, в проёме носового люка мелькнул коневласный султан, а ещё через мгновение на палубу поднялся сам Паламед, облачённый в тяжёлые доспехи эпибата. В руках предателя сверкнул обнаженный меч, а за его спиной выстроились закованные в броню и вооруженные до зубов матросы из числа киликийцев. Злоумышленников было семеро. Они вели себя нагло и уверенно, явно рассчитывая на подмогу со стороны подходящих всё ближе и ближе пиратских судов. Паламед отдал короткий приказ, и ещё два киликийца, подбежав к мачте, перерубили держащие рей фалы. Рангоутное дерево, на котором кожаными ремнями крепилось полотнище паруса, с грохотом низверглось на палубу, вдребезги разбив такелажные площадки. Захват корабля был предрешён.

— Прошу никого не двигаться и сложить оружие, — громко объявил предатель. — А ты, кормщик, если хочешь остаться в живых, просто выполняй свою работу.

— Сейчас посмотрим, кому придётся разоружаться, — заявила Афина, вытягивая из-за пояса египетские метательные ножи.

— Без глупостей! — Паламед взмахнул рукой, и на носовой площадке для работы с парусами появился стрелок. Было отчётливо видно как тетива огромного, в рост человека, критского лука вдавилась в могучие перси воя *чуть правее сосца*.

— Убери ножи, — спокойно сказал Лаэртид и, сняв с пояса меч, бросил его к ногам. Афина со злостью вонзила оба стилета в палубу. Совоокие глазища амазонки сверлили супостата почище взгляда Горгоны.

Надо признать, что захват корабля был продуман злодеями до мелочей, а время для нападения выбрано самое что ни на есть удачное. Гребная команда безмятежно спала после бессонной ночи, а все матросы были на стороне нападавших. Для пущей надёжности Паламед перекрыл выход из трюма и поставил на люк двух тяжеловооружённых гоплитов.

— Как прикажешь тебя понимать, любезный Паламед? Боюсь, что царь Агамемнон не одобрит твоих действий, — невозмутимо спросил Одиссей.

— В трюм их! — приказал своим клевретам злодей, не удостоив правителя Итаки даже взглядом.

В этот момент к борту «Ивлии» лихо подошли две пиратские лодки. Одной из камар управлял давешний одноглазый партнёр Одиссея по игре в кости, а с борта другой пленникам приветливо махал рукой спартанский судовладелец Агесилай. «Что ж, картина проясняется — действующие лица выходят на поклон», — подумал Одиссей и стал покорно спускаться вниз по трапу.

Таким образом наши герои оказались в трюме собственного корабля, связанные по рукам и ногам. В подпалубном пространстве было темно и сыро, тошнотворно пахло прокисшим вином и затхлой морской водой. Когда глаза немного попривыкли к темноте, Афина осмотрелась. Они были здесь не

одни. Ещё как минимум три десятка гребцов, отказавшихся перейти на сторону бандитов, связанные, вповалку лежали на днищевом настиле. Некоторые из пленников были ранены, из темноты доносились их приглушенные стоны. Судя по всему, при захвате трюма гребная команда, состоящая, в основном, из ахейцев, оказала отчаянное сопротивление.

Афина перекатилась на спину и, изогнувшись, будто кошка, попыталась продеть связанные ноги между рук так, чтобы стягивающий запястья узел оказался спереди. С третьей попытки ей удался этот трюк, и она впилась зубами в верёвки. Прошло уже немало времени, а амазонка всё ещё возилась с хитрым киликийским узлом. Лаэртид бесстрастно наблюдал за её стараниями. Вдруг качать стало заметно сильнее. «Ага, похоже, что мы вошли в пролив, — подумал он, — а значит, всё-таки идём на Крит...» И действительно, усиление волнения было вызвано появлением стоячих волн, часто образующихся на входе в узкие места, при столкновении течения и ветра.

— Я полагаю, не сегодня-завтра мы узнаем, кто стоит за похищением Елены. База пиратов должна быть где-то рядом. Вряд ли они решатся буксировать микенский государственный корабль слишком далеко, — по-прежнему не обращая внимания на змеиные извороты своей помощницы, пустился в рассуждения *многохитростный* царь Итаки. — Приятно всё же сознавать, что не весь экипаж перешёл на сторону злодеев.

— Мафтер, дафайте я фас расфяжу, — выплевывая изо рта ошмётки каната, прошепелявила Афина, наконец полностью освободившись от пут.

— Нет, нет, ты только немного ослабь узлы, чтобы можно было в любой момент освободиться. Надо сохранять видимость того, что мы связаны.

— Но они в любой момент могут нас убить!

— Ещё раз повторяю, Афина. Если бы Паламед хотел от нас избавиться, он сделал бы это сразу после выхода из Трои. А раз он этого до сих пор не сделал, значит, мы ему пока нужны живыми. Возможно, он надеется переманить нас на свою сторону или хочет поторговаться, — продолжал вслух размышлять Одиссей. — Однако ему невдомёк, что Эвмей уже в Микенах или на подходе к ним. Это наш козырь, своеобразная гарантия.

— А если случится что-либо непредвиденное и мальчишка не сможет передать послание? — Афина повернулась к Одиссею, растирая затёкшие руки.

— Это уже не зависит от нас. Но мы можем использовать эту информацию для шантажа Паламеда. Если я всё правильно рассчитал, нас привезут в то самое место, где находятся Елена и Парис. Главное узнать, кто они — жертвы похищения или режиссеры этой комедии. Когда мы это выясним, считай, что наша миссия окончена. Вот тогда можно будет и о себе побеспокоиться.

— Как бы не было поздно, мастер!.. — Немного ослабив верёвки на руках и ногах Лаэртида, Афина, тихо ступая, растворилась в темноте трюма, чтобы проделать то же самое с путами других узников и помочь раненым.

Размеренное покачивание судна, равно как и восстановившийся кровоток в членах, благотворно повлияли на ход мыслей героя. Безумные идеи мщения, одна кровавей другой, постепенно уступили место холодному и трезвому расчёту. Незаметно, как-то сами собой обозначились углы нерешённых проблем. А таких в наличии имелось три…

Во-первых, неясно, кто стоит во главе заговора. В том, что Паламед не самостоятельная фигура, Лаэр-

тид больше не сомневался: «Иначе почему он до сих пор не вступил со мной в переговоры? Значит, везёт к своим хозяевам!» На эту роль могут, конечно, претендовать и финикийцы, но скорее всего это милетская торговая элита. Во главе талассократов, теперь это ясно, стоит Агесилай. Микенский наместник тесно с ним связан. Возможно, Агесилай и является основным игроком.

Во-вторых, неясной остаётся роль в этом деле Елены и Париса. Хотя последний скорее всего лишь жертва собственной женофилии. И, наконец, третье. Как всё это связано с храмом Анат, воином-жрицей которого является спартанская царица?

Прикрыв глаза и сделав несколько глубоких вдохов, чтобы сосредоточиться, Одиссей стал перечислять в уме факты, открывшиеся в свете последних событий: «Итак… Критские пираты, наёмные финикийские убийцы и киликийские матросы, — всё это лишь исполнители, руководимые Паламедом и Агесилаем. Они же наверняка осуществили похищение Елены Аргивской с её ведома либо без такового. Прячут новоявленную Европу и Париса, надо понимать, на Крите, на одной из пиратских баз. Кстати, это весьма символично, ведь финикийскую принцессу Зевс тоже увёз на Крит…

Таким образом, существуют три самостоятельные силы: милетские купцы, критские пираты и угаритский храм богини Анат, которую мы, греки, называем Афродитой Порне. Остаётся неясным, как связаны они между собой? Допустим, что милетцы используют пиратов и финикийцев, считая себя во главе заговора, направленного на развязывание войны между Микенами и Троей. Но, похоже, им невдомёк, что похитили они не просто спартанскую царицу, а жрицу-воина храма Анат. А значит… Храм ведёт не-

зависимую игру, о которой милетцы даже не догадываются. И целью этой игры, если прав Нестор, является легендарный скипетр Миноса. В то же время и Угарит, и Милет не брезгуют услугами пиратов…

Вроде складно получается… но всё-таки что-то здесь не так. Как смогли сговориться непримиримые враги — торговцы и пираты? Деньги?! Возможно… Но и Паламед, и Агесилай не могут не понимать, насколько ненадёжны договоры с джентльменами удачи. Нет. Разбойниками движет что-то ещё, кроме жажды наживы. Но что? Тоже ищут скипетр?! Почему бы нет?.. Номинальная стоимость жезла весьма велика. Но почему Агесилай отдал мне серьгу?.. Этого я не понимаю… Ну, допустим, хотел отвести подозрения от себя и Паламеда и направить меня на ложный финикийский след. Возможно? Вполне возможно. Ведь он не знает, что финикийцы ведут самостоятельную игру…»

Слева послышался шорох и приглушённое дыхание.

— Это я, мастер. — В темноте трюма едва угадывались прелестные черты лица. — Пираты закрыли здесь тридцать два человека, в основном, это гребцы. Они спрашивают, что делать, ведь им-то точно пощады не будет.

— А где солдаты? Если я не ошибаюсь, на корабле было восемь тяжеловооружённых эпибатов.

— Так ведь перезали их всех, сердешных… — Рядом с девушкой проявился силуэт кормщика, которого пираты, больше не нуждаясь в его услугах, тоже связали и сбросили в трюм. — Супостаты ворвались внезапно, покуда солдаты дрыхли. Гоплитов-то сразу порешили, а гребцов спрашать стали, хто с ними, а хто супротив. Потом отказавших, а таких, слава те, оказалось большинство, повязали та и заперли тута.

— Выходит, что на стороне Паламеда все матросы и немного гребцов… Если ветер скиснет, ему будет даже некого посадить на вёсла! — обрадовано резюмировала Афина.

— Это для них не проблема. В крайнем случае, посадят на вёсла матросов или пересадят пару десятков головорезов с пиратских кораблей. — Одиссей привстал, опёрся на локоть и продолжил: — План действий будет такой. Вам, кормчий, надо во что бы то ни стало освободиться. Пираты вас не пожалеют. В лучшем случае продадут в рабство. Мы с Афиной вас поддержим, однако бежать не станем. Уверен, пока наши головы в безопасности… Однако выступать ещё рано. Силы слишком неравные. Пираты нас просто вырежут, как стадо свиней. Надобно выждать более удобный момент…

В темноте и духоте прошла ночь. Все тяжелораненные, их было трое, скончались, остальные пленники жестоко страдали от нехватки воды и свежего воздуха. Наконец, судя по проникшему в щель неплотно прилегающей крышки люка лучу света, страшная ночь закончилась. Вскоре на палубе послышался топот десятка ног. Судно на какое-то мгновение сильно накренилось, а затем вновь выровнялось. После этого манёвра длившаяся всю ночь качка внезапно прекратилась.

— Вошли в какую-то бухту. Ишь, как забегали. Убирают вспомогательные паруса, — Одиссей как опытный моряк безошибочно угадывал по доносящимся с палубы звукам, что происходит наверху. — Я думаю, скоро будем на месте. Аиду отдам душу, лишь бы узнать, куда они нас притащили.

Наверху вновь забегали, а ещё через некоторое время справа по борту послышался громкий всплеск.

— Так, бросили якорь. Посмотрим, что будет дальше…

Никаких изменений, однако, больше не последовало. Пираты явно что-то выжидали. В трюм никто из них не спускался. Лишь в обед злодеи заставили пленных подать наверх трупы умерших и всё-таки спустили вниз ведро с водой. В томительной неопределённости прошёл весь день. Заключённые по-прежнему сидели в полной темноте. На палубе было тихо, лишь на баке кто-то лениво койлал концы[1]. Судя по всему, пираты выгрузились на берег, оставив на корабле лишь охрану.

— Мастер, они оставили на борту лишь стражу. — Афина вновь подползла к Одиссею.

Здесь, в трюме, в полный рост можно было подняться только в центральном проходе, который тянулся вдоль киля через всё судно. В остальном же пространстве приходилось передвигаться на четвереньках.

— Ты в этом уверена? — спросил Лаэртид.

— Абсолютно. Я сама видела. На борту всего четыре человека. Один сидит в капитании, два на баке, причём один из них стоит прямо на крышке люка, которая ведёт сюда, в трюм, и ещё один спит на гребной палубе.

— Как ты сумела всё это разглядеть?!

— Я не просто разглядела, а уже была на палубе…

— ?!

— Там, в конце трюма, есть вентиляционные отверстия. Они очень малы, и пираты убеждены, что в них никто из гребцов не пролезет… но я же не мужчина.

---

[1] Койлать концы — укладывать корабельные снасти кольцами в бухты.

— Каков твой план? — спросил Одиссей.

— Перед рассветом после смены караула я вылезу и сниму часового, который стоит на люке, ведущем в трюм. Будьте покойны, мастер, никто ничего не услышит, меня этому хорошо научили… Когда захватим корабль, ребята могут уходить, а мы, раз вы так решили, останемся.

— Ну что ж, план неплохой, тем более что другого у нас нет. Но корабль ребятам лучше захватить пиратский, а наш оставить. Здесь, среди скал, на камаре будет удобней скрыться, да и гребцов, чтобы угнать «Ивлию», у нас уже не хватит. Передай всем: пусть отсыпаются, а мы с тобой будем дежурить по очереди.

Пираты всю ночь праздновали победу. С берега доносились пьяные выкрики и ароматный дым жаренных козьих желудков. Уверенные в своей безнаказанности и в крепости запоров, даже несущие караул разбойники позволили себе пропустить пару фляг с вином. К утру триумфаторы так налакались, что узникам не составило особого труда захватить корабль. Всё произошло именно так, как и планировала Афина. Выбравшись через вентиляционное отверстие на палубу и завладев своими египетскими стилетами, она двумя молниеносными бросками обезвредила подвыпивших стражей, а когда из люка капитании на звук упавших тел высунулась голова старшего, хладнокровная валькирия вмиг перерезала горло и ему. Четвёртый охранник был настолько пьян, что даже не проснулся. Его просто связали и сбросили в трюм, из которого уже выбирались остатки команды «Ивлии».

— Мы сейчас можем перебить всех пиратов на берегу! — заявила разгорячённая боем воительница. — Они мертвецки пьяны.

— Нет, разбойников слишком много. Судя по количеству костров, их не менее двух сотен. — Одиссей оглядел столпившихся вокруг него гребцов, многие еле держались на ногах. — Наши люди слабы и практически безоружны. Лучше не рисковать. Пошлём несколько надёжных людей захватить одну пиратскую камару, и пусть поскорей уходят в море.

— Кто со мной? — вызвалась первой бесстрашная амазонка.

Афина и четыре дюжих гребца беззвучно спустились по якорному канату в воду и поплыли к берегу. Там, в лунном свете, словно тюленьи туши тускло поблескивали смоляные борта вытащенных на сушу пиратских лодок. Наудачу — одна из них стояла наготове, даже вёсла были на нагелях и подвязаны к банкам. Камара была схожа с большой чёрной птицей, будто только что присевшей на брег и ещё не сложившей свои вёсла-крылья.

Оставшимся на «Ивлии» было плохо видно, что происходит на берегу. Однако вскоре якорный канат, спущенный с кормы пирата, натянулся, и лёгкая лодка вначале медленно, а затем всё быстрее и быстрее заскользила по воде. Судя по всему, операция прошла успешно. Афина подала условный знак, и оставшиеся моряки стали спускаться в воду, чтобы вплавь переправиться на пиратский корабль и присоединиться к своим. Последним уходил кормщик. На какой-то миг он задержался подле Лаэртида.

— Так мож, басилевс, эта…, всё-таки с нами? — неуверенно спросил корабельщик.

— Нет. Мне нужно расквитаться с Паламедом и узнать, где находятся Елена и Парис, — сказал, как отрезал, царь Итаки. — А ты, кормчий, как можно скорее должен привести сюда царский флот. Имей в виду, что пираты наверняка сменят место стоянки. Однако

я думаю, что далеко им не уйти, их база должна быть где-то рядом.

— Ну тоды удачи тебе, богоравный Одиссей! А про нас не горюй, и трёх раз Гелиос свой путь прокрутить не поспеет, как я приведу сюды царский флот. Атрид им враз, шельмецам, ноздри-то повыдерет. Зело лютый он на расправу... — герои крепко обнялись, и кормчий скользнул по якорному концу за борт.

В это время со стороны уже развернувшейся носом к выходу из залива пиратской камары раздался еле различимый всплеск, а вскоре Одиссей увидел, как, стремительно рассекая воду, в сторону «Ивлии» плывёт Афина. «Всё же решилась остаться со мной, бестия», — не без удовлетворения подумал он.

Когда девушка вылезала на палубу «Ивлии», Лаэртид невольно залюбовался ею. Словно точёная, на вид очень хрупкая фигурка; черные, вороньего крыла волосы; сбегающие по обнаженным плечам и груди капли холодной морской воды; отливающее лунным серебром, мокрое лицо и руки, покрытые лёгким гусиным ознобом. Одиссей тряхнул главой, отгоняя наваждение, но это лишь усилило искушение... Перед ним стояла, не иначе, сама Киприда. Нимфа, прикрытая лишь набедренной повязкой. Горячая удушающая волна прокатилась по телу.

— Накинь что-нибудь на плечи, а то совсем продрогла. Неровен час, простынешь, — отвернулся от демоницы верный супруг Пенелопы. — Завтра нам предстоит весёлый денёк. Надо быть в форме. Когда пираты увидят резню, которую мы тут учинили, да к тому же обнаружат пропажу пленников и своего корабля, нам не поздоровится.

— Ничего, как-нибудь выкрутимся... — девушка весело подмигнула Лаэртиду и спустилась в капита-

нию. Через миг она вновь появилась на палубе, зябко кутаясь в тонковыделанное овечье руно.

Одиссей смотрел в сторону выхода из пиратской гавани. Абрис уносящей беглецов камары плавно таял в предрассветном тумане. Герои бросили на палубу ещё несколько овечьих шкур и умостились подле форштевня там, где, сходясь воедино, два крутых фальшборта образуют на корабле уютный, защищённый от утреннего бриза уголок. Светало.

— С мрачного ложа ночи поднималась румяная Эос,
Нежно перстами она виноцветную гладила бездну… —

Продекламировал Лаэртид отрывок из древней поэмы. Однако Афина уже не смогла оценить его лирический настрой. Уткнувшись прелестным носиком в плечо мастера, она мгновенно уснула. Отец Телемаха тяжело вздохнул и отвернулся лицом к борту. «Олимпийская внешность, железные нервы, бесстрашное сердце. Кому достанется этот прелестный цветок?..» — думал он, тоже утопая в объятиях крылатого Морфея…

И снилась герою его далёкая Родина: твёрдокаменная Итака, лесистый Зам и Кефалония. Вот он по склону горы идёт к своему дому. Навстречу ему вышла верная супруга, на руках у неё кудрявый карапуз. Он вырывается из рук матери и бежит к отцу. «Одиссей! Одиссей!» — кричит жена. Он хочет ей ответить, но прекрасная Пенелопа не слышит его…

— Одиссей! Одиссей! — сквозь тающий образ скалистой Итаки он начинает понимать, что кто-то сильно трясёт его за плечо. — Да проснитесь же, мастер!

Короткий сон моментально улетучился. Перед ним Афина. Она пристально смотрит на берег через

якорный клюз. Одиссей тоже выглянул в отверстие и увидел: как, борясь с лёгким прибоем, на утлой лодке в направлении «Ивлии» плывут четыре вооружённых до зубов корсара. На носу стоит тот самый финикиец, что так неудачно играл с Лаэртидом в кости. Одиссей пристально всмотрелся в лицо одноглазого. И… моментально вспомнил!.. Как горбоносая, тогда ещё двуглазая, физиономия мелькнула меж ступеней трапа, как юный Лаэртид ударил стилетом в лицо. Словно раненый зверь, дико взвыл тогда финикиец, *лопнуло яблоко, выбрызнул глаз, облился он горячею кровью*… «Так вот где я тебя видел раньше, грязный ублюдок!!!»

— Выслали смену, — прошептала девушка, с удивлением наблюдая перемену в лице мастера.

— Сейчас мы им устроим Титаномахию[1]… Афина, я видел там, на площадке, лежит давешний лук критской работы и колчан со стрелами. Тащи всё сюда. Придется доказать потомкам Миноса, что я лучший стрелок не только на Итаке.

Девушка вмиг принесла оружие, прихватив заодно и большой круглый щит.

— А эгида зачем? — удивился Лаэртид.

— Посмотрите внимательней на берег, мастер.

Одиссей ещё раз глянул в клюз. С десяток головорезов стояло на берегу с луками наизготовку.

— Ага, значит, уже сообразили, что к чему. Тем хуже для них.

— Стреляйте, мастер, я прикрою! — Сняв с тугой дуги украшенный причудливым минойским узором футляр налучья, Афина протянула оружие стрелку.

[1] Титаномахия — битва олимпийских богов с титанами.

Затем, сорвав клапан кожаного колчана, она высыпала огромные стрелы прямо на палубу к ногам.

— «*Новую цель я, в какую никто не стрелял до сего дня, выбрал теперь; и в неё угодить Аполлон мне поможет…*», — стал подбадривать себя стихами из древних поэм Одиссей.

Странный литературный настрой овладел героем при виде своего давнего обидчика. Это, однако, не мешало Лаэртиду внимательно следить за приближающимися бандитами. Вдруг он резко во весь рост поднялся и, грудью поддавшись вперёд, выстрелил. Пронзив зрячий глаз финикийца, *смертоносное острие вышло в затылок*. Злодей свалился в лодку, беспомощно *забрыкав ногами. Горячим ключом из ноздрей засвистала чёрная кровь,* ею умылся обидчик сестёр Лаэртида. «Квиты с тобой мы теперь, малолетних детей похититель; сразу один за сестёр ты мне глаз положил, а сейчас мы сполна рассчитались…».

Афина, одно за другим, подавала Одиссею новые убийственные жала. Сын Лаэрта разил, не давая промаха, беззвучно, словно молитву, повторяя древние стихи. Стоящие на берегу даже не успели сообразить, что происходит, как четверо в лодке *друг подле друга валяясь*, на дне издыхали.

Опомнившись, головорезы разом выпустили в ответ рой смертоносных стрел. Нос «Ивлии» ощетинился пернатой смертью. Осознав, что борт, за которым прячется неведомый стрелок, им не пробить, второй залп лучники выпустили вверх, по баллистической траектории. Вот тут-то и пригодилась нашим героям принесенная Афиной эгида. Девушка накрыла щитом себя и Одиссея. *Яркооперённые* жала густо усеяли палубу вокруг героев. Несколько бронзовых лезвий вонзилось и в щит.

— Словно медные перья стимфалийских птиц[1]!.. А ещё говорят, что Геракл их всех перебил. Вот и верь после этого в сказки.

— Хоть сейчас не святотатствуйте, мастер, — взмолилась одиссеева помощница. Её несколько удивляло шутливое настроение опьянённого кровью и боем Лаэртида. Столь безжалостным она его ещё никогда не видела.

Противники, выстрелив одновременно, надеялись нанести максимальный урон нашим героям. Однако именно это и стало ошибкой, стоящей разбойникам ещё трёх жизней. Пока они тянули из колчанов новые стрелы, пернатые молнии Одиссея разили без промаха. После нескольких залпов, поняв, что засевших на корабле запросто не возьмешь, супостат, потеряв дюжину убитыми, предпочёл ретироваться за ограду укрепленного лагеря. Вскоре оттуда появился Агесилай и стал криком вызывать Одиссея на переговоры.

— Мастер, вы же сами говорили, что нам нужно узнать, где находится Елена, — повернулась Афина к Одиссею. — Или будем сражаться дальше?

— Сейчас главное потянуть время, чтобы беглецы смогли уйти подальше. Пираты не знают, сколько нас, а сдаться мы всегда успеем, может, ещё выторгуем себе почётные условия капитуляции, — с этими словами Лаэртид встал во весь рост и крикнул: — Чего ты хочешь презренный предатель?

— Если вы не прекратите это бессмысленное сопротивление, мы сожжем вас вместе с кораблём… — прокричал в ответ судовладелец.

— А не жалко упускать такой куш, ведь «Ивлия» стоит не менее четырёх талантов.

---

[1] Стимфалийские птицы — мифические чудовища, убивающие острыми, как стрелы, медными перьями.

— Вы не оставляете нам выбора.

— Нам нужно посовещаться. Продолжим переговоры к началу дневной стражи. — Одиссей наклонился к Афине и сказал уже тише: — Они ещё не заметили пропажи одной из камар и думают, что все пленники на борту «Ивлии». Потянем время. — Лаэртид вновь повернулся к бандитам и, сложив руки рупором, крикнул: — И пусть никто не вздумает выходить на берег. Я убью любого, кто высунет башку за изгородь… Афина, сколько у нас осталось стрел? — спросил он, обернувшись к девушке.

— Всего четыре, мастер, но я попробую пару штук выдернуть из палубы и загляну в капитанию, может, там что-нибудь есть.

— Будь осторожна, не высовывайся зря, критяне — лучшие в мире стрелки. А я пока понаблюдаю за ними.

Прошло немало времени. Бандиты соблюдали перемирие, не желая больше терять людей. Они были абсолютно уверены, что у противника нет иного выхода, как сдаться, потому что вёсла и парус «Ивлии» лежали на берегу. Тем временем Афина перерыла весь корабль, но кроме нескольких стрел больше ничего не нашла. Как видно, бандиты заблаговременно вынесли на берег всё оружие. Подойдя к Одиссею, она вывалила на палубу ещё с десяток стрел, которые ей удалось выдернуть из борта.

— Это весь наш арсенал, мастер.

— Негусто, негусто, долго не продержимся, придётся сдаваться.

Вдруг в лагере пиратов поднялся какой-то переполох. Несколько бандитов, пригнувшись, побежали в сторону вытащенных на берег лодок. Агесилай высунулся из-за изгороди и, прикрывшись щитом, закричал:

— Нечестная игра, Одиссей! Ты меня обманул. Твои люди ещё ночью угнали камару.

— Извини, но меня не учили говорить врагу правду. Кроме того, ты ведь не спрашивал меня об этом… — с хохотом ответствовал хитроумный царь Итаки.

Поняв, что перемирие окончено, он вновь открыл смертельную охоту надёжно прикрытый щитом, который держала перед ним верная помощница.

— На штурм, бездельники, их там всего двое: зарвавшийся царёк и девчонка, — пинками и криками стал подгонять своих наёмных вояк судовладелец.

Однако первые бросившиеся к лодкам пираты уже корчились в судорогах, пронзённые *ужасными одиссеевыми стрелами*.

— Ну, вот и последняя, — протянула Лаэртиду стрелу Афина.

— А последней мы угостим нашего друга, — процедил сквозь зубы герой и, натянув бычью жилу до отказа, выпустил *звонкую убийцу* прямо в Агесилая. Мгновение спустя тот с ужасом рассматривал древко своего копья, насквозь прошитое смертоносным жалом. — О боги! Ну, почему вы так несправедливы?.. Зачем храните вы от смерти даже этаких подлецов?! — взмолился Лаэртид.

Он встал во весь рост и, выбросив оружие за борт, скрестил руки над головой. Пираты стали осторожно приближаться, опасаясь, как бы это не было очередной хитростью злокозненного басилевса. Подойдя на двух лодках к борту и держа наших героев под постоянным прицелом, они потребовали, чтобы Одиссей и Афина спустились в одну из них. Пока та двигалась к берегу, бандиты крепко связали нашим героям руки, а когда высадились на пляж, один из злоумышленников накрепко спеленал и ноги пленников. Более того, не удовлетворившись этим и будучи наученным

горьким опытом, который стоил злодеям двух дюжин бойцов, Агесилай приказал своим клевретам привязать пленников спинами друг к другу. Выполнив это задание, пират, который был приставлен к Одиссею и его спутнице, при помощи трёх товарищей усадил их на широкую повозку, запряжённую парой круторогих критских быков.

— Твоё счастье, Одиссей, что меня просили доставить вас живыми, — злобно процедил сквозь зубы Агесилай. — Была б моя воля, я бы казнил вас без промедления.

Он восседал на импровизированном троне посредине разбойничьего лагеря и нагло ухмылялся. На судовладельце был надет всё тот же дорогой панцирь с изображением медузы Горгоны, который Лаэртид видел на нём ещё в Спарте. Доспех полностью закрывал шею и правую руку предателя, кисть была одета в состоящую из тонких металлических колец кольчужную перчатку.

— Не спеши радоваться, возможно, у меня найдутся аргументы, которые позволят нам ещё не раз увидеть восход пурпурной Эос. — Одиссей гордо тряхнул кудрявой головой, волосы цвета гиацинта разлетелись по могучим плечам.

— Что ты имеешь в виду, богоравный пленник? — ухмыльнулся злодей, делая ударение на последнем слове. — Если ты надеешься, что та жалкая горстка рабов, которые удрали от нас, может привести сюда помощь — то это зря. Даже если мои люди и не смогут их догнать, вряд ли они найдут дорогу обратно. Да и мы очень скоро уберёмся отсюда. Так что помощи тебе ждать неоткуда, хитроумный царь Итаки. Боюсь, твоей верной Пенелопе придётся искать нового мужа… — добавил он и скабрезно осклабился.

— Видимо, Паламед не всё тебе рассказал, любезный милетский негоциант. — Одиссей пропустил мимо ушей отпущенные в адрес своей жены фривольности, правильно полагая, что сейчас Хронос на его стороне. — Я ещё из *высокостенной Трои* отправил сообщение Агамемнону о кознях твоего хозяина, так что царский флот будет здесь очень скоро.

— Паламед мне не хозяин! — лицо судовладельца перекосило от злости. — А если ты думаешь, хитроумный ванак, что мои люди не раскусили тебя и не узнали под лохмотьями нищего царственный облик басилевса, то глубоко ошибаешься. Я предоставлю тебе возможность умереть последним, чтобы ты успел насладиться зрелищем, как я буду вытягивать кишки из этого щенка, — сказав это, злодей щёлкнул пальцами, и под улюлюканье пиратов на поляну вывели «О, ужас!» связанного Эвмея.

Одиссей побледнел, увидев своего слугу, — такого поворота событий он никак не ожидал. Несчастного юношу было трудно узнать, как видно, его сильно избили. Всё лицо мальчишки опухло, а под глазами расплылись тёмно-лиловые кровоподтёки. Руки несчастного были туго стянуты за спиной, одежда свисала лохмотьями, а на правом предплечье кровоточила свежая, ещё не запекшаяся рана. Эвмей старался не смотреть на хозяина, тупо уставившись себе под ноги.

— Грузите эту падаль на повозку, сворачивайте лагерь, мы выступаем через час, — заорал судовладелец на пиратов, весьма довольный произведённым на Одиссея эффектом.

Надо заметить, что корсары тут же беспрекословно бросились исполнять приказание Агесилая и вообще вели себя, как покорные ягнята при виде овчарки.

«Странно, — подумал Лаэртид, — никогда не видел, чтобы купец был у пиратов в таком авторитете, ведь для них торгаши — самый презренный люд. Что-то тут не клеится…»

Вскоре бандиты свернули лагерь. Пленникам завязали глаза, и телега затряслась в гору по выбитой в скальной породе колее. Мерный перестук огромных, в рост человека, колёс успокоил Одиссея, его мысли приобрели определенную стройность, и вскоре он вновь смог думать логически и трезво оценить создавшееся положение. «Может быть, всё не так уж плохо?.. Раз Агесилай, несмотря на то, что мы перебили две дюжины его людей, ещё нас не казнил, значит, мы ему зачем-то нужны. Он сказал, что нас просили доставить живыми. Просил кто? Паламед?.. Нет, он сказал, что милетский гармост ему не хозяин. Елена?.. Ну, допустим, за меня они хотят получить выкуп. Хотя вряд ли. Я слишком много знаю… Это хорошо, что они завязали нам глаза. Значит, Агесилай не исключает такого развития событий, при котором его пленники могут быть освобождены, и хочет подстраховаться на случай, если нас придётся отпустить. Или это обычная предосторожность?..»

Повозка двигалась круто в гору, то и дело останавливаясь. Афина повертела головой и, уловив сквозь повязку на глазах слабый солнечный свет, поняла, что арба катится на Запад. Она старалась запомнить дорогу. «Неужели логово морских разбойников находится в горах? Нет, этого не может быть», — Одиссей повернул голову и прошептал:

— Афина, нас, кажется, везут на Запад, постарайся запомнить дорогу. Считай повороты, запоминай звуки, ну и так далее.

— Я так и делаю, — ответила одиссеева помощница.

Внезапно телега выровнялась, а через некоторое время покатилась под гору. «Ага! Похоже, мы перевалили через какой-то хребет», — Лаэртид терялся в догадках, пытаясь определить, куда направляются бандиты. Загадка немного прояснилась, когда кортеж остановился. Одиссей вдруг почувствовал принесённый ветром запах прелых водорослей. Повязки с глаз пленников не сняли, однако ноги им развязали и погнали куда-то вверх по тропинке. Судя по голосам, сопровождающие находились только сзади и спереди, значит, дорожка была слишком узкой, чтобы идти рядом.

— Всё-таки нас опять привезли к побережью, — еле слышно прошептал Одиссей. — Я чувствую явственный запах водорослей.

— А я, кроме того, слышу шум прибоя, — откликнулась Афина.

Когда пленникам развязали глаза, они оказались посредине обширного и весьма высокого грота. Свод пещеры терялся где-то вверху, в темноте, а стены едва освещались тусклыми отблесками находящегося в центре зала очага. Через некоторое время глаза Одиссея привыкли к темноте, и он смог разглядеть, что перед ними на небольшом возвышении сидит Агесилай. Однако самое неожиданное было то, что рядом с ним как ни в чём не бывало, приветливо беседуя друг с другом, сидели Парис и Елена?!

— А мы вас уже второй месяц ищем. Прямо с ног сбились, — язвительно обратился к сладкой парочке Лаэртид. — И троянцы, и ахейцы буквально перевернули вверх дном всё Средиземноморье, а голубки, оказывается, поехали на Крит в гости к дяде Агесилаю.

Одиссей взглянул на Афину. Его помощница стояла совершенно бледная, явно не разделяя ироничное настроение мастера. Она не сводила глаз с Елены.

— Твоя ирония, хитроумный ванак, возможно, была бы к месту, если бы пленником был я. — Агесилай стал медленно прохаживаться взад и вперёд. — Однако сейчас нам не до шуток, и я хочу спросить тебя прямо. Как нам поступить с вами? Паламед перед отъездом в Микены настоятельно рекомендовал прикончить тебя, а красотку твою продать в гарем куда-нибудь подальше, ну, скажем, в Элам. Уверен, за неё неплохо заплатят.

— Отпусти ты нас ради всего святого, добрый человек… — ухмыльнулся царь Итаки.

Агесилай остановился и пристально посмотрел на пленников, на мгновение могло показаться, что в глазах злодея промелькнула жалость.

— Видят боги, я не желаю вам зла, но вы слишком много знаете. А что, если я вас отпущу, вы обещаете молчать?

— Буду нем как рыба, — язвительно пообещал Одиссей.

Он прекрасно сознавал, что пираты их так просто не отпустят. Поэтому, не понимая, куда клонит злодей, пытался затянуть время.

— А вот влюблённых всё же придётся вернуть родителям, — добавил он, указав на Елену и Париса. — Очень уж они беспокоятся.

Троянский принц резко поднялся и подошёл вплотную к Лаэртиду. Он был воистину прекрасен, как Аполлон. Густые чёрные как смоль вьющиеся локоны свободно ниспадали на широкие плечи. В тусклом свете очага лицо Приамида пылало нездоровым румянцем. Тонкий, с небольшой горбинкой нос и точёный, словно алебастровый, подбородок придавали его аристократическому, ещё не ведавшему лезвия, лицу надменное и величественное выражение.

Одет молодой царевич был богато, скорее, даже роскошно. Свободная складчатая риза из тончайшей египетской ткани цвета слоновой кости свободно ниспадала с плеч, слегка подчёркивая стройную и в то же время мускулистую фигуру. Поверх тоги был щегольски накинут парчовый плащ военного образца прекрасной финикийской работы. Холеные руки красавца украшали драгоценные перстни. Новоявленный Нарцисс бесцеремонно оглядел Лаэртида с ног до головы, не преминув бросить сальный взгляд в сторону его спутницы, и проблеял приторным голоском:

— Ты только взгляни, моя прелесть, этот плюгавый царёк дрался на поединке против моего *башенноподобного* старшего братца, — нахал презрительно хихикнул и повернулся к жертвам спиной.

Елена ничего не ответила. Всё внимание спартанской царицы было приковано к Афине. Надо заметить, что Одиссей был действительно ниже дарданца почти на голову. «Будь у меня развязаны руки, я бы преподнёс тебе урок хороших манер, — еле сдерживая себя, подумал Одиссей, — однако Парис несильно-то жалует своего старшего брата. Кстати, откуда такая осведомлённость. Ах, ну да, Паламед уже успел доложить». Вслух же герой как ни в чём не бывало промолвил:

— Тебе бы не мешало быть повежливей, царевич. Твои холеные руки, поди, привыкли лишь девок щупать, а не меч держать. Такому с*оглядатаю дев,* как ты, полезно меру знать, когда говоришь с воином. А то, не ровен час, я обижусь и надеру тебе уши.

Слова Одиссея произвели весьма неожиданный эффект. Троянец резко повернулся к пленнику и, задышав ему прямо в лицо, прошипел:

— Посмотрим, где будет твоё знаменитое красноречие и многоумие, когда ты смерть увидишь, — красивое лицо Париса вмиг сделалось хищным и злым, сразу утратив всю свою привлекательность.

— Боюсь, Афина, что среди этой компании жертв и обманутых влюблённых нет, лишь одни расчетливые злодеи, — призвал в свидетели свою спутницу Одиссей.

Он спокойно смотрел в глаза Приамиду, тем не менее от его взгляда не ускользнула реакция Елены, когда он произнёс имя своей помощницы. Спартанская царица медленно поднялась и, грациозно скользя, будто не касаясь пола, подошла к пленнице. На мгновение взгляды двух женщин скрестились, причём эта зрительная дуэль окончилась явно не в пользу спартанки. Ничего не сказав, она резко отвернулась и возвратилась на место. Вслед за ней поднялся на подиум и её возлюбленный.

Злоумышленники некоторое время совещались, видимо, решая участь пленников, после чего к Одиссею подошёл Агесилай.

— Клянусь Зевесом, Лаэртид, я хотел с тобой договориться, однако все остальные требуют вашей смерти.

— Не кори себя напрасно, не тебе решать, когда прервётся моя жизнь. — Ни один мускул не дрогнул на мужественном лице нашего героя. — Надеюсь, вам не хватит подлости умертвить мальчишку.

— Зачем мне этот щенок? Его просто продадут в рабство… Можно считать это твоей последней просьбой?

Не дождавшись ответа, Агесилай громко хлопнул в ладони. В центре зала, как из-под земли, появились два огромных, чёрных как ночь, ливийца. Злодей что-то сказал чернокожим на незнакомом Одиссею

наречии. Негры поклонились хозяину и, подхватив наших героев под руки, с завидной лёгкостью потащили их вглубь пещеры.

— Интересно, что это он им такое сказал? — спросил Лаэртид риторически, совершенно не рассчитывая услышать ответ.

— Он приказал им сбросить нас со скалы в море, — неожиданно перевела сказанное Афина.

— Никогда не перестану удивляться твоим лингвистическим способностям, ты у меня просто полиглот, а не помощница.

— Боюсь, мастер, если вы сейчас же что-нибудь не придумаете, то очень скоро перестанете удивляться чему-либо вообще.

— А что тут придумаешь? Разве что предложить этим чернокожим истуканам немного золота, чтобы они нас поаккуратней сбросили, — решил отшутиться Одиссей.

Но девушка начала что-то быстро говорить на том же незнакомом наречии, обращаясь к гигантам, которые волочили их куда-то в темноту. Негры никак не реагировали на монолог Афины и продолжали молча выполнять свою страшную работу. Вскоре в конце тёмного туннеля, по которому пленников тащили на казнь, забрезжил свет, а ещё через мгновение жертвы и палачи оказались на небольшом каменистом уступе, круто нависающем над бескрайним морским простором.

Был яркий солнечный день, свежий морской бриз развивал волосы приговорённых. Негры споро привязали к ногам Афины и Одиссея по большому, весом в пол таланта каждый, камню. В это время на площадке появился сам Агесилай.

— Слава Зевсу, хоть будет, кому сказать напоследок пару слов. — Одиссей, не теряя бодрости духа и всег-

дашней своей весёлости, посмотрел на торговца. — А то я уж было подумал, что так и придется умереть, общаясь с этими обезьянами.

— Будь моя воля, я бы слегка помучил вас перед смертью, — с сожалением произнёс Агесилай. — Однако согласно уговору вы принадлежите Паламеду, а он просил избавиться от вас поскорей.

— Жаль, что тебе не удалось его переубедить, я бы предпочёл всё же немного помучиться перед смертью. Не правда ли, Афина?..

Лаэртид посмотрел на свою верную спутницу. Он хотел ободрить девушку перед смертью, однако увидел, что она в этом вовсе не нуждается. Амазонка гордо стояла на краю пропасти, её глаза лихорадочно блестели, а ненавидящий взгляд переходил с лиц палачей на Агесилая и обратно.

Но вот настал момент истины… Чернокожий раб поднял привязанный к ногам жертвы камень и, подтолкнув Афину к пропасти, бросил страшный груз вниз со скалы. Ни один мускул не дрогнул на лице девушки, ни один звук не вырвался из её уст. Наоборот, выполнив какой-то неимоверный кульбит, она пружинисто подпрыгнула и вмиг скрылась за обрывом.

— Великолепный прыжок, не правда ли, богоравный Одиссей? Так прыгают критяне во время игры с быками. Ну что ж, теперь твоя очередь. Очень скоро тебе представится возможность побеседовать со своими божественными покровителями и обсудить с ними план дальнейших действий… — Судовладелец раскатисто захохотал и обернулся к неграм, надеясь, что те по-достоинству оценят его юмор. Однако чернокожие слуги стояли молча, склабясь, и ждали дальнейших указаний.

— Уверен, очень скоро мы продолжим нашу беседу. Царский флот уже на подходе. Так что берегись, Аге-

силай, или можно назвать тебя настоящим именем, Пиймар!

— ???

— Ведь именно так величают тебя в действительности. О… как изменился ты в лице, вижу попал я в цель точно. Что ж, Агамемнон давно тебя ищет. На этот раз не спасёт даже дружба с Паламедом, — при этих словах Одиссей сделал шаг к краю пропасти.

— Всегда был хитёр! Догадался всё же… — мнимый негоциант побледнел, его лицо на мгновение перекосила гримаса.

Он попытался ухватить обречённого за верёвки и остановить казнь. Но было поздно, Лаэртид смело сделал шаг в пропасть.

— Тебе не уйти от виселицы, Пиймар… — последние слова Одиссея растворились в воздухе.

— Я не боюсь Агамемнона! Слышишь, не боюсь!.. У меня достаточно сил, чтобы разбить любой флот. Давно пора вернуть морское владычество потомкам мудрого Миноса… Но как, как ты узнал моё имя?.. — слова злодея доносились до Одиссея откуда-то сверху, так как сам он стремительно летел в Тартар вниз головой.

Теперь, когда смерть казалась неминуема, он понял, для чего Афина совершила свой акробатический этюд. Огромный камень надвигался на него сверху, и царь Итаки едва успел увернуться, чтобы тот не раскроил ему голову. Как выпущенная стрела поворачивается к земле своим наконечником, так и тело Одиссея, благодаря привязанному грузу и подчиняясь действующим с сотворения мира законам тяготения развернулось в воздухе. Ещё через миг валун, а за ним и сам герой с громким всплеском пронзили виноцветную гладь. Благо высота была небольшая, и герой всего лишь на миг потерял ориен-

тацию. Заблаговременно набрав в лёгкие побольше воздуха, он теперь напоминал запасливого хомяка. Не менее раздутых щёк этот образ подчёркивали и неестественно выпученные, на выкате, глаза. «Ну и фто дальфе, — подумал сын Лаэрта, даже в мыслях боясь разжать губы, — где фы, мофи бофестфенные покрофители?..»

Место оказалось неглубоким, и камень моментально увяз в илистом дне. Одиссей попробовал пошевелить руками, но верёвки туго стягивали запястья так, что невозможно было даже пошевелить кистями. Он вдруг живо представил себе, как через пару минут, когда закончится воздух, начнёт вначале судорожно, против воли, а затем уже инстинктивно глотать воду. Как эта соленая горечь потечёт по организму, заполняя желудок и лёгкие. Как он перестанет извиваться и затихнет навеки. «О, лукавые боги! Как глупо!..» Одиссей зажмурил глаза и потряс головой, насколько это было возможно сделать под водой. Губы чуть приоткрылись и первые, пузырьки углекислоты, щекоча лицо, заскользили кверху.

«Надо достойно встретить конец, — мелькнула в голове твёрдая мысль, — хотя кто это оценит? Разве что русалки». Он открыл глаза, и его взору предстала картина, от которой все мысли о героической гибели вмиг рассеялись, а точнее, расплылись. К нему, грациозно изгибая тело, плыла морская нимфа. Прекрасные волосы обнажённой ундины плавно развивались в столбе проникающих откуда-то сверху солнечных лучей. Вначале русалка подплыла к его ногам и в два приёма распутала узел, стягивающий лодыжки и удерживающий глубоко вонзившийся в придонный ил камень. Ещё миг, и вот уже руки Лаэртида свободны от пут. Затем лицо нимфы оказалось на уровне глаз героя, она прикоснулась своими губами к губам

Одиссея и вдохнула в грудь уже собравшегося было беседовать с олимпийцами героя живительный воздух. «Интересно, обязан ли я хранить верность Пенелопе на том свете?..»

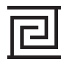
Кислород вновь наполнил легкие и стряхнул углекислотную галлюцинацию. Перед ним было лицо Афины. Видя, что Одиссей пришёл в себя, девушка поплыла в направлении скалы. Несостоявшийся собеседник богов не мешкая последовал за своей спасительницей. Вдруг им навстречу прямо из густой тени, которую отбрасывал в посейдоновом царстве береговой утёс, выплыло какое-то невероятное сооружение. Оно представляло собой перевёрнутую вверх днищем рыбацкую лодку, к бортам которой были подвязаны несколько увесистых свинцовых грузил. Самое странное было то, что из-под «корыта» торчала пара прелестных ног, которые ступали по морскому дну, аки посуху, собственно, этим и приводя в движение невиданный подводный аппарат.

Недолго думая, Одиссей и Афина поднырнули под борт и оказались внутри корыта. Инстинкт не обманул героев — там был спасительный воздух. Хотя его было совсем немного, да и насыщали его весьма неароматные запахи гнилой древесины и тухлой рыбы, для наших героев это был самый лучший в мире воздух.

Передвигаясь гуськом, теперь уже три пары ног постепенно приблизились к скале, с которой Одиссея и Афину только что сбросили. Ещё мгновение, и странный ковчег скрылся в неприметной расщелине, дно которой, постепенно поднимаясь, уходило вверх, под коренной берег. Через два десятка шагов Лаэртид почувствовал, как вес поддерживаемой руками лодки значительно увеличился, из чего можно было сделать вывод, что наверху образовалась свободная

поверхность. Поднырнув под борт спасительной капсулы, он почувствовал, что его голова оказалась над водой, и он впервые смог вдохнуть полной грудью.

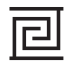
Вокруг было темно, лишь где-то вдали, видимо, уже на твёрдом берегу тлел слабый огонёк. У костра кто-то сидел. «Скорее всего мы попали в какой-то подводный грот», — решил Лаэртид. В это время, судя по всплескам, рядом появились ещё две головы. Не раздумывая более ни мгновения, все трое поплыли в направлении берега. Силуэт у костра молча поднялся им навстречу. Это оказалась одетая в длинную, до самых пят, чёрную ризу женщина! Уже при выходе из воды Одиссей смог различить, что их спасительница тоже была фемина, когда же та приблизилась к костру, он замер в изумлении…

Глава девятая

СЛУГИ АНАТ

Если бы Одиссей увидел сейчас вдруг любимую Пенелопу, он изумился бы, наверняка, не так сильно, ведь перед ним стояла сама царица Спарты *лепокудрая Елена*, вожделенный предмет всех его поисков. Лаэртид отказывался верить собственным глазам.

— Вот так сюрприз! — только и смог произнести он. — Что ж, это вполне по спартански — сначала топить, а затем спасать.

Елена как ни в чём не бывало отжимала руками свои светло-золотистые волосы и молчала. Афина пристально смотрела на неё, не разделяя, впрочем, ни удивления, ни энтузиазма мастера:

— Если ты считаешь, что спасла нас, то могу тебя заверить, что мы в твоей помощи не нуждались. Я вполне смогла бы выбраться из ситуации сама, — язвительно, словно к старой знакомой, обратилась Афина к спасительнице.

— Я ничуть не сомневалась, что ты успеешь развязать руки и себе, и Одиссею, но если б вы вынырнули на поверхность, вас бы тут же заметили и схватили.

— Милые дамы, вам не кажется, что неплохо бы кое-что прояснить. Боюсь, что я пропустил первый акт этой комедии, — вклинился в разговор Лаэртид.

Афина посмотрела на героя и, указав рукой на Елену, заявила:

— Прошу любить и жаловать — моя младшая сестра.

— Значит, это правда… — ахнул Одиссей. — Царица *широкоравнинного Лакедемона* Елена Прекрасная — тайный шпион угаритского храма Анат. Бедный, бедный Менелай. Однако не кажется ли вам,

прекрасные ундины, что сейчас не совсем удачное время для словопрений. В любой момент могут появиться пираты. — Шутливый тон, под которым скрывалось истинное волнение, по-прежнему не оставлял героя. Нервное напряжение последних дней давало о себе знать, и Лаэртид с завистью отметил, что Афина, в отличие от него, совершенно спокойна.

— Здесь вы в полной безопасности, можете отдохнуть, а когда наступит ночь, мы с Клименой выведем вас на рыбацкой лодке в море, — успокоила гостей «радушная хозяйка» и добавила, указав на свою спутницу: — Знакомьтесь — моя верная подруга и наставница Климена. У этой пещеры нет входа с берега, только из-под воды, и известна она лишь нам. Старый рыбак, который показал мне её, давно уже удит рыбу на туманных берегах Стикса. — Елена накинула на плечи лежавшую у ног накидку и подсела к огню. — Располагайтесь у костра, вы совсем продрогли. Разговор будет долгим.

Последовав примеру спартанки, наши герои присели у огня, поплотней укутавшись в приготовленные заранее овчины. Сейчас при свете костра Одиссей увидел, насколько похожи были две девушки.

— Много воды утекло с той поры, как мы расстались с тобой, сестра, — грустно сказала Елена и посмотрела на Афину, но та молчала, сосредоточенно вороша тлеющие уголья. Спартанка тихо вздохнула и продолжила: — Год я провела здесь, на Крите, среди пиратов и, хвала Афродите, многому у них научилась. Однако через год к Пиймару, так на самом деле зовут того, кто известен вам как проживающий в Спарте под именем Агесилая судовладелец из Милета, приехала моя наставница Климена с подробными инструкциями от настоятельницы храма Анат…

— Значит, моя догадка верна, — прервал рассказ девушки Одиссей и торжествующе посмотрел на Афину. — Это действительно сам Пиймар — знаменитый критский разбойник, за которым вот уже десяток лет безуспешно гоняются все: и ахейцы, и троянцы, и хетты. Ещё утром мне показалось весьма странным то, с какой покорностью выполняют пираты приказы мнимого Агесилая, а когда он заявил, что Паламед, дескать, ему не указ, я сразу понял, что это и есть легендарный флибустьер собственной персоной… Он, если мне не изменяет память, лувиец по происхождению. Когда-то хетты вырезали всю его семью, с тех пор он поклялся, что будет мстить им. Однако со временем ему стало тесно на Анатолийских плоскогорьях, и он перебрался на Крит. Оставить привычное ремесло оказалось не под силу, и бандит начал грабить всех подряд, нагоняя панический страх на купеческие караваны. Вот уже несколько лет он является главарём пиратов всего северного побережья острова. Агамемнон ищет его повсюду, а разбойник преспокойно живёт в Спарте, под личиной мирного судовладельца и осуществляет поставки продуктов к столу Микенского правителя. Браво, Пиймар! Браво… — Одиссей на мгновение замер, по его лицу пробежала тень страшной догадки. Он поморщился и вопросительно посмотрел на Елену. — Или, может, Агамемнон знает, с кем имеет дело?..

— Нет, ни Агамемнон, ни Паламед, ни даже Менелай не знают, кто скрывается под маской милетского торговца.

— А причём здесь Менелай? Ты хочешь сказать, что он тоже замешан в антитроянских кознях своего брата?

— Не просто замешан, а является их вдохновителем и организатором. Именно он уговорил Агамем-

нона спровоцировать войну с Троей, для чего и организовал моё похищение.

— О, лукавые боги!.. — воскликнул в сердцах Одиссей. Он был явно шокирован таким поворотом дела. — Однако Атридам, как я понимаю, невдомёк, что за твоей спиной стоит храм богини Анат и суфеты Угарита.

Одиссей посмотрел на женщин. Елена усмехнулась. Некое подобие улыбки скользнуло и по лицу её молчаливой подруги.

— Но как?.. Как им удалось уговорить Париса принять участие в этом балагане, что-то я не заметил, чтобы он чувствовал себя пленником.

— Они просто пообещали мальчишке власть в покорённой Трое. Глупец до сих пор считает себя одним из заговорщиков. Ему и невдомек, какая ужасная участь уготована его родному Илиону в случае победы ахейцев. Ну… а кроме того, — Елена подняла голову и гордо посмотрела на собеседников, — я ведь тоже чего-нибудь да стою.

Одиссей и Афина обескураженно смотрели на спартанскую царицу. Предательство Паламеда их уже не удивляло. В принципе, участие в заговоре самого царя Микен Лаэртид и ранее не исключал. Но то, что Менелай использовал собственную жену в роли подсадной утки, мало того, обещал её троянскому царевичу в качестве награды за предательство, — супруг Пенелопы представить не мог. «Нет!.. Какой-то бред! Это просто выше моего понимания… — Одиссей украдкой вновь взглянул на Елену. — А вдруг это очередная игра царицы?» В голубых как волна глазах спартанки читалась лишь боль обиды и ущемлённое самолюбие. Её прелестный подбородок чуть заметно подрагивал, казалось, она вот-вот разрыдается. «Похоже, эта бестия говорит правду. Она больше не хочет

быть куклой… И это как нельзя на руку нам!» Чувство жалости и вины за напрасные подозрения охватило души наших героев. Они отчётливо вдруг поняли — Елена их верный союзник. Не скрывая более обуревающих сердца чувств, сёстры бросились в объятия друг другу.

Не желая мешать «семейному счастью», царь Итаки поднялся и подошёл к кромке воды. Чёрная, совершенно неподвижная поверхность притягивала взгляд как магнитом… «О, лукавые боги!.. Какая низость! Какая беспринципность!.. Атриды, похоже, готовы на всё в борьбе за власть. Честь, совесть — всё пустое. Такое впечатление, что, если понадобится, Агамемнон и родную дочь принесёт в жертву на алтарь победы. Неужели в Элладе не осталось больше благородных героев, какими были Геракл и Тесей? Неужто в наших сердцах не осталось больше места для искренних чувств? Нет, мы просто вырождаемся… А значит, предсказанная пифией бойня — всего лишь заслуженная кара за нравственное падение поколения героев. Мудрый Нестор прав — война неизбежна…» — Одиссей впервые до конца осознал всю бесплодность своих усилий.

Всё зря, мир неумолимо катился к кровавой развязке. Но ещё страшнее была мысль о том, что за всем этим стоит Угарит и храм богини Анат. Хитрые ханаанские торгаши не жалеют средств, чтобы столкнуть лбами эгейских правителей. Собственно, им и не пришлось прилагать каких либо титанических усилий. Агамемнон и Приам сами лезут в драку, словно боевые петухи. Стоило купцам чуть подыграть их властолюбию — и мир рухнул. Просто развалился как карточный домик. «Так нет же! Не бывать этому. У меня ещё остались козыри… Ведь главная, по крайней мере, официальная причина раздора —

Елена Прекрасная — в моих руках и согласна нам помочь. А значит, ещё не всё потеряно!» Одиссей резко повернулся и подошёл к костру.

— Но я не понимаю, Елена, почему во время голосования на совете старейшин твой супруг подал свой голос за мир.

— Он голосовал не за мир, а за то, чтобы ты, многоумный Лаэртид, продолжил поиски. Всё очень просто… Менелай до вчерашнего дня не знал, где я нахожусь. Спектакль, который он затеял, сразу же вышел из-под его контроля, и он боялся, что я могу объявиться в самый неподходящий момент. Поэтому муж и уговорил брата направить тебя по моему следу. Я давно, Одиссей, слежу за твоими действиями и вижу, что ты один ведёшь честную игру. А сегодня, когда я увидела рядом с тобой мою старшую сестру, осознала, что вы мой единственный шанс.

— Постой, я всё же не понимаю. Паламед сам нас сюда заманил, а он ведь на стороне Атридов.

— Конечно. Дело в том, что по плану Менелая, после столь удачно инсценированного похищения я с Парисом должна была отправиться прямиком в Трою, а он, изображая убитого горем супруга, попросить помощи у своего венценосного брата и у всех эллинов для наказания нечестивых троянцев. Но мои истинные хозяева — суфеты Угарита — решили иначе. Они перехитрили Менелая, угнали секретный корабль и спрятали нас у пиратов Пиймара. Храм не хочет рисковать и решил спрятать меня, пока не найден священный скипетр Миноса. Лишь вчера я впервые встретилась с Паламедом, который думает, что разбойники нас похитили и удерживают здесь силой. Он договорился с пиратами, что за выкуп в пять талантов золотом нас всё же отправят в Трою. С этой радостной вестью он и уплыл в

Микены. Как видишь, Одиссей, Атриды не жалеют денег, чтобы начать войну с Илионом.

— То есть ты хочешь сказать — твой супруг и деверь до сих пор не понимают, что за всем этим стоит Храм?

— Именно так, они всего лишь марионетки в руках угаритских суфетов.

— Но какой интерес преследуют пираты? Что связывает их с угаритскими торговцами?..

— Злато, презренный жёлтый металл... Храм просто нанял разбойников. Кроме того, и Приам, и Агамемнон разыскивают Пиймара и назначили за его голову немалую цену, в то время как Угарит по достоинству оценил таланты флибустьера и предложил ему нечто вроде капёрской лицензии. Храм и Пиймар — естественные союзники. Думаю, что пирату обещана легальная власть над Эгеидой после гибели Трои и ослабления Микен. Кто-то же должен управлять неспокойными островами. Почему бы не потомки царя Миноса?..

— А для этого им нужен легендарный скипетр критского владыки, — подытожил сказанное Лаэртид.

Елена замолчала. Молчали и её собеседники. Только теперь Одиссей обратил внимание на служанку царицы, та сидела чуть в стороне и за время разговора не проронила ни звука. Заметив недоверчивый взгляд героя, Елена поспешила заверить:

— Я полностью доверяю своей наставнице. Поверьте, она так же, как и мы с тобой, Афина, ненавидит Храм.

— Хорошо, Елена, будем считать, что мы тебе верим. Но тебе придётся рассказать всё по порядку. — Одиссей вновь присел к огню.

— Так вот, — продолжила спартанка, — когда Климена вернулась из Угарита с инструкциями Храма,

наша с ней судьба была решена. Уже через сутки я изображала несчастное дитя — жертву кораблекрушения, лёжа совершенно голая на дне рыбацкого челна у побережья Лаконики. Это представление было разыграно для царя Спарты Тиндарея. Трюк удался, и вскоре счастливые родители обрели приёмную дочь, а я — стала лакедемонской принцессой.

— Я ни секунды не сомневался в том, что история с твоим чудесным спасением выдумана, — вновь перебил девушку Одиссей, — однако мне и в голову не приходило, что всё это является частью дьявольского плана, плодом чей-то извращённой фантазии.

В сердце Лаэртида шевельнулось давно притупившееся чувство вины. Вспомнив своих пропавших сестёр, он грустно посмотрел на царицу Спарты и поплотнее закутался в накинутое на могучие плечи руно. Ему больше не хотелось прерывать рассказчицу…

— Я жертва, бесстрашный Одиссей, всего лишь опасное орудие в руках сильных мира сего. Всё так перепуталось… Иногда я сама забываю, что правда, а что ложь в моей жизни с тех пор, как я стала рабыней Храма богини Анат в Угарите…

Своё раннее детство она не помнила. Воспоминания возникали обрывками, как солнечный луч, то вдруг мелькнувший, то вновь исчезающий среди туч. Она не знала ни откуда родом, ни кто её родители. Детская память решительно противилось возврату в прошлое, но новое, растущее сознание требовало ответов. И она всё чаще и чаще мучительно пыталась вспомнить, что же произошло до того, как она попала в приют. Зачастую эти воспоминания превращались в навязчивые видения и ночные кошмары. На уровне ощущений она понимала, что произошло что-то страшно непоправимое, как будто

кто-то вырвал её из доброго тёплого мира и бросил сюда, где нет жалости, нет добра, а есть только боль и ненависть.

Отсчёт своего «Я» для Елены начинался в стенах приюта при Храме богини Анат. Так в Угарите — большом ханаанском портовом городе, в котором находилось заведение, именовали богиню любви Афродиту Порне. Воспитанницы содержались в строгости и аскетизме. Программа обучения состояла из спортивных упражнений, перемежающихся преподаванием различных наук. Особое внимание придавалось изучению языков. Уже в десять лет Елена свободно разговаривала на арамейском, коптском и хеттском. Кроме того, она могла без труда объясниться на любом из многочисленных эгейских наречий, как то: лувийском, киликийском или даже на древнем — пеласгическом. Чтобы девочки не забывали родную речь, им разрешалось после заката общаться с соплеменницами. Поэтому, как только заходило дневное светило, воспитанницы разбивались на этнические группки. Вначале она не могла разобрать, какой из языков её родной, но потом поняла, что её место там, где говорят по-гречески. К тому же именно туда Елену постоянно тянула одна из старших воспитанниц, которая почему-то называла себя Сестрой. Хотя Сестра Елене вовсе не нравилась, но иметь защитницу среди старших было приятно, да и вполне практично. Ведь Елена была хилым и щуплым ребёнком, что не раз являлось поводом для тумаков со стороны высокой и худой как жердь иберийки или жирной башеноподобной индуски. Именно родная речь и схожая внешность греческих сверстниц постепенно убедили её в том, что она ахеянка. Это стало ответом на первый вопрос. Откуда я?

В приюте было не менее двух сотен сверстниц, только девочки. До определённого времени Елена вообще думала, что в мире есть только женщины. Нет, конечно, о мужчинах она знала, но существовали они лишь в сонме богов. Им нужно было поклоняться, их нужно было ублажать.

Особенно строг к воспитанницам приюта был верховный бог города Угарита — повелитель бурь и молний громовержец Балу. Он был одновременно братом и возлюбленным покровительницы Храма — богини Анат. Эта дева-воительница испокон веков ведёт за своего любимого кровавую битву с богом смерти Муту. Чтобы воскресить Балу, павшего в неравной битве с владыкой подземного царства, богиня ежегодно поглощает плоть и кровь своего возлюбленного брата. Ради своей пассии она готова жертвовать всем и в первую очередь своими рабынями. Ведь борьба со злом идёт не только на небесах, но и на земле.

Послушницы приюта должны были стать жрицами воинственной богини и пополнить её земную армию. Для этого нужно было стать твердыми — как камень, жаркими — как огонь, хитрыми и безжалостными — как сама Анат. Быть готовыми на любые жертвы и испытания во имя любви к Балу. Ему возносились молитвы, ему раз в год они жертвовали свои волосы, его именем наказывали провинившихся.

Лучшие из воспитанниц становились членами тайного военного ордена Анат, и, если богиня приказывала своим солдатам вступить в битву, единственное, что их волновало, это победа. Подавить все эмоции, не чувствовать сострадания, боли, устранить любого, кто станет на пути, будь то царь, фараон, махараджа или сам — бог смерти Муту. Таким образом в головы послушниц постепенно вдалбливалась аксиома о беспрекословном подчинении Храму Девы.

Как сказала Елена ранее, среди смертных, живущих в приюте, представителей сильного пола не было. Об их существовании она узнала лишь, когда ей исполнилось двенадцать. Дело в том, что всех девочек, у которых появлялись кровотечения-менархе, — мать-наставница называла это «зовом Анат» — сразу переводили в отдельный дом. Там под руководством опытных жриц они начинали постигать главную науку Храма — науку любви. Здесь Елена впервые увидела настоящих мужчин, то есть «из плоти и крови». Вначале их было немного — только пять. Каждый день воспитанницы ублажали лишь одного из них, оставшееся же время было отдано прежним занятиям: спортивным упражнениям, боевым искусствам и естественным наукам. Однако уже через полгода Елене пришлось раз в луну становиться жрицей-кадишту в храме богини, а это означало любовную близость со всеми мужчинами подряд из тех, что посещали храм в поисках плотских утех.

Рассказывали, что этот обычай пришёл в Угарит от вавилонян, которые заставляют не только храмовых жриц, но и всех своих женщин хоть раз в жизни садиться в святилище Афродиты и отдаваться за деньги чужестранцам. Многие богатые женщины, считая недостойным смешиваться с толпой остальных, приезжают в закрытых повозках в сопровождении множества слуг и, останавливаясь возле храма, ждут, пока кто-нибудь не бросит им в подол деньги. Они должны идти на соитие с первым встречным. Бросивший деньги лишь говорит: «Призываю тебя на служение Мелите!» Так называют Афродиту Порне в Вавилоне. Какой бы ничтожной ни была сумма, отказываться нельзя, так как деньги эти священные.

В отличие от свободных женщин, которые, исполнив долг перед богиней, шли домой, воспитанниц за-

ставляли «работать», пока не набиралась определённая сумма. Бывало, что подруги целый день просиживали на паперти, возжигая курения из оливковых зёрен и обвязавшись тростниковым поясом в знак готовности к любви. Доходило до того, что если одна из них, увлечённая прохожим, переспит с ним, то потом попрекает своих подруг тем, что они не удостоены того же и что перевязь их не разорвана. Средства, заработанные подобным образом, направлялись в храмовую казну и считались подношением богине.

Это было трудным испытанием для девочек, но Елена научилась притворяться, да так ловко и умело, что мужчины, которых ей подсовывали в постель, не могли ничего заподозрить. На самом же деле они ей были совершенно безразличны. Она ничего не чувствовала и не испытывала никаких ощущений из тех, о которых ей с такой страстью рассказывали некоторые подруги. Более того, она заметила, что те воспитанницы, которые испытывали наслаждение от любовных утех, вскоре бесследно исчезали. Ходили слухи, что неудачниц убивали; лишь потом, спустя много лет, Елена узнала, что девочек просто продавали в многочисленные храмы Девы, расположенные на финикийском побережье, в Сирии и Аккаде. Они становились простыми жрицами, а иначе сакральными шлюхами, которые должны были ублажать посетителей, особенно иноземцев, и по крупицам собирать сведения для храма Анат в Угарите.

Собственно говоря, будни тех, кто оставался в приюте, зачастую особо не отличались от жизни храмовых проституток. Однако им была уготована другая участь, и умение любить мужчин было лишь одним из тех искусств, которым их обучали. Ещё когда малолеток только знакомили с настоящими мужчинами, они познали, что противоположный пол можно об-

манывать, использовать и даже убивать, помогая тем самым другим, более сильным. Всё воспитание было подчинено основной цели — сделать из девочек настоящих воинов Анат. Таких, как сама богиня, — сильных, хладнокровных и безжалостных к врагам бога Балу. Но женщины по своей природе были слабее мужчин, поэтому для победы над сильным полом требовалась хитрость и коварство.

Как оказалось, в искусстве обмана у Елены не было равных. Она быстро усвоила, что мужчины лишь инструмент, с помощью которого можно добиться любой цели. О самих же целях послушницам пока не говорили. Их воспитание было строгим, чтобы не сказать жестоким. Девочки были поставлены в условия конкуренции: те, кто не справлялся с заданиями, исчезали из приюта навсегда. Тяжелее всего Елене давались боевые искусства, особенно, бой на египетских кинжалах. Ей частенько доставалось от сверстниц, многие из которых были сильнее. Поэтому девочка всё время ходила в синяках и порезах. Однако та, что называла себя Сестрой, продолжала заступаться за неё и не давала спуску обидчицам. Елена даже стала чувствовать к ней нечто вроде благодарности и привязанности. Это редкое чувство она испытывала ещё лишь к одной из воспитательниц, которая больше других опекала малышку и частенько давала ей добавку к еде, а иногда «О, чудо!» сладкий вавилонский леденец из переплавленной тростниковой патоки.

Елена чувствовала себя маленьким лисёнком… Как-то раз ей удалось обманом, перехитрив более доверчивых подруг, украсть их ужин и втихомолку съесть его ночью под хламидой. Однако, когда она поделилась победой с Сестрой, та не одобрила её поступок. Зато добрая воспитательница, найдя утром объедки и поняв, что произошло, наоборот, похва-

лила воровку, добавив при этом, что только хитрая и умная женщина может выжить в мире, где правят мужчины. С тех пор Елена стала всё больше и больше отдаляться от Сестры.

Вскоре жизнь воспитанниц резко изменилась и, надо заметить, изменения эти были к лучшему. Заниматься проституцией с этих пор заставляли лишь раз в неделю, и это уже не составляло особого труда. Кормили Елену теперь просто по-царски. Учили великосветским манерам, заставляли мыться по два раза на день, причём, что было совсем уж непривычно, тёплой водой. По праздникам она даже принимала горячие ванны, после которых рабыни натирали её тело густым пахучим елеем и прочими благовониями. Всего за год из угловатого и несуразного гадкого утёнка она превратилась в настоящую красавицу. Бёдра округлились, грудь налилась и поднялась, лицо залил нежно-молочный румянец, а во взгляде появилась некоторая томность. Она жила в собственной комнате, ей разрешали смотреться в огромное бронзовое зеркало, но главное, к ней была приставлена личная наставница, которой, естественно, стала та самая добрая воспитательница. С этих пор Климена, так звали наставницу, полностью управляла её жизнью.

Елена не знала, сколько ещё девочек из приюта получили такое же привилегированное положение. Несколько раз она встречала свою названную Сестру и ещё нескольких послушниц, все они, видимо, тоже оставались при Храме. Климена все реже наказывала Елену и всё чаще проявляла к ней знаки внимания, а вскоре они стали подругами.

Два дня в неделю по-прежнему оставались для занятий любовью и физическими упражнениями. Остальное же время она изучала философию, геогра-

фию, риторику, логику и математику. Для этого к ней приходили учителя-мужчины, которых почему-то нельзя было соблазнять. Отдельный день уделялся искусству травоведения и врачевания. Теперь она была мастерицей по составлению различных снадобий для лечения ран и болезней, опьянения людей, а если понадобится, то и отравления. Боевыми искусствами Елена, хотя и с трудом, но все же овладела. Особенно ей удавался минойский кулачный бой, в этом искусстве она могла дать фору любому мужчине…

И вот, наконец, настал День, когда она стала жрицей-воином богини Анат.

К обряду инициации она готовилась заранее и успешно прошла все испытания. Верная наставница, которую с некоторых пор Елена называла просто Климена, была уверена, что её воспитанницу ждёт высшая доля в служении Храму Девы. Волновало лишь то, какое назначение получит Елена, но вскоре все их сомнения разрешились наилучшим образом.

Несколько дней спустя после таинства инициации Елену вызвали в канцелярию Верховной Жрицы. Верная Климена, как обычно, всегда и всюду сопровождала свою воспитанницу. В назначенный час женщины вошли в потайную дверь, находящуюся в восточном крыле Храма прямо за статуей богини Анат. Там их ждала одетая в чёрную ризу пожилая жрица. Они долго спускались по каким-то подземным коридорам, то и дело поворачивая или ожидая, пока не откроется очередная дверь. Это был целый подземный город, где всё подчинялось невидимым и неслышимым, но очень строгим законам. Несмотря на довольно большую глубину, на которую они спустились, в подземелье было сухо, просторно и тепло. Равномерный, почти дневной свет струился из-под сводчатого потолка.

«Специальная подсветка — изобретение египетских жрецов. Она осуществляется передачей солнечных лучей посредством системы бронзовых зеркал, — перехватив вопросительный взгляд воспитанницы, прошептала Климена. — Одновременно эти отверстия служат для вентиляции подземных помещений».

Елена ничего не ответила. Для неё всё здесь было в диковинку. Однако про себя она решила ничему не удивляться. Наконец они вошли в довольно просторный зал, чем-то копирующий центральное помещение Храма. Елена с удивлением и восторгом оглядывалась по сторонам. Сверху, сквозь украшенный ханаанским орнаментом потолок, каким-то невообразимым образом лился яркий дневной свет. Стены помещения были разрисованы хорошо знакомыми сюжетами из эпоса о борьбе бога Балу и богини Анат с силами зла. Особенно искусно была выполнена мозаика, изображающая Балу в виде мужчины-воина. Голову бога венчал остроконечный шлем с бычьими рогами, из-под которого на спину и грудь ниспадали длинные, завитые на концах, волосы. Правой рукой он держал производящую гром палицу, а левой — извивающееся копьё с пламенем на одном конце и остриём на другом. Острие это пронзало землю у ног громовержца, который стоял, возвышаясь над горами и волнами. Эта деталь особо подчёркивала высокое положение Балу в пантеоне угаритских богов. Рядом с возлюбленным сидела сама воинственная Анат. Богиня как бы покачивалась на волнах и протягивала пучки листьев своей священной корове.

Елена оглянулась. На противоположной стене был изображён главный враг Храма — владыка подземного мира Муту. Он стоял у врат своей неприступной крепости Хамрай, что означает — место проливания слёз. Чтобы достичь этого мрачного города,

надо перейти горы, находящиеся на краю Ойкумены. Муту — сильный противник. Одна его губа касается неба, другая — земли. Зловеще разинутая пасть поглощает всех, кто посмеет приблизиться. Отвратительный, вызывающий ужас, образ бога смерти подчёркивал неизбежность конца бытия, которому никто не может противиться. «Никто, кроме покровительницы Храма — богини-девы Анат и нас, её верных слуг», — с гордостью думала Елена.

Вдоль стен располагались резные инкрустированные слоновой костью и золотом скамейки. Жестом предложив гостям сесть, сопровождающая черница скрылась в одном из многочисленных, выходящих в зал проходов. Пожалуй, это была единственная дверь, которая не открывалась столь часто. В остальные же то и дело входили и выходили одетые в длинные чёрные ризы служительницы канцелярии. Они вносили и выносили свитки папирусов, деревянные и глиняные таблички. Всё это удивительным образом напоминало снующий муравейник. Документы, так или иначе, проходили через руки единственного в зале мужчины-секретаря, склонившегося над расположенным в центре помещения огромным шестигранным столом с просторным отверстием посередине, в котором, собственно говоря, и находился убелённый сединой письмоводитель. Он аккуратно просматривал каждую запись и, сделав предварительно пометку, передавал зарегистрированный документ в руки терпеливо ожидающей служки. Та, в свою очередь, несла его в одну из двух расположенных справа дверей. Причём, и это не ускользнуло от взгляда Елены, папирусы и обожжённые черепки в одну дверь, а свежие глиняные таблички в другую.

— Там находится святая святых нашего Храма — архив, — с лёгким придыханием, как говорят о самом

сокровенном, сказала Климена. — А здесь... — Воспитательница указала на вторую дверь, но договорить не успела.

— Печи для обжига сырых табличек.

— Браво, Елена! Клянусь священной коровой Девы, я всегда считала, что твои аналитические способности принесут нашему делу большую пользу, чем сотня боевиков-амазонок.

Разговор подруг внезапно был прерван как будто из-под земли возникшей черницей:

— Верховная Жрица ждёт вас, — с лёгким поклоном проговорила та, жестом приглашая гостей следовать за ней.

Женщины послушно направились вслед за служительницей к той самой, единственной закрытой двери. Климена, а вслед за ней и воспитанница вошли внутрь. После яркого света, который заливал большой зал, в кабинете настоятельницы Храма было довольно темно. Елена помнила, что по этикету положено смотреть под ноги. Верховная Жрица храма считалась невестой самого бога, её не должен был касаться даже взгляд смертных. Однако любопытство взяло верх и, как только глаза привыкли к темноте, Елене удалось увидеть «невестку народа». Настоятельница сидела за письменным столом, на котором в рабочем беспорядке лежали папирусы. Одета она была, как и все жрицы Анат, в длинную до пят чёрную ризу. Лицо святой девственницы скрывалось под тонкой чёрной вуалью.

— Ты прошла все ступени обучения и с честью выдержала посвятительные экзамены, — бесстрастным голосом констатировала мать Настоятельница. Судя по голосу, это была ещё совсем нестарая женщина. Елена молчала. Она знала, что отвечать нужно, только если Верховная жрица задаёт вопрос.

— Твоя жизнь в приюте была несладкой, но теперь ты знаешь, почему мы так строги к воспитанницам. Подойди ближе, дитя моё, твоё усердие будет подостоинству вознаграждено Анат.

Сердце Елены учащённо забилось, она сделала несколько шагов вперёд и опустилась на колени непосредственно перед столом. Из-под опущенных век она заметила, что в углу кабинета сидит молодой монах, как видно, секретарь Жрицы. Он, не стесняясь, с интересом разглядывал послушницу.

— Вчера во время вечерней молитвы богиня открыла мне, что ты должна стать царицей Спарты, — торжественно предрекла непорочная невеста Балу.

У Елены от волнения перехватило дух, однако внешне она не подала виду, продолжая стоять на коленях, опустив очи долу. Она прекрасно знала географию и помнила, что Спарта, или Лакедемон, — это небольшое ахейское царство, которое находится на Юге Эллады.

— Готова ли ты к служению великому делу Девы?..

— Пусть поразит меня молния Балу, если я не исполню волю богини, — ответствовала Елена на арамейском словами с детства заученной священной клятвы. До этого разговор вёлся по-гречески.

— Да исполнится воля Анат!.. — произнесла стандартный ответ Жрица. — Подробные инструкции получит твоя воспитательница. — Она мельком взглянула на стоящую с преклонённой головой у входа Климену и, повернувшись к своему секретарю, добавила: — Брат мой, подготовь соответствующие распоряжения.

Молодой человек склонил голову в почтительном поклоне и стал усердно водить стилем. Верховная жрица вновь занялась бумагами, давая тем самым понять, что аудиенция окончена. Елена тем не менее

продолжала стоять, что было недопустимой вольностью. Однако на этот раз она твёрдо решила добиться своего во что бы то ни стало. Или сегодня или никогда…

— Что ещё? — немного раздражённым голосом спросила настоятельница.

— Могу ли я просить богиню о милости?

— Говори.

— Я хотела бы узнать своё происхождение, — пересохшими губами едва слышно, но твёрдо проговорила девушка.

Верховная Жрица оторвала взгляд от стола и внимательно посмотрела на послушницу:

— Мне докладывали о твоей чрезмерной дерзости, но для миссии, к которой мы тебя готовим, это как нельзя кстати. Однако и тебе следует знать, что все мы рабыни Великой Девы. Тайна нашего происхождения известна лишь богам и суфетам Города. Могу только сказать, что в тебе течёт кровь ахейских басилевсов. А теперь ступай с миром, дитя моё. Да прибудет с тобой Анат! — последние слова настоятельница произнесла стоя.

Задерживаться более было непочтительно. Елена поняла это и решила больше не рисковать. Не поднимая взгляда, она поднялась с колен и пятясь вышла из кельи.

Наверх женщины поднимались молча в сопровождении всё той же черницы. Однако что-то изменилось в её поведении. Если раньше она шла всё время впереди, то теперь у каждой двери сопровождающая почтительно останавливалась, пропуская Елену и воспитательницу вперёд…

— Уже через месяц торговый корабль уносил нас с Клименой на Крит, — продолжила свой печальный

рассказ царица Спарты. При этом она не переставала шерудить уголья в костре, отчего вверх к невидимому своду пещеры взвивались яркие снопы искр. — Там, у критских пиратов, я должна была на практике закрепить всё, чему меня учили в приюте.

Одиссей знал о том, что потомки минойцев, промышлявшие разбоем после крушения империи Миноса, как-то связаны с финикийскими торгашами. Ещё Нестор, не единожды воевавший с морскими бродягами, предупреждал его об этом. Однако он не мог представить себе, что эти связи были настолько тесными и к тому же вели на самый верх, к первосвященникам и суфетам Угарита — одного из крупнейших торговых городов Восточного Средиземноморья. «Вот вам и мирная взаимовыгодная торговля, — подумал он, — нечестная получается игра, господа торговые партнёры». Он зябко поёжился: их одежда ещё не высохла, а в пещере было довольно прохладно.

— На четвертый день плавания, — Елена вздохнула, — показались скалистые берега Крита. Моё сердце замерло от счастья. Наконец-то передо мной была греческая земля. «А вдруг моя родина здесь?!» — с вожделением думала я. Полгода мы с Клименой, изображая богатых угаритских купчих, путешествовали по острову, оставив корабль в устье Амнисия, в бухте у Илифийских скал. Политическая карта Крита на тот момент представляла собой многоцветное лоскутное одеяло, словно наспех сшитое грубыми нитками. Мы объехали десятки городов, ведь на острове их около ста. Я совершенствовала знания языков, особенно греческого, на котором спустя столько лет говорила с заметным акцентом. Для языковой практики Крит был идеальной средой. Тут жили и киконы и коренные жители, разговаривавшие на совер-

шенно незнакомом мне наречии. В западной части острова уже появились дорийские племена. Долгое время мы провели в Кносе у пеласгов, но более всего задержались в белокаменном Ликасте — столице ахейского семиградья. Завершив путешествие по острову и поднаторев в языках, мы тайно перебрались на восточное побережье к корсарам Пиймара. Это было счастливое время. Я принимала участие в пиратских набегах, кровь и слезы рекой текли вокруг нас, а я — лишь упивалась боем, не испытывая ни сострадания, ни жалости. Так прошло ещё шесть месяцев…, моя рука стала твёрдой, как железо, а душа чёрствой и холодной, словно камень.

Глаза Елены загорелись огнём, дыхание стало частым и прерывистым. Она резко поднялась. Стройная тень скользнула по стене, накрыв на мгновение причудливо скачущие по изрезанным сводам пещеры отблески костра. Одиссею вдруг почудилось, что вокруг них беснуется ватага беспощадных морских бродяг с выкрашенными на минойский манер в тёмно-красный цвет волосами. Однако голос рассказчицы вновь сник, плечи опустились. Она присела у костра и обхватила руками колени:

— Дальнейшее вам хорошо известно. Сердобольный царь Спарты легко поверил в мою легенду, особенно, после знаменитого изречения дельфийского оракула, которое, кстати, обошлось Храму в кругленькую сумму. Некоторое время я прикидывалась непорочной принцессой. Затем было небезызвестное тебе, Одиссей, сватовство и моё замужество.

— Каким образом возле тебя вновь оказалась Климена? — Лаэртид посмотрел на служанку. — Ведь рыбаки подобрали только тебя одну.

— Устроить это было несложно. Приёмный отец исполнял все мои капризы, поэтому, когда мне пона-

добилась служанка, я заявила, что выберу её сама. На невольничьем рынке я указала на мою наставницу, мнимую продажу которой среди прочих рабов без труда инсценировали вездесущие слуги Анат.

— Но как случилось, что любящий тебя Менелай столь резко изменился? Даже сейчас, когда я встретил его, мне показалось, что он искренне страдает от разлуки с тобой, в его глазах читались любовь и ревность.

— Вот именно, ревность... Он всегда относился ко мне, как к своей собственности, как к дорогой игрушке, но не более того. Все замечали мой своенравный характер, мои прихоти и капризы, но никто, да чего греха таить, даже я сама не разглядела в своём суженом расчетливого и беспринципного властолюбца. Все его ухаживания, вся кажущаяся страсть, буквально, каждый шаг, каждый жест, всё подчинялось лишь одной цели — вожделенной короне Лакедемона. У меня нет прямых доказательств, но я уверена, что внезапная смерть моих приёмных родителей не обошлась без козней Менелая и его старшего брата. Однако моих хозяев вполне устраивал подобный расклад, и, как только Менелай занял трон, а я, соответственно, стала царицей, Храм начал действовать. Связь с Угаритом мы поддерживали через часто посещающих Лакедемон ханаанских купцов, а вскоре в Спарте под видом богатого милетского судовладельца поселился Пиймар, известный вам как Агесилай. Основной нашей задачей был поиск скипетра царя Миноса, с помощью которого Угарит собирается предъявить претензии на гегемонию во всей Эгеиде. Но суфеты прекрасно понимают, что сам жезл лишь символ власти, на пути к которой стоит ахейский союз и Троя. Поэтому когда Менелай потребовал от меня соблазнить троянского

посланника Париса, нам стало ясно, что столкнуть лбами ахейцев и троянцев не составит труда. Эта война полностью на руку Угариту, и чем дольше она продлится — тем лучше. Однако Храм считает, что, пока не найден скипетр, конфликт лучше не начинать. Ведь во время военных действий поиски жезла могут существенно осложниться. Поэтому на время я и Парис были спрятаны здесь, на Крите.

— Почему же они решили, что сейчас настала пора отправить вас в Трою? Ведь ты сказала, что Паламед вчера договорился с пиратами об этом.

— К сожалению, я всего не знаю, ведь мы лишь пешки в этой игре. Но давеча Пиймар проговорился Климене, что скипетр практически у него в руках, и он готов передать его служителям Храма. — Все посмотрели на служанку. В подтверждение слов Елены та едва заметно кивнула.

— Мы должны во что бы то ни стало найти скипетр первыми! — Одиссей встал и принялся нервно расхаживать у костра.

— Но где его искать? — Афина вопросительно посмотрела на мастера.

— Елена, ты сказала, что ночью сможешь вывести нас отсюда, не так ли? — задал риторический вопрос Лаэртид. Девушка кивнула. Весёлые искорки замелькали в глазах хитроумного правителя Итаки. — Есть у меня одна идея… но давайте-ка сначала хорошо выспимся, нам предстоит долгий и опасный путь.

Небольшой рыбацкий баркас весело скакал по серебристым бликам лунной дорожки. Паруса были развернуты «на бабочку» и туго набиты попутным дыханием Эвра. Меж плавными изгибами передних шкаторин повис бледный обол Селены. Шла третья доля ночи…

Высокий кряжистый берег Крита, чёрная громада которого дыбилась по левую руку, был прекрасным ориентиром. Одиссей правил вдоль побережья, не слишком удаляясь, но и не приближаясь к нему. Шли молча. Сёстры умостились на носу, среди насквозь пропахших рыбой и водорослями сетей. Подле ног спартанской царицы прорисовывался неподвижный силуэт верной служанки. «Вот тоже бестия, — подумал Одиссей, — уже почти сутки вместе, а я так и не слышал от неё ни единого слова». Укутавшись в косматое руно, «воинство Анат» дружно посапывало. «Ещё бы, столько пережить! Воины, жрицы, амазонки… а как ни крути — всё бабы».

У Лаэртида больше не оставалось сомнений в правдивости исповеди Елены. Из слов царицы явствовало, что во главе заговора стоит её муж, друг Одиссея — Менелай. Это он устроил мнимое похищение жены и заставил её обольстить Париса, чтобы развязать войну с Троей. План был дьявольски прост. Одиссей мог лично убедиться, что правитель Илиона Приам готов на всё, даже на войну с Микенами, лишь бы вернуть домой блудного сынка. «А сам я? Тоже хорош… — со злостью подумал он. — Да он меня просто использовал! Ревность Менелая всего лишь маска, за которой скрывается алчный властолюбец».

Одиссей поёжился, утро было довольно свежим, к тому же выпала роса. «Как быть?.. Позади пираты, которые уже приговорили нас к смерти. Впереди побережье Пелопоннеса, где правят вероломные Атриды. Они уж точно никак не жаждут возвращения Елены и пойдут на всё, чтобы правда никогда не открылась. Верно сказал Нестор — правда не нужна никому. Так неужели война?.. Нет, этого допустить нельзя! Рано ещё воевать с Троей. Рано! Любой ценой необходимо продлить перемирие хотя бы на несколько лет. Ат-

риды своей неуёмной жаждой власти влекут ахейскую цивилизацию к неминуемому краху. Сейчас на стороне Илиона выступит вся Малая Азия».

— Мы можем укрыться только у Нестора, — словно читая мысли Одиссея, громко сказала Афина. Оказывается, она не спала и тоже размышляла над создавшейся ситуацией.

— Да, но как нам добраться до Пилоса? Проливы наверняка блокирует спартанский флот.

— Днём прикинемся рыбаками, а ночью попытаемся проскользнуть мимо Антикитиры, — не унималась воинственная амазонка.

— Идея неплохая, но чересчур рискованная. Кроме того, на этакой лохани нам вряд ли удастся повернуть в Пилос против господствующего в Египетском море Борея. Как пить дать, отнесёт к ливийскому берегу.

— Бесстрашный Одиссей боится гнева бога ветров Эола, — усмехнулась девушка.

Одиссей поморщился и ничего не ответил. Некоторое время шли молча. Ветер заметно посвежел, над пиками Критских гор показались рваные края косматых туч.

— Надо уходить мористее, пока работает ночной бриз, — вновь заговорил Одиссей. — Да и светает… Не ровен час, заметят с берега. Я вовсе не боюсь встретить морских разбойников, — поспешно добавил герой, перехватив надменный взгляд помощницы. — Однако согласись, было бы верхом беспечности вновь нарваться на пиратов.

Афина промолчала и, повернувшись на левый бок, плотнее закуталась в шерсть. Разговор явно не клеился. Что ж, расследование завершено, стали понятны все рычаги этого запутанного дела. Однако друзей это не радовало. Если два самых могущественных эгейских правителя хотят войны, к тому же

их подталкивает к этому чуть ли не вся торговая элита Средиземноморья, значит, войны не избежать. Кто может противостоять такой силище! Даже если Одиссей выступит на совете и раскроет козни Атридов и их сторонников. Кто поверит царю маленького острова? Где доказательства? Ведь Елену предъявить нельзя.

Афина вдруг приподнялась на локте. Думая, что она хочет что-то сказать, Одиссей наклонился вперёд. Однако девушка вытянула руку, указывая куда-то вдаль позади курса. Лаэртид обернулся. Не далее как в семи стадиях от них в предрассветных сумерках виднелись пять парусов. Сомнений не было — это пираты. Слишком хорошо героям были знакомы эти узкие высокие ветрила.

— Разрази меня гром! Накаркал — таки, — зло выругался царь Итаки.

— Но откуда они могли узнать, что мы живы?

— Скорее всего, они ищут меня и Климену. — Елена тоже проснулась и села, пристально всматриваясь в горизонт.

Одиссей завертел головой, лихорадочно пытаясь найти выход из сложившейся ситуации.

— Может, они нас ещё не заметили... Я попробую прижаться к берегу, уйти в тень скал. Пересаживайтесь-ка все на корму. Афина, надо подобрать паруса, пойдём в полветра.

Амазонка решительно сбросила мохнатую овчину и, стараясь не опрокинуть узкую лодку, стала пробираться на корму поближе к рулевому, вслед за ней двинулись Елена и её верная подруга. Когда все устроились, царь Итаки начал выполнять сложный манёвр. Положив рулевое весло полностью на правый борт, он заставил лодку резко изменить курс в сторону береговой линии. Там, не более чем в полу-

тора стадий распростёрлась густая тень, отбрасываемая высокими скалами острова.

— Удивительно, как хорошо слушается руля эта посудина, — быстро выбрав и закрепив ослабший шкот, сказала Афина.

Заполоскавший на ветру парус уже через мгновение вновь застыл, наполненный живительным бризом. Баркас, повернув к ветру, послушно заскользил в сторону спасительной темноты.

— Да, завидная лёгкость в управлении. Теперь я понимаю, почему пираты не строят больших кораблей, а пользуются рыбацкими судами.

Лаэртид оглянулся назад. Пиратские камары шли прежним курсом. «Может, всё-таки не заметили?..» — мелькнула спасительная мысль. Однако, пройдя ещё немного попутным курсом, бандиты в точности повторили манёвр Одиссея. Сомнений не оставалось — беглецы замечены.

— Лукавые боги! — едва слышно выругался герой. Афина укоризненно посмотрела на патрона.

— Что будем делать?

— Готовиться к худшему. На таком курсе они нас догонят не раньше, чем мы скроемся в тени скал. Бандиты не знают, сколько человек у нас на борту. Так что вам вновь придётся стать русалками и прыгать за борт. — Сёстры удивлённо посмотрели на Одиссея, но он продолжал не терпящим возражений тоном: — Повторяю, прекрасные ундины, как только мы скроемся в тени скал, спрыгнете за борт и поплывёте к берегу. Сейчас трудно определить расстояние до острова, но к тому моменту останется не более двух-трёх стадий. Вам, как воинам-жрицам Анат, я думаю, несложно будет преодолеть это расстояние, — пояснил свою мысль Лаэртид. — И.. без возражений, если я буду один, мне легче будет сказаться рыбаком. Авось

и пронесёт... ведь они меня давеча утопили и теперь ищут только двух женщин.

Афина, ничего не отвечая, молча смотрела на Одиссея. Ей явно не нравилась эта затея. Остальные нимфы без слов стали снимать одежды.

— Если они меня схватят, — не обращая внимания на строгий взгляд помощницы, продолжил излагать свой план хитроумный сын Лаэрта, — придётся вам самим пробираться в Пилос к Нестору. Только он может нарушить планы заговорщиков. Сейчас самое главное, чтобы Елена не попала к ним в руки.

Понимая, что план Одиссея прост, а поэтому вполне осуществим, женщины пригнули головы, чтобы не быть случайно замеченными. Тем временем расстояние между беглецами и преследователями стремительно сокращалось. Рыбацкому баркасу явно не задавалась гонка с корсарскими судами. Кроме того, чем ближе герои подходили к берегу, тем слабее становились порывы спасительного бриза, тем чаще полоскал парус. Злодеи же пока ещё не достигли ветровой тени острова и неслись на полных парусах.

Но вот, наконец, баркас накрыла спасительная тень. Ещё немного и можно будет прыгать за борт. Скорость упала вовсе, лодка двигалась лишь по инерции. Позади уже стали слышны голоса преследователей... Вдруг произошло невероятное. Злодей, который зажёг на передней камаре факел, чтобы получше осмотреться в тени береговых скал, внезапно бросил пылающий шест в воду и стал показывать куда-то в море. Пираты заметались, стало слышно, как по палубе застучали десятки ног, предрассветную тишину разразила витиеватая тирада нецензурной брани. Вслед за этим камары, как по команде, совершив лихой поворот оверштаг, легли на обратный курс.

Одиссей вцепился в плечо собравшейся было прыгать за борт Афине. Герои застыли, не понимая, что могло так напугать разбойников и каких богов славить. Однако вскоре их изумление перешло в ликование. С подветренной стороны, прямо вдоль границы серебра, ещё щедро рассыпаемого по водной глади заходящей Селеной, в направлении пиратов бесшумно скользили три тёмных силуэта. Без сомнений, это были военные корабли. В бледном свете луны легко угадывались профили двух пятидесятивёсельников. Третье судно было значительно меньших размеров. Зато оно явно превосходило флагманы в скорости и опережало их почти на полстадия. Вся флотилия неслась полным вёсельным ходом наперерез морским разбойникам. Вскоре стали явственно слышны ритмичные команды келевстов[1].

Пираты запаниковали. И было из-за чего. Они находились далеко не в выигрышной ситуации. Во-первых, увлёкшись погоней за баркасом наших героев, они слишком поздно заметили опасность и позволили военному патрулю слишком приблизиться. Теперь путь под ветер был напрочь отрезан, и корсары, убрав парусину, вынуждены были выгребать против набирающего с рассветом силу бриза. Им попросту некуда было деваться. Тяжёлые военные пентеконтеры[2], уступающие пиратским камарам в скорости при слабых ветрах, теперь, при движении на вёслах, с каждым гребком неумолимо сокращали дистанцию. Более того, идущая впереди наперерез злодеям лёгкая галера стремилась отрезать морских бродяг и от фосфорицирующей прибоем береговой черты. Ситу-

[1] Келевст — начальник гребцов, задающий такт.

[2] Пентеконтера — пятидесятивёсельный военный корабль.

ация для пиратов с каждой минутой становилась всё более и более безысходной.

Осознав, что на вёслах от погони не уйти, джентльмены удачи решились на отчаянный шаг, а именно — принять бой. Надо отдать должное удали флибустьеров! Их корабли снова развернулись, поставили все паруса и стали выстраиваться в линию. План был прост: попытаться на полном ходу проскочить сквозь чрезмерно растянувшийся строй военного патруля и уйти под ветер. Причём ради успеха лихой затеи разбойники решили пожертвовать частью своего флота. Это стало совершенно ясно, когда экипажи двух камар стали на ходу пересаживаться на остальные лодки. Они решили навязать противнику таранный удар — просто насадить на ростры патрульных судов два своих корабля, тем самым обездвижить их и предотвратить погоню. Из-за развёрнутых на камарах парусов все уловки пиратов были скрыты от военных, зато их прекрасно видели наши герои.

— Кажется, мы становимся свидетелями грандиозной тавромахии[1]. — Одиссей и все находящиеся в баркасе встали, чтобы лучше видеть происходящее.

— И кто же на этой корриде двурогие? — хором спросили воительницы, которым не раз приходилось участвовать в критских играх с быками.

— Я думаю, патрульные корабли. Смотрите, флибустьеры их нисколько не боятся, я бы сказал, наоборот, дразнят, — восхитился лихостью разбойников царь объятой морем Итаки.

На родине ему не раз доводилось мериться силой с джентльменами удачи. Иллирийцы — ближайшие морские соседи Лаэртида — часто совершали пиратские набеги на его северные владения. Но они были

[1] Тавромахия — бой быков

совершеннейшими дикарями, да и лодок таких у них отродясь не водилось. Между тем некая родственная связь в действиях разбойников безусловно была. Одиссей это уловил моментально. Удаль, патологическая лихость: «пан или пропал». Нечто инстинктивное, звериное, сродни действиям загнанной в угол крысы. Всё это в сочетании с генетической способностью всех, кто рождён у пенного брега, чувствовать стихию. Вот что связывает пиратов, корсаров, флибустьеров всех времён и народов…

Зрелище было воистину экстраординарное. Причём с верхних палуб военных кораблей с неменьшим изумлением взирали на происходящее построившиеся для боя эпибаты. Морские пехотинцы никак не могли понять уловку пиратов: «Ну, в самом деле, не собираются же они нас атаковать?!»

Тем временем кормщики патрульной эскадры посвоему поняли этот манёвр. Они решили, что разбойники хотят сдаться, и стали сокращать дистанцию между бортами. Таким образом, если тяжёлые суда по-прежнему шли на супостата, что называется, лоб в лоб и постепенно сближались, то рулевой галеры стал забирать мористее и наветренней, чтобы сохранить возможность для манёвра.

Дальнейшие события разворачивались стремительно. Уже достаточно рассвело, и наши герои могли без труда насладиться зрелищем. Когда противники сблизились на расстояние выстрела, со стороны пиратов посыпался град стрел и камней. Быстро сообразив, что неприятель капитулировать вовсе не собирается, военный патруль ответил ещё более мощным залпом. Так как стороны подготовились к бою заранее, смертоносный град, не причинив особого вреда, быстро иссяк. Наконец на военных кораблях перестали удивляться удали корсаров и, заметив по-

дозрительно малое количество экипажа на двух передних камарах, разгадали хитрость. Надо отдать должное наварху патрульной эскадры. За те мгновения, что оставались до неминуемого столкновения, он принял единственно верное решение. Когда казалось, что уже вот-вот две передние камары, наскочив на тараны вояк, скуют их маневренность и дадут возможность остальным кораблям разбойников беспрепятственно уйти, патрульные суда неожиданно начали поворот. Правильно рассчитав, что удар лёгких пиратских лодок не принесёт существенного вреда мощным корпусам военных кораблей, командир эскадры решил подставить под удар борта своих судов и тем самым преградить дорогу к бегству всем разбойникам.

Ответ корсаров не заставил себя ждать. Увидев, что их хитрость раскрыта, и предоставив два передних корабля своей судьбе, остальные камары, не снижая скорости, привелись к ветру и ринулись к спасительному побережью. Пиратам ничего не осталось более, как выбросить корабли на линию прибоя и спасаться бегством среди скал.

Этот отчаянный манёвр бандитов моментально превратил наших героев из сторонних наблюдателей в непосредственных участников корриды. На них с бешеной скоростью неслись три пиратских корабля. Напоследок злодеи решили расквитаться с виновниками своей непростительной оплошности. Отгребать в сторону было уже поздно, поэтому все четверо, не сговариваясь, сиганули в воду в надежде прикрыться баркасом аки щитом. Ещё через мгновение камары раздавили их челнок в щепки.

— Будет весело, если военный патруль принадлежит Атридам. Вот уж действительно, из огня да в полымя, — грозя кулаком вслед уносящим ноги пи-

ратам, Одиссей, словно пастух, пересчитал своих русалок. Вроде бы все были на плаву.

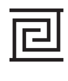
Остальную часть погони пришлось наблюдать с уровня воды, а вскоре героев подобрал лёгкий военный корабль, так как пятидесятивёсельники, стараясь догнать пиратов, полным ходом пронеслись мимо. Радости Одиссея не было предела — с борта флагмана ему приветливо махал рукой правитель песчаного Пилоса мудрый Нестор. Хвала Зевесу! Это были мессенцы!..

Глава десятая

СКИПЕТР МИНОСА

Добычей мессенского военного патруля стали три пиратские камары и дюжина разбойников. Остальным, к сожалению, удалось скрыться среди береговых скал. Но самым главным сюрпризом оказалось то, что в трюме одной из пиратских лодок находился пленник, который сейчас был Одиссею не менее дорог, чем родной сын. Вскоре весь в синяках, но, «слава олимпийцам!», целый и невредимый, перед хозяином предстал Эвмей. Афина, словно родная мать, обняла и расцеловала юного героя, совоокие глаза амазонки заблестели от слёз. Мальчишка вначале держался, но потом тоже разревелся. И действительно, ему пришлось перенести столько страха и лишений, что хватило бы на всех, ведь пираты вознамерились продать его в рабство.

Мудрый правитель Пилоса приказал своим воинам разбить лагерь на берегу. Во-первых, чтобы дать солдатам отдохнуть после столь удачного рейда, а во-вторых, чтобы обсудить дальнейшие действия. Когда все собрались в тени скал у костра, старец попросил друзей подробно рассказать о том, что произошло, с тех пор как они расстались. Когда Одиссей окончил повествование, Нестор встал и обратился к присутствующим со следующими словами:

— Друзья! Вы все претерпели великие испытания ради того, чтобы сохранить мир на земле Эллады. Хитроумному Одиссею удалось отыскать Прекрасную Елену, кроме того нам стало известно местонахождение логова пиратов Пиймара, и завтра мой флот ударит по их базе. И всё же, нам нечего предъявить совету старейшин. Если Елена появится в Спарте и

правда откроется, её ждёт позор и смерть. Вряд ли можно рассчитывать хотя бы на изгнание. Если же мы скроем правду и представим дело так, что всё же Парис обманом и силой увёл царицу, то война с Троей станет неизбежна. Ни один из этих сценариев нам не подходит. Кроме того, мы все прекрасно понимаем, что Менелай и Агамемнон ни за что не оставят в живых свидетельницу своих козней. Поэтому единственный выход из создавшейся ситуации я вижу в том, чтобы до времени спрятать Елену от людских глаз. Наиболее подходящее место для этого, без сомнений, Египет. Я имею в виду храм Амона-Ра в Фивах. Афина, тебе, конечно, придётся сопровождать туда свою сестру и её верную служанку Климену.

— Но мы не можем оставить поиски сейчас, когда почти вплотную приблизились к разгадке… — Афина вскочила и гневно посмотрела на седого старца.

— Сядь, дитя моё, и не забывай, что всем вам, кроме того, угрожает смерть от рук агентов угаритского Храма Девы.

— Никто из нас не боится храмовых слуг. Более того, мы жаждем встречи с ними, чтобы расквитаться за наше похищенное детство и обманутую юность, — поддержала сестру Елена.

— Никто не сомневается в вашей храбрости, прекрасные валькирии. Я уверен, что вам под силу справиться с дюжиной агентов Храма, но не забывайте, что на их стороне Пиймар со своими головорезами. Да, мой флот завтра же разгромит пристанище разбойников. Но кто даст гарантию, что в наши сети попадёт сам Пиймар… А пока он на свободе, под угрозой не только ваши жизни, но и судьбы войны и мира. Ему не составит особого труда набрать новых флибустьеров. Мы же рисковать не можем. Если ты, Елена, попадёшь в руки Пиймара — войны не миновать.

Как мы знаем, он уже решил отправить тебя в Трою вместе с Парисом, и можешь не сомневаться, злодей выполнит своё обещание, пусть даже и против твоей воли, царица. — Назвав Елену подобающим титулом, Нестор тем самым подчёркивал, что полностью доверяет ей и по-прежнему считает правительницей Лакедемона. — Нам же с тобой, Одиссей, предстоит нелёгкая задача убедить геронсию в том, что настоящим врагом ахеян является вовсе не Троя, а Угарит и критские пираты. Для этого мы должны привести веские доказательства и неопровержимые улики. Одной из таких улик является священный скипетр царя Миноса. Мы должны во что бы то ни стало найти жезл до того, как им завладеют пираты или слуги Храма Анат. Пока мы не предъявим скипетр, нам не удастся убедить совет старейшин в том, что он действительно существует. Ведь многие из данаев, как ещё недавно и ты сам, не верят в реальность жезла и считают его всего лишь частью древней легенды. Эта уверенность прочно засела в главах ахейских басилевсов. Тесей, а я уверен, что это сделал именно он, надёжно укрыл скипетр от людских глаз. Афинский герой прекрасно понимал, какую угрозу представляет жезл для насаждённых им в Аттике, но ещё не утвердившихся демократических порядков. Оставим на его совести распространение пагубных идей правления черни. Мы-то с тобой придерживаемся диаметрально противоположных взглядов. Общество не может существовать без твёрдой и, я это подчёркиваю, абсолютной царской власти. Однако сейчас неважно, зачем Тесей спрятал скипетр. Даже не столь уж важно, какая тайна скрывается за всем этим. Важно совсем другое, а именно: сакральный жезл может попасть в руки пиратов или, что ещё хуже, в руки беспринципных угаритских суфетов. Если это произойдёт, все наши

внутренние споры о наилучшей форме правления и о том, кто достоин властвовать над кудреглавыми данаями, а кто нет, померкнут пред угрозой полного порабощения Ахайи и уничтожения эгейской цивилизации. Что ты на это скажешь, многоумный ванак скалистой Итаки?

Во время монолога друга сын Лаэрта не проронил ни слова, он внимательно слушал старца и в задумчивости чертил на песке какие-то знаки:

— Я полностью поддерживаю тебя, мудрейший правитель Пилоса, но наши действия должны быть согласованы, слишком многое ставится на карту. Как нам убедить Атридов в пагубности войны с Илионом? Их властолюбие не ведает границ. — Одиссей направил свой взгляд на собеседника, старец как будто ждал этого вопроса:

— Надо открыть Агамемнону глаза на действительность. Но без неопровержимых улик и веских доказательств нам не убедить его в предательстве Паламеда и в том, что брат использует его.

— А как же захват «Ивлии»? Части экипажа царского корабля удалось вырваться из рук разбойников и они наверняка уже в Микенах. Не мог же царь сам подставить под ножи флибустьеров своих людей? Я уверен, все они будут свидетельствовать против Паламеда.

— Не хотел вас расстраивать, но вчера мы наткнулись на обломки кораблекрушения, видимо, это была та самая камара, на которой экипажу «Ивлии» удалось бежать из плена. Все, кто был на борту, погибли. Лишь старый кормщик был ещё жив, ему удалось ухватиться за обломок мачты и выплыть, однако когда его подняли на борт, нить его души уже была в руках Атропос. Он лишь успел поведать нам, как отыскать вас.

Вокруг костра повисло тяжёлое молчание, Одиссей и Афина с болью в сердце вспоминали своих бесстрашных друзей, то же самое ведь могло произойти и с ними.

— Мой флот вот уже пятый день бороздит Критское море в надежде обнаружить базу пиратов, — прервал паузу Нестор. — Ты же помнишь замаскированное под пастушью свирель послание, что мне удалось перехватить. Мы никак не могли понять, кому оно предназначено, теперь же из твоего рассказа стало очевидно, что получатель шифровки от пиратов — Паламед.

— Так вам удалось прочесть то письмо?

— В конечном итоге да, но для этого понадобилось время. Оно было написано угаритской алфавитной клинописью и зашифровано так называемым обратным шифром. Каждому отверстию соответствовал один из знаков алфавита, причём первая от мундштука дырочка соответствовала последнему символу, а продетая через отверстия шерстяная нить указывала порядок чтения. Кроме того, гласные звуки на манер финикийского письма отсутствовали. Всё это несказанно усложнило дешифровку. И всё же текст был прочитан. Так вот, в послании говорилось, что Елена находится у пиратов где-то в восточной части Крита. Точное местонахождение не указывалось, адресату было лишь предложено в определённый день прибыть к проливам, ведущим в Икарийское море. Как только я узнал это, то сразу же направил в район Икарии военные корабли, но они, как теперь стало ясно, опоздали. Паламед к тому времени уже успел передать вас и «Ивлию» в руки разбойников.

— Но как он смог узнать содержание письма, ведь оно к нему не дошло?

— В этом есть моя вина. — Мудрый старец опустил глаза. — Ещё на совете старейшин, когда я предъявил псевдосвирель в качестве доказательства причастности пиратов и финикийцев к похищению царицы, многие басилевсы брали в руки шифровку. Мне и в голову не могло прийти, что предатель среди нас, а уж тем паче, что он сможет прочесть текст. Однако, как мы поняли позднее, если знать код, прочесть письмо проще простого. Вот Паламед и воспользовался этим.

— А если мне всё же вернуться в Спарту и рассказать о кознях Атридов на совете старейшин? — предложила Елена.

— Тебе никто не поверит, царица. Ты же знаешь, по ахейским законам, жена не может свидетельствовать против мужа. Никаких доказательств, кроме слов, у тебя нет. А главное, как только ты попадёшь в руки царских эфоров, я не дам за твою жизнь и обола.

— Ну что ж, в целом я согласен с тобой, мудрый Нестор. — Одиссей прекратил рисовать на песке и бросил хворостинку в костёр. Пламя занялось чуть ярче, но уже мгновение спустя выровнялось без следа, словно мойры бессмертную душу, поглотив жертву. — Ты сказал, что завтра намерен ударить по логову Пиймара. Так?

— Без промедления сделаю это. Мы выступим, как только мой флот соединится с нами, а это произойдёт ближе к ночи. Бой предстоит нешуточный, ты сам говоришь, что разбойники отлично вооружены, а сегодня мы смогли убедиться, что они не робкого десятка. Поэтому тебе, Лаэртид, могу для поисков выделить лишь ту лёгкую галеру, что подобрала вас сегодня в море.

— Что ж, этого вполне достаточно. А раз у тебя каждый воин на счету, имеет смысл, чтобы женщины

пока оставались со мной. Долго мои поиски не продлятся, кажется, я знаю, где искать священный скипетр Миноса. — Одиссей обвёл присутствующих лукавым взглядом.

Все замерли в изумлении. Лаэртид ещё немного потянул паузу, но, видя, что его друзья достаточно заинтригованы, продолжил:

— Ты говорил, мудрый Нестор, что в том страшном лабиринте, где Тесей убил Минотавра, скорее всего хранился именно скипетр. Более того, ты уверен, что афинянин нашёл жезл и перепрятал его.

— Клянусь Посейдоном, я в этом более чем уверен.

— А ты, Елена, помнится… ещё до свадьбы рассказывала нам, что, когда тебя похитили в первый раз, а сделали это Тесей и царь лапифов Пирифой, афинянин не раз повторял одну и ту же непонятную фразу.

— Прекрасно помню тот день. Я исполняла ритуальный танец в храме Артемиды, и вдруг какие-то старики схватили меня. Когда они вошли в храм, я даже не придала этому значения, откуда мне было знать, что два почтенных пожилых человека вдруг накинутся на маленькую беззащитную девочку. Их счастье, что они застали меня врасплох, а то бы я им показала, что умеют воины Храма Девы… А затем, действительно, Тесей все время похвалялся, что наконец в его руках обе вещи, которые угрожают демократии. Ну и натерпелась же я тогда страху, ведь мне было всего четырнадцать.

— Теперь мне совершенно ясно, что под второй вещью, уж прости, царица, — Одиссей улыбнулся, — он имел в виду тебя.

— Бесчувственный мужлан, он действительно не воспринимал меня как женщину. — Елену даже сейчас не покидало врождённое кокетство, ей явно не хотелось вспоминать о том, кто не позарился на её бо-

жественную красоту. Она насупилась и укоризненно посмотрела на супруга Пенелопы. — Ты ведь тоже предпочёл мне двоюродную сестру.

Однако Лаэртид пропустил мимо ушей кокетство царицы и задал, естественно вытекающий из предыдущих умозаключений вопрос:

— А что тогда было первой вещью?!

— Скипетр!!! — забыв о правилах приличия, буквально закричал Эвмей. Нестор бросил укоризненный взгляд на мальчишку, а служанка и наставница спартанской царицы Климена пребольно ущипнула его за ухо. От этого твердое окончание слова «скипетр» переросло в протяжное а-а-а…

— Ты совершенно прав, малыш, — подбодрил слугу Одиссей и продолжил: — Как мы все знаем, демократические порядки не прижились в Афинах, Тесей был изгнан согражданами и после долгих мытарств окончил свои дни в безвестности где-то на острове Скирос. Говорят, его столкнул со скалы царь аборигенов Ликомед. Туда же, на остров, вслед за ним отправилась и престарелая мать героя — Эфра. Елена, она ведь долгое время была у тебя в услужении?

— Да, я не могла спокойно смотреть на то, как она всё время плачет, и отпустила её с миром.

— А теперь скажи ты, Афина. Где мы с тобой видели необыкновенное свечение серьги, что отдал мне мнимый Агесилай, или, как теперь мы знаем, главарь пиратов Пиймар?

— У скал на южной оконечности Скироса во время того шторма на пути в Трою.

— О какой серьге идёт речь? — вмешался Нестор.

— Вот об этой. — Одиссей достал из кожаного подсумка украшение и передал его в руки старца.

— Скажи, мудрейший, не напоминает ли тебе что-либо эта прелестная безделица?..

— Я никогда не видел священного скипетра морского владыки, однако, бьюсь об заклад, что передо мной его точная, но уменьшенная в десятки раз копия.

Всё это время Елена пристально смотрела на серёжку. Наконец она взяла драгоценность из рук Нестора, повертела её в руках и, обернувшись к наставнице, удивлённо спросила:

— Но ведь это твоя вещь, Климена? Я помню, эти серьги появились у тебя, когда ты вернулась из Угарита с указанием от настоятельницы Храма Девы внедрить меня в окружение царя Спарты... А где вторая?

— Ты, как всегда, права, моё дитя, — сказала черница, — эти серьги мне действительно вручила Верховная Жрица, когда я отправлялась на Крит, чтобы переправить тебя в Спарту. Она сказала, что это награда за мою долгую и верную службу. Но, к сожалению, серьги пропали во время нашего вынужденного бегства из Лакедемона. Я не имею понятия, о каком свечении говорит благородный правитель Итаки.

— Это похоже на правду, — подтвердил Одиссей, — когда Агесилай, то есть Пиймар, отдавал мне серьгу, он сказал, что их обронила одна из твоих служанок, Елена. Кроме того, он добавил, что на женщине была шаль финикийской работы с узором из цветов.

— Климена и в правду носит такую шаль, — подтвердила царица Спарты.

— Ну что ж, всё сходится, — резюмировал Лаэртид, — морской владыка Минос хранил скипетр в лабиринте под охраной Минотавра, или буквально — быка Миноса. Уж не знаю, что это было за чудовище, возможно, правы те, кто говорит, что Тавром просто звали одного из полководцев царя, которому и была поручена охрана сокровищницы. Так или иначе, но

Тесею удалось его одолеть. А так как жезл является символом безграничной власти в Эгеиде, афинянин спрятал его от людей. Ведь он хотел предложить соплеменникам альтернативную форму правления — демократию, что означает власть народа. Но великий афинянин не знал, что скипетр можно найти при помощи этих серёг. — Одиссей прервался и посмотрел на женщин:

— Неужели настоятельница не сказала вам, что жезл Миноса следует искать с помощью этих самых серёг?

— Клянусь Девой, я об этом не знала, — ответила Климена.

— И я впервые слышу об этом, — подтвердила слова наставницы лепокудрая Елена.

— Странно!.. — Одиссей пристально посмотрел в глаза служительниц Девы. — Ну, да бог с ним, главное, что мы теперь знаем, как его найти.

— Но как?! — воскликнули все хором.

— Очень просто. Мы сейчас же отправляемся на Скирос. Я уверен, что скипетр находится в могиле Тесея.

— Но остров огромен, со времени смерти афинского героя прошло много лет, говорят, могила его давно утеряна. Как ты хочешь найти её, многоумный сын Лаэрта? — вопросил Нестор.

— Уж не знаю, каким чудодейственным образом возникает это свечение, но уверен, что оно будет усиливаться по мере нашего приближения к жезлу. Ты же помнишь, Афина, как мерцание серьги становилось всё слабее и слабее, а затем вовсе прекратилось.

— Да, но это происходило с восходом Эос.

— А вот и нет, — воскликнул Одиссей, — теперь-то я уверен, что сияние меркло по мере нашего удаления от острова. А значит, могилу Тесея и скипетр сле-

дует искать на южной оконечности Скироса. Серьга должна указать нам верную дорогу!..

Не раздумывая долго, Нестор подозвал наварха той самой тридцативёсельной галеры, которая спасла наших героев, и отдал необходимые распоряжения по подготовке к отходу. Корабль поступал в полное распоряжение царя Итаки и должен был отчалить ещё засветло. Наварх склонил голову в знак полного повиновения. Лаэртид с завистью наблюдал как беспрекословно подчиняются мессенцы своему мудрому правителю. «Вот уж воистину, басилевс, достойный подражания. По возвращении домой надо будет вести себя немного построже со своими подданными. У меня в царстве вроде как ещё не демократия, а каждый богатей или аристократ делает, что хочет. Да вот сейчас и начну, а то привыкли: Одиссей самый благородный… самый справедливый…»

— Эй, Эвмей, Афина, берите царицу и быстро все на борт, располагайтесь там поудобней и спать, завтра нам предстоит весь день провести в море, а послезавтра к утру, да будет к нам благосклонен земледержец, будем на Скиросе.

Судя по тому, что все зашевелились и потянулись в сторону корабля, опыт удался. Возле костра остался лишь Одиссей и его мудрый друг.

— Вижу, что-то мучит тебя, хитроумный сын Лаэрта? Говори всё без утайки, *чтобы я мог всю истину ведать*. Нам с тобой надо полностью довериться друг другу, иначе дело не выгорит.

— Что ж, мудрый Нестор, ты прав. Мне действительно не дают покоя некоторые обстоятельства…

— Говори, поразмыслим вместе, глядишь, и разрешим твои сомнения.

— Всё, что я изложил только что, выходит, конечно, складно… Однако, видят боги, не понимаю,

почему Агесилай, то бишь, Пиймар, сам отдал мне серьгу.

— Может, он действительно не подозревает о её истинном предназначении?

— Так то оно так, но ведь Климена сказала, что утеряла их обе.

— Он вполне мог найти лишь одну.

— Возможно, возможно... Но скажи мне, можешь ли ты поверить, чтобы пират взял и просто отдал кому-нибудь этакую драгоценность? Добропорядочный судовладелец — да, но разбойник — никогда.

— Из твоих слов следует, что сделал он это намеренно. Но какова цель этого мнимого альтруизма? — Нестор внимательно посмотрел на собеседника.

— В том то и дело. Меня не оставляет чувство, что я по-прежнему пляшу под его дудку.

— Каким образом?

— Как видно, не один Агамемнон ценит мои дедуктивные способности. Мне кажется, пираты за мной следят и выжидают момент, когда я приближусь к разгадке.

— Это исключено, Лаэртид, вокруг на сотню стадий мои патрули, они бы сразу заметили слежку.

— Значит, у него есть какой-то козырь, о котором мы не догадываемся. Кроме того, скажи на милость, зачем нужно было устраивать весь этот спектакль с моим пленением? Неужели лишь для того, чтобы тут же меня утопить? Не проще ли было прикончить меня ещё на «Ивлии»? Не понимаю!.. И это второе, что не даёт мне спать спокойно.

— Всяко может быть. Однако не усложняй, Одиссей. Это же просто пираты. Хотели вначале получить за тебя выкуп — это их принцип. Корсары никогда сразу не убивают богатых пленников. А потом пораз-

мыслили, что ты слишком много знаешь, и решили лучше не рисковать. Разве что…

— Вот и я думаю. А если это очередная игра нашей пышнокудрявой… О боги! Язык можно сломать… лепокудрой царицы? — словно прочёл мысли друга Одиссей.

— Нет, Елене я верю, сейчас даже неудобно, что я подозревал её, а вот верная служанка царицы вполне может быть подсадной уткой. — Нестор обнял Лаэртида за плечи. — Будь осторожен, не выпускай её из виду. Если она действительно как-то связана с пиратами, то это рано или поздно откроется.

— За последний месяц мне два раза спасала жизнь женщина, не к добру это. — сменил тему разговора Одиссей.

— Ты же не суеверный.

— Если бы ты видел свечение серьги, то тоже стал бы верить во всякую чушь. Просто дьявольщина какая-то! И ещё, когда Пиймар отдавал мне украшение, он сказал буквально следующее: «Имей в виду, ванак, такая филигранная работа под силу лишь одному мастеру — Гефесту». Пойми, я уверен, не мог разбойник просто так отдать мне эту драгоценность. Да и настоятельница угаритского Храма Девы ведь наверняка знала, что серьги и скипетр связаны между собой. А значит, отдать украшение она тоже могла лишь человеку сведущему.

— Хорошо, давай договоримся так… — Нестор поднялся, — как только я уничтожу логово пиратов, сразу поворачиваю корабли на Скирос. Ну, а ты пока не теряй времени, вряд ли пираты смогут тебя выследить. А Климену всё время держи на виду. Даже если она и связана с разбойниками, ей не удастся передать им весточку. — Друзья крепко обнялись. Настал час

расставания. — Надеюсь, скоро увидимся. Удачи тебе, Одиссей!

Холодное хмурое утро застало галеру с нашими героями на борту в самом центре Критского моря. Ощущая неотвратимую поддержку осени, Зефир безнаказанно гнал от пелопонесских брегов нудную пологую зыбь. Нагулявшись на открытом просторе и набрав мощь, она длинными, бесконечными валами накатывала с Запада. Сам ветер уже почти скис, но поднятая им волна нещадно раскачивала сигарообразный корпус корабля, в бессильной ярости пытаясь вывернуть его вверх килем. Чтобы хоть как-то унять болтанку, корабельщики опустили рей, вынули мачту из креплений и, надёжно принайтовив, уложили рангоут вдоль бортов. Ничего не поделаешь, приходилось грести лагом к волновому фронту, что требовало от экипажа не только хороших навыков, но и немалых усилий.

«И-и-и раз… И-и-и раз… И-и-и раз…» — по команде давно сорвавшего голос келевста гребцы одного борта разом, будто пружина, распрямляли свои могучие тела, вытягивая и проворачивая на себя вёсельные вальки, чтоб набегающий водяной поток сам выталкивал лопасти на поверхность. Обычно ритм задавал флейтист, но сейчас, при бортовой качке грести приходилось вразнобой, терпеливо выжидая, когда очередной гребень покроет конец тяжёлого, длиной в двадцать локтей, ясеневого древка. Поэтому, когда левый борт дружно погружал весла в пучину, правый высоко задирал их концы над морем и наоборот. Все это, а особенно выкрашенные в белый цвет лопасти, с которых, весело искрясь, потоками струилась вода, создавало впечатление, что над бескрайним вино-

цветным простором, лаская крыльями гребни волн, парит сказочная морская птица.

— Тошниловка, — лаконично охарактеризовала ситуацию Афина. Причём именно при этом слове белый как мел Эвмей очередной раз перегнулся за борт.

— Афина, спускайся скорее вниз, кажется, мы нашли вариант прочтения пророчества, — раздался откуда-то из-под палубы зычный глас Одиссея.

Девушка стала быстро спускаться по почти вертикальному трапу в каюту наварха — на время перехода это помещение было превращено Лаэртидом в штаб. Эвмей хотел было последовать за амазонкой, но руки мальчика намертво впились в борт. Их уже не интересовали ни сокровища, ни тайны. Его тело больше не подчинялось разуму, оно было в полной власти бездушного морского владыки, который с каждой девятой волной требовал от желудка бедняги всё новых и новых жертв.

Тем временем в капитании разгорелся нешуточный спор. Дело в том, что всё утро Одиссей пытался извлечь максимум полезной информации из содержания древнего пророчества, предвещавшего богатство и власть обладателю скипетра. Самым удивительным оказалось то, что Елена и её служанка, оказывается, знали третью часть божественного откровения. Это четверостишие, написанное, как и другие, шестистопным ямбом, было вручено им с Клеменой настоятельницей Храма Девы и предназначалось для поисков скипетра. Теперь к известному с древности пророчеству и той части, что доставила из Египта Афина, добавлялся третий и, возможно, наиболее важный кусок. Одиссей решил, что этот фрагмент должен занимать центральное место в изречении. Герои собрались вместе и смогли наконец прочесть весь текст целиком. Он звучал так:

Дабы богов получить олимпийских совет,
Мудрого Миноса скипетр служит священный.
Власть обретет с ним софии любимец нетленный,
Чтобы бессмертным богам дать достойный ответ.

Три сочлени от ключа изумрудные части.
Слёзы Анат окропят символ власти сакральный,
Вместе сольются они в треугольник астральный,
Путь указав к достиженью богатства и власти.

К тайной пещере проход в Лабиринте найду,
Стану двурогим рабом у владыки морского,
Ключ от заветной двери подберу, чтобы снова
Знаний горнило могло переплавить руду.

Нависшую паузу прервал Лаэртид:

— Мне кажется, что фрагменты текста должны находиться именно в такой последовательности. Сначала описывается предназначение скипетра, затем говорится о том, как его найти, и лишь после этого древний автор или авторы дают руководство по применению жезла, который одновременно является ключом от какой-то тайной двери. Кроме того… обратите внимание, друзья мои: если поставить прочитанное Еленой четверостишие в центр, между старым и тем, что ты, Афина, привезла от священных порогов Нила, возникает некая грамматическая последовательность всех трёх виршей.

— Что вы имеете в виду, мастер?

— Первое четверостишие написано в третьем лице, следующее, соответственно, во втором, а третье — в первом.

Все ещё раз внимательно перечитали послание и убедились в том, что Одиссей абсолютно прав.

— По-видимому, эта грамматическая связь и является путеводной нитью, служащей для прочтения всего пророчества. Тем не менее в тексте остаётся ещё

много непонятных намёков и туманных мест. Например, я не понимаю, причём здесь слёзы богини Анат.

— О… это как раз очень просто, — вступила в разговор молчавшая до сих пор Климена. — И вы, девушки, прекрасно это знаете. Согласно древнему сказанию, ежегодно, когда Анат для воскрешения своего возлюбленного и брата Балу вынуждена поедать его плоть, чтобы затем возродить бога к новой жизни, она проливает слёзы. А они, согласно легенде, превращаются в изумруды. Как вы знаете, в моих серьгах находятся именно эти камни. Сакральный символ власти — это, конечно же, скипетр. А слёзы Анат, надо понимать, — изумруды в серьгах. Можно не сомневаться, что такой же смарагд, только гораздо крупнее, вставлен и в сам жезл Миноса. Значит, серьги и скипетр должны каким-то образом составить астральный треугольник и указать путь.

— Да, но у нас лишь одна серьга… — Елена грустно посмотрела на наставницу.

— К сожалению, это так, но можно быть уверенными, что вторая серьга обязательно вскоре появится, такие вещи не пропадают, они переживают века. Если не Пиймар, то кто-нибудь другой обязательно подобрал её, а значит, очень скоро мы снова о ней услышим.

Скирос встретил героев столь же неприветливо, как и в прошлый раз: с самого утра накрапывал противный мелкий дождь. Остров представлял собой изрядно всхолмленный и довольно обширный кусок суши, затерянный среди вод в самом центре Эгейского моря. Стоял он как-то особняком. Хотя его и относили к группе Северных Спорад, располагался он южнее и гораздо мористее основного архипелага. Населяли этот забытый богами уголок нелюдимые

долопы. Под стать хмурой обстановке и столь же неприветливым островитянам был, как говорят, и их царь — Ликомед. Учитывая это, Одиссей решил высадиться на немноголюдном восточном побережье, надеясь избежать встречи с аборигенами.

Как и предполагал Лаэртид, волшебный камень, скрытый в серьге, начал излучать слабое сияние ещё на подходе к острову. Когда же герои высадились на берег, изумруд стал мерцать сильнее, причём это сияние усиливалось при движении в южном направлении. Убедившись, что за ними не следят, Одиссей взял запас продуктов на два дня и в сопровождении Елены, Афины и верного Эвмея отправился вглубь острова. Климену, по известной причине, он тоже взял с собой. Пока её действия не вызывали никаких подозрений, и тем не менее Лаэртид решил послушать мудрого Нестора и держать всех, а особенно черницу, на виду, подле себя. Сопровождали путешественников лишь пять солдат-эпибатов. Остальным морякам было приказано дожидаться их возвращения возле корабля.

К полудню, пройдя около пятидесяти стадий, путники пересекли остров и вновь оказались у побережья. Это было глубоко вдающееся в сушу лукоморье где-то на южной стороне Скироса. Смарагд мерцал настолько ярко, что ни у кого не оставалось сомнений, что могила афинского героя Тесея находится где-то поблизости. Одиссей огляделся. Они остановились на высоком утёсе, позади шумел лес, у ног простирался обширный пляж, окружённый высокими скалами.

— Похоже, что именно здесь бесславно погиб великий афинский герой. — Лаэртид остановился, перевести дух. — По преданию, Тесей захотел взглянуть на землю, которую приобрёл ещё его отец Эгей.

Ничего не подозревающий победитель Минотавра подошёл к краю обрыва, а злокозненный правитель долопов Ликомед столкнул его вниз. Ужасная смерть, особенно, для такого бесстрашного воина, каким был Тесей.

— Но как мы найдём его могилу? — Афина подошла к Одиссею и тронула его за плечо. — Насколько мне известно, хоть долопы и похоронили Тесея с подобающими царю почестями, но по приказу своего нечестивого правителя сравняли с землёй погребальный холм, чтобы никто и никогда не смог найти, где захоронен великий воин. Боюсь, мастер, что на этот раз смарагд нам уже не поможет. Взгляните, его мерцание на пределе и не изменяется вот уже некоторое время.

— Не знаю, наверняка должен быть ещё какой-нибудь ориентир. — Лаэртид снова огляделся вокруг.

Повсюду, куда хватал взор, дыбились безжизненные скалы, а впереди за пологим мысом простирался бескрайний водный простор. Лишь у ног путников расстилался вышеозначенный пляж.

— Смотрите, смотрите туда! — Эвмей подбежал к хозяину и указал рукой вниз, к подножью утёса.

Там, прямо на земле, на вершине еле приметного холма, сидел огромный орёл. Он яростно рыл когтями землю, изредка помогая себе клювом. Не сговариваясь, все бросились по склону вниз и вскоре оказались на равнине. Заметив героев, птица с громким клёкотом взмыла ввысь и стала кружить над поляной, ревниво наблюдая за действиями людей. Раздав благоразумно прихваченный шанцевый инструмент, Одиссей приказал воинам аккуратно, пласт за пластом, снимать землю с холма. Могила героя оказалась не очень глубокой, и вскоре пика одного из солдат уткнулась во что-то твёрдое. Все бросились расчищать

мокрый от дождя грунт и… о боги! В образовавшейся яме покоился огромных размеров гроб. Рядом с ним лежали не менее внушительные медное копьё и рапирообразный меч.

— Прости, великий афинский герой, что мы потревожили твой прах. — Одиссей спрыгнул вниз, на дно захоронения. То, что могила принадлежит Тесею, сомнений больше не вызывало. — Ещё раз прости нас, правитель Аттийский! Видно, судьба наша — потревожить тебя… — и продолжил, обращаясь к спутникам: — Будем вынимать гроб, возможно, скипетр спрятан внутри.

Однако открывать крышку саркофага не пришлось. Как только он был очищен от налипшей грязи и извлечён на поверхность, все увидели, что под захоронением находится гранитная плита. Сдвинув её в сторону, Одиссей извлёк из тайника великолепной работы дубовый ларец, внутри которого и находился знаменитый жезл Миноса. Он точь-в-точь походил на серьгу, но был во много раз больше.

— Я до последнего момента не верил, что скипетр существует в действительности. — Лаэртид отёр перепачканной рукою проступившие на лбу капли пота. — Это невероятно! Взгляните, какая красота!

Елена, а вслед за ней и Афина спрыгнули вниз на дно могилы. Одиссей осторожно передал жезл в руки спартанской царицы.

— Смотрите, мастер, серьга совсем перестала мерцать и теперь горит постоянным ярким светом. — Афина протянула украшение герою.

— Зато вторая серёжка мерцает вовсю! — Раздался откуда-то сверху до боли знакомый исполненный сарказма голос, прерывающийся раскатами гомерического хохота.

Герои подняли головы. На скале в окружении двух дюжин отъявленных головорезов стоял Пиймар. Рядом с пиратом была Климена. Разбойник торжествующе держал в руке вторую серьгу, внутри которой предательски моргал зелёный огонёк.

— Прелестная вещица, не правда ли, хитроумный ванак, — крикнул он и со злорадной ухмылкой отдал украшение в руки служительницы Храма. Климена тут же вдела серьгу в правое ухо.

— Она безукоризненно указала нам путь к своей паре. — Разбойник опять расхохотался. Две дюжины луженых глоток, словно эхо, вторили своему атаману.

«Значит, они выследили нас при помощи второй серьги. Какой же я идиот! Как я раньше не догадался, что обе драгоценности имеют одинаковые свойства». — Одиссей оглянулся вокруг, лихорадочно ища путь к отступлению. Поздно, пираты были на всех скалах. Увлёкшись поисками, наши герои забыли об осторожности и позволили себя окружить. Верные эпибаты Нестора схватились за оружие и плотным полукольцом сомкнули щиты вокруг выбравшихся из ямы Одиссея и его друзей. Единственный путь к отступлению оставался со стороны залива. Сжимая в руках священный жезл, Одиссей и его «армия» стали пятиться к берегу.

— Как же так, Климена, неужели ты меня предала? — воскликнула Елена, отступая вместе со всеми.

— Что понимаешь в верности ты, изнеженная девчонка. Я всегда была предана лишь Храму Девы. Все ваши никчёмные жизни не стоят и мизинца великой богини. Лучше скажи сестре, чтобы положила вторую серьгу на землю и отошла назад.

— Если вы приблизитесь, я выброшу серьгу в море. — Афина подняла высоко над головой сжатый кулак.

— Без глупостей, там мелко, мы всё равно отыщем её. Вторая серьга всегда укажет нам верный путь к своей изумрудной двойняшке, — прокричал Пиймар. — Эй, Одиссей! Положи на песок скипетр и прикажи своим людям сложить оружие. Сопротивление бессмысленно, у меня тут две дюжины прекрасно вооружённых бойцов.

— А где гарантия, что вы сохраните нам жизнь, если мы выполним ваши условия? — Лаэртид старался потянуть время, а сам медленно отступал к воде, надёжно прикрытый эгидами верных мессенцев. — Афина, держи крепче серьгу, это наш последний аргумент.

— У меня её нет, мастер, — прошептала амазонка. — Когда этот придурок захохотал, словно малахольный, я подумала, что это боги спустились с небес, и выронила её. Она там, в яме.

С этими словами Афина вырвала щит у одного из эпибатов и бросилась назад, к могиле. Сверху засвистели стрелы, но валькирия, ловко прикрываясь эгидой, продолжала бежать вперёд. До ямы оставалось совсем немного, когда одна из пернатых молний всё же вонзилась бегунье в ногу. Афина упала на землю и, накрывшись щитом, попыталась вытащить стрелу из насквозь пронзённой икры. «Надо выручать бестию», — не успел Одиссей это подумать, как, схватив другой щит, на выручку сестре бросилась Елена.

— Кажется, настал и мой черёд, — с этими словами царь Итаки взял у одного из солдат лук и колчан. — Что ж, раз драки не избежать — начнём смертельную охоту.

Пернатые убийцы одного из лучших на земле стрелков полетели в супостата, да так метко, что очень скоро пиратам пришлось укрыться за скалами. Наконец бесстрашные амазонки подняли серьгу и начали

ретироваться. В этот момент со скалы буквально на голову сёстрам, совершив невероятный акробатический кульбит, спрыгнула чёрная монахиня. Боясь попасть в своих, и Одиссей, и разбойники разом прекратили стрельбу. Все с изумлением воззрились на разразившуюся у могилы Тесея битву времён матриархата. Жрицы-воины Анат сражались, что называется, не на жизнь, а на смерть. Мастерски орудуя двумя египетскими кинжалами, черница теснила Елену и раненую Афину. Смертоносные лезвия мелькали в воздухе словно молнии. Однако спартанка не уступала и ловко отражала страшные удары. Тогда монахиня отступила на шаг и метнула нож. Бронзовое лезвие в кровь расцарапало прекрасное лицо царицы и упало к ногам невольных зрителей. Воспользовавшись этим, лепокудрая красавица сделала глубокий выпад и наотмашь полоснула кинжалом. Вначале показалось, что нож рассек лишь воздух, но видать, на свою беду учила Климена воспитанницу: через мгновение она, судорожно сжимая перерезанную выю, хрипя и обливаясь горячей кровью, упала навзничь. Всё было кончено. Елена подошла к своей «доброй» воспитательнице и хладнокровно сорвала с её уха вторую серьгу.

Осознав, что противник не собирается сдаваться, более того, завладел всеми тремя артефактами, Пиймар сделал знак своим людям перейти в наступление. Одиссей и его друзья, прикрываясь щитами, отступали всё дальше и дальше к линии прибоя. Эвмей уже стоял по колено в воде. Их оставалось всего шестеро, двое солдат, пронзённые стрелами разбойников, уже бездыханно лежали на берегу. Отступать больше было некуда, стрелы закончились, дроты были брошены. Одиссей и гоплиты обнажили мечи, позади них с горящими взорами стояли бесстрашные ама-

зонки и совершенно беспомощный Эвмей. У пиратов не осталось сомнений, что герои будут драться до конца…

Вдруг среди разбойников раздались сдавленные возгласы, их сомкнутые ряды дрогнули, а вскоре одиссеева армия с облегчением увидела лишь бегущие спины флибустьеров. Напрасно стоящий на вершине утёса Пиймар криками и угрозами пытался остановить свою уносящую ноги ватагу. Оперённый рой стрел, перелетая через головы наших героев, уже разил пиратов безжалостной бронзой. Одиссей оглянулся. В залив под ритмичный плеск сотен вёсел входил флот Нестора: «И-и-и раз! И-и-и раз! И-и-и раз….»

Вечером у костра наши герои собрались отпраздновать победу. Теперь в их руках находились все три части скипетра. Внимательно изучив драгоценности, Афина обнаружила, что, если серьги вставить в специальные углубления у основания жезла, он становится похожим на ключ.

— Ну что ж, друзья, осталось найти пещеру, дверь в которую открывает скипетр. — Одиссей взял реликвию из рук помощницы. — Надо незамедлительно возвращаться на Крит. Ведь именно там, по преданию, среди меловых пещер горы Ида, находится каверна, в которой мудрый Минос беседовал с богами. Что скажешь, благородный Нестор?

— Видят боги, нам следует поспешить. Однако жаль, что так и не удалось обнаружить тело Пиймара. Но раз, Лаэртид, ты уверен, что пронзил злодея своей последней стрелой, мы можем больше его не опасаться. Все знают, что Одиссей — один из лучших стрелков.

— Клянусь Аполлоном! Можешь не сомневаться, мой мудрый друг, Пиймар больше никогда не будет тревожить твои караваны.

— В таком случае мы все вместе незамедлительно отправляемся на Крит. Необходимо выяснить, какую тайну скрывает священная пещера. Ты, Одиссей, возьми из моих людей самых лучших и составь новый экипаж для «Ивлии», которую я вчера отбил у разбойников. На Крит пойдём на ней и ещё на одном из моих судов, затем Афина и Елена отправятся на «Ивлии» в Египет. Пусть Агамемнон думает, что его корабль погиб по вине Паламеда, а в утешение мы вернём ему секретную диеру, она тоже досталась нам в качестве трофея. Её и весь остальной флот сегодня же отправим в Аргос, чтобы пленённые разбойники предстали перед судом.

— Но как тебе удалось так быстро прийти на Скирос, чтобы спасти нас?

— Как только я увидел, что Пиймара среди пиратов нет, я понял, что ты был прав и ему каким-то образом удаётся следить за вами. Остальное зависело от мускулов моих гребцов. Я очень спешил, даже пообещал экипажу месячное жалованье, если поспеем вовремя. Пришлось, правда, бросить на Крите все трофеи и снять часть имущества с кораблей, ведь каждый килограмм буквально висит на плечах гребцов. Но слава Посейдону, на этот раз мы пришли вовремя.

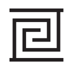
— Да уж, своевременнее не бывает, — подтвердил Одиссей. — Что ж, друзья, займёмся подготовкой к отходу и снова в путь, а завтра…

К тайной пещере проход в Лабиринте найду,
Стану двурогим рабом у владыки морского,
Ключ от заветной двери подберу, чтобы снова
Знаний горнило могло переплавить руду.

Глава одиннадцатая

ИДЕО АНДРО

Которой, впрочем, могло и не быть. По крайней мере, нам доподлинно неизвестно, что же на самом деле произошло в Идейской пещере[1].

Одиссей вошёл в образовавшийся проём. Перед ним открылось выдолбленное в скальной породе небольшое округлой формы помещение со сводчатым потолком. Ровный дневной свет освещал пещеру, но было совершенно непонятно, откуда он исходит. Никаких светильников или факелов на стенах не было. Он оглянулся. Дверь, вернее, отодвинувшаяся скала, совершенно беззвучно закрылась вслед за ним, не оставив и щели от давешнего проёма. Стены были обработаны не особо тщательно, но как-то удивительно равномерно, будто неизвестный архитектор, строго следивший за формой помещения, вовсе не придал значения самой поверхности. В то же время центральные части стен были отшлифованы до блеска. Одиссей подошёл ближе и коснулся скалы в этом месте. «О боги! Это стекло! Матовое темно-зеленое стекло». Никогда раньше ему не приходилось видеть, чтобы стеклянная поверхность имела столь внушительные размеры. Те небольшие финикийские игрушки или стеклянные флакончики для пурпурной краски из желез моллюсков, которые ему доводилось видеть ранее, не шли ни в какое сравнение с тем, что сейчас было перед ним.

В центре комнаты находился удобный стул с причудливо изогнутой спинкой, обтянутой каким-то не-

---

[1] Идейская пещера, Идео Андро — пещера, в которой, по преданию, царь Минос общался с богами.

известным материалом, впрочем, чем-то напоминающим кожу, только немного мягче. Перед сидением возвышался невысокий каменный постамент, похожий на жертвенник в храме. Везде было абсолютно чисто. Воздух был свеж, даже немного пахло морем. Тем не менее Одиссея не оставляло чувство, что сюда очень-очень давно никто не входил. Лаэртид сел, немного поёрзал и с удивлением обнаружил, что чудо-кресло свободно вращается вокруг своей оси. Слегка оттолкнувшись, он сделал два оборота, стены комнаты закружились перед глазами…

И тут он вдруг заметил, что на жертвеннике заморгал зелёный огонёк. Одиссей дотронулся до него. Это была небольшая стеклянная пуговка точно такого же цвета, что и изумруд на серьгах. Герой поднял руку, в которой всё это время сжимал скипетр. Вставленные в рукоять серьги тут же вспыхнули изумрудными огоньками. Несколько мгновений герой словно завороженный смотрел на это синхронное мерцание, пока не сообразил, что, чем ближе он подносит жезл к постаменту, тем ярче становится сияние огней. Присмотревшись, он увидел, что в идеально гладкой поверхности камня жертвенника имеется отверстие, точнее, три отверстия, соединённые между собой узкими прорезями. Одиссей вставил скипетр в щель, тот идеально, как ключ, вошёл в углубление и с низким урчанием втянулся в скважину почти до половины рукояти. Лаэртид потянул жезл назад. Куда там! Ключ, а именно так теперь выглядел символ власти над миром, надёжно застрял. Неожиданно большой изумруд в набалдашнике скипетра тоже начал мерцать, причём свечение это постепенно усиливалось. Ещё через мгновение золотая решетка, закрывавшая камень, раскрылась, словно лепестки тюльпана, кристалл засветился ярче и вскоре вспыхнул сочным ярко-зелёным огнём.

Одновременно с этим ожили стены комнаты. Вначале они тоже засветились множеством серых точек, а затем стены справа и слева стали вдруг прозрачными, и Лаэртид увидел берега того мыса, возле которого бросил якорь их корабль. Он подошёл к правому окну. Так и есть! Внизу, в центре лазурной бухты, стояла «Ивлия». Лодка мерно покачивалась на волнах, ощетинившись, словно ёж, пятьюдесятью двумя привязанными к скамьям веслами. Матросы, понукаемые командами и пинками старого келевста, деловито, как муравьи, сновали по палубе. Одиссей закричал и замахал руками, однако очень скоро понял, что на корабле его не только не слышат, но и не видят. Перейдя к левому окну, поскольку центральное по-прежнему светилось ровным серым светом, он увидел северный склон мыса и удовлетворенно отметил про себя, что, невзирая на долгое блуждание в лабиринте, довольно правильно определил ту точку, в которой теперь находится.

Вид, открывшийся изумлённому взору героя, был воистину достоин кисти живописца. Вокруг, куда хватал взор, расстилался безбрежный морской простор. Лазурная зыбь искрилась и переливалась мириадами солнечных зайчиков, мерно дыша под нестерпимо ярким светом набравшего зенитную силу Гелиоса. Где-то вдали, почти у самого горизонта, застыл в бесконечном движении караван судов. Одиссей с грустью вспомнил свою скалистую родину:

Кто из бессмертных, меня оковав, запретил мне возвратный
Путь по хребту многоводного, рыбообильного моря?
Тёмное море измерив, в отчизну хочу возвратиться,
Чтобы свой дом и семью, и богатства скорее увидеть[1].

[1] Гомер «Одиссея».

Он так засмотрелся на море, что не сразу заметил, как в центральном окне, которое до этого оставалось непроницаемым, появилась женская голова. О боги! Лик красавицы занимал весь овал стекла и был как-то неестественно велик. Золотистые курчавые локоны, свисающие из-под уложенной вокруг темени косы, обрамляли привлекательное, но строгое лицо. Решительность образа незнакомки подчёркивали тонкие сжатые губы и совий взгляд серых, светящихся умом глаз. От неожиданности Одиссей попятился, споткнулся и плюхнулся на сидение. «Богиня» улыбнулась и куртуазно заговорила на безукоризненном ионическом диалекте:

— Приветствую тебя, о потомок Сизифа, *муж многоопытный в бедах испытанный.*

Одиссею ужасно захотелось подойти и посмотреть, на чём стоит прелестное создание. Ведь, судя по виду из боковых окон, перед центральным проёмом была отвесная пропасть. Однако он отбросил эту абсолютно бестактную идею и поспешил ответить на приветствие, твёрдо решив ни чему больше не удивляться:

— Приветствую и я тебя, прекрасноликая богиня. Кто ты? И откуда знаешь моего мифического предка?

— У меня много имён… В Египте меня зовут Нейт, в Лидии — Асви, в Италии — Минерва. Вы меня называете Афиной Палладой, правда, сразу должна оговориться, что эта жуткая история, будто я сняла с Палланта кожу и ношу её вместо плаща, — чистая выдумка и не имеет ко мне никакого отношения. А то, что ты потомок хитреца Сизифа, — кстати, он был вполне реальной личностью, — сообщил мне компью…, ну, в общем, тот голос, что разговаривал с тобой перед входом в эту комнату. Эти данные он получил с помощью капли крови, взятой из твоего

пальца. Так что я довольно много про тебя знаю, а вот имя твоё мне неизвестно. Поэтому, если тебя не затруднит, будь столь любезен, представься.

Вспомнив неприятный укол, Лаэртид с досадой потёр безымянный палец левой руки.

— Я Одиссей, сын Лаэртов, внук Автолика и правнук Гермеса. Славный наш род управляет скалистой Итакой, волнами объятой, Дулихием, Замом гористым, а также Закинфом прохладнолесистым. — От волнения герой говорил чересчур напыщенно и почему-то в стихах.

— Выражайся проще, — улыбнулась богиня, — генеалогия ахейских басилевсов мне прекрасно известна. Одиссей, Одиссей… — «гневящий богов», что ж, весьма подходящее имя для потомка хитреца и разбойника. Тем не менее мы очень рады, что, наконец, появился человек, сумевший войти сюда, а значит способный общаться с нами, как это было во времена мудрого Миноса.

— Но кто вы?.. Боги?

— Увы, любезный Одиссей, должна тебя разочаровать, мы люди.

— Но как… — словно прорвало героя, — как удаётся вам проделывать все эти невообразимые трюки со скипетром, с этой волшебной пещерой? Что это за дурацкий говорящий шлем, который я вынужден был надеть на голову перед входом сюда?

— Не торопись, постепенно ты всё узнаешь, а сейчас просто поверь, что никакого волшебства здесь нет. Мы такие же люди, как и вы, но стоим на более высокой ступени развития. Двурогий шлем, который тебе пришлось надеть перед входом, это специальный прибор, который защищает пещеру от непосвященных. Минос величал его Минотавром, а мы его называем полиграф или детектор лжи. Он опреде-

ляет психофизиологическое состояние человека и на основе полученных данных делает вывод о его морально-этических качествах. Минуло уже два поколения после смерти нашего мудрого собеседника — Миноса, однако из двенадцати претендентов, вошедших в Лабиринт, ты лишь второй, кто сумел одолеть тест Минотавра и был допущен в Идейскую пещеру. Отныне, вплоть до твоей смерти, никто не сможет войти сюда, кроме тебя.

— Так значит, это и есть та самая пещера, в которой мудрый правитель Крита беседовал с богами, — скорее подтвердил, а не спросил сын Лаэрта. — Но разве может какая-то машина прочитать мои мысли, узнать, что у меня на уме? Ведь я легко могу солгать, обмануть её.

— На самом деле детектор лжи обмануть трудно, а для человека неподготовленного и вовсе невозможно. Он задаёт три типа вопросов: критические, нейтральные и контрольные. При этом с помощью различных датчиков считывается информация о твоём состоянии. Анализируя ответы и сопоставляя их с физиологическими реакциями организма, такими, как потовыделение или сухость во рту, частота твоего пульса и дыхания, степень мускульного напряжения тела и тому подобное, он делает однозначный вывод, в первую очередь, о твоей искренности и о твоих умственных способностях. От его внимания не ускользает обман, хитрость или злонамеренность. Он никогда не впустит сюда человека раздражительного или психически неуравновешенного. Однако самое главное — прибор контролирует биотоки твоего мозга. В этом смысле, можно сказать, что он действительно читает мысли.

— Ты сказала, богиня… прости, мне все же проще называть тебя так, что я второй, кто после Миноса

укротил вашего Минотавра. Первым, надо полагать, был Тесей.

— Верно.

— Что же произошло?

— После нескольких встреч он прервал общение с нами.

— Почему?

— Посчитал это безнравственным. Он был благородным человеком, но идеалистом. Мечтал о мгновенном процветании для своего народа. Мы предупредили его, что это невозможно, цивилизация должна развиваться постепенно, без скачков. Любая революция, с какими бы благими намерениями она не совершалась, несёт лишь кровь и разрушение. Тесей нам не поверил и выдумал, как ему казалось, идеальную форму правления — демократию, чем это закончилось, тебе известно.

— Так что же, власть народа невозможна в принципе?

— Конечно, возможна. Но, во-первых, это не идеальная форма правления. А, во-вторых, она пагубна на том этапе развития, на котором находитесь вы.

— Жаль, Тесей был великим героем, а погиб столь бесславно… Мне пришлось поломать голову, чтобы найти то место, где он спрятал скипетр.

— …

— Что же будет после моей смерти?

— Полиграф будет вновь определять того, кто может общаться с нами. Пока не отберёт достойного претендента. Но будет лучше, если ты сам заранее подготовишь себе преемника.

— Значит, вы бессмертны?

— По вашим меркам да. Мы живем, в среднем, около тысячи земных лет. Мне, к примеру, триста двадцать семь.

— Должен отметить, ты прекрасно сохранилась для моей прапрабабки, — попытался съязвить Одиссей.

Однако «богиня» ничуть не смутилась и достойно парировала выпад, устремив совиный взгляд на царя Итаки.

— Надо пить поменьше вина, мой многохитростный друг, возможно, тогда и ты проживёшь чуть подольше.

— Это вы тоже определили по составу моей крови?!

— Вот именно. Однако не будем зря тратить время. Я знаю, у тебя много вопросов. Постараюсь ответить на них, но учти, мы не боги и не занимаемся пророчествами на манер оракула.

Одиссей задумался. Всё, что он только что увидел и услышал, было совершенно невероятным. И всё-таки стоило воспользоваться приглашением прекрасной незнакомки и узнать побольше. Мысли лихорадочно громоздились в его голове, пытаясь выпестовать в своей среде самую сокровенную, самую главную. «С чего же начать?» Наконец на вершину хаотичной пирамиды вопросов выбрался наиболее естественный:

— Итак, вы не боги. Тогда кто?

— Как я уже сказала — мы такие же люди, как и вы. Наша цивилизация старше на десять тысяч лет. Земля, на которой мы живём, находится среди звёзд приблизительно там, где вы видите созвездие Большого пса. Уровень наших знаний позволяет совершать полёты между звёздами. Мы входим в большой межгалактический союз и отвечаем за контакты с молодыми развивающимися культурами в том секторе мироздания, где находится и ваша планета.

— Значит, богов нет?

— Я этого не говорила. Верить или не верить в богов — личное дело каждой свободной личности. Я, например, верю в существование высших сил.

Ведь если существует наша цивилизация, то почему не может быть суперцивилизации, для которой мы такие же дети, как вы для нас, и так бесконечно. Однако могу сказать точно, что представлять себе Бога как некую личность, создавшую мир и управляющую им, наивно и, по-моему, безнравственно по отношению к самому Богу. Мир слишком несовершенен и жесток, чтобы быть созданным с определённым намерением. Ведь если бог всеведущ и всемогущ, ему ничего не стоит уничтожить зло и утвердить вечное царство добра. Но раз зло существует, значит, возможны только два варианта. Первый: Бог есть, но он не всеведущ и уж точно не всемогущ. Второй: бог — это некая, в данном случае, совершенно безнравственная личность, которая в неведомых для нас целях проводит эксперименты с нашими душами. Мне бы не хотелось так думать о Творце. Скорее, Бог — это закономерность общего развития материи, которая неумолимо стремится к совершенству, к превращению в энергию, в дух. Возможно, что это и есть сама Материя, вернее, та её часть, которая уже стала энергией, духом…

— Кто был владельцем скипетра до Миноса? — Одиссей довольно бесцеремонно прервал впавшую в философствование «богиню».

— …Цари Атлантиды из династии, основанной Атласом. Но это было ещё до моего рождения. Атланты правили мудро, согласуясь с законами, которые мы им рекомендовали. Их остров, который располагался далеко на Западе, за столбами Геракла, достиг удивительного процветания. Однако тогда скипетр передавался просто по наследству от одного правителя другому. В результате на острове обострилась борьба за власть, начались кровавые войны. Очень скоро мы поняли, что такой способ наследования тайных зна-

ний не самый лучший и были вынуждены отобрать жезл у царей, чтобы найти другие пути просвещения землян.

— Значит, Атлантида всё-таки существует, и легенды о ней не выдумки, а сущая правда?

— Увы, Одиссей, существовала. Атлантиды больше нет.

— Что же случилось?

— Природный катаклизм. Большой тектонический сдвиг.

— Извиняюсь, какой?

— Крупное смещение поверхности земли, сопровождавшееся землетрясениями и разрушительными гигантскими волнами цунами. В результате этой катастрофы Атлантида опустилась под воду. Океан поглотил весь остров, оставив на поверхности лишь четыре небольших архипелага.

— А что стало с людьми?

— К сожалению, большая их часть погибла. Нам удалось спасти около десяти тысяч человек, их потомки живут сейчас в другом мире.

— Ты хотела сказать — на том свете?

— Нет, за океаном, на другой земле.

— Они благодарны вам.

— Увы, нет, потомки атлантов решили, что это мы наказали их предков и устроили конец света. Теперь они считают богов злыми и приносят им в жертву людей. Их цивилизация отброшена в своём развитии, как минимум, на пару тысяч лет назад.

— Но почему вы не вмешаетесь?

— Мы никогда не вмешиваемся, если есть хоть какой-то шанс самостоятельного развития. Сейчас это бесполезно, даже опасно. Их мир, безусловно, жесток, но, так или иначе, они идут по пути прогресса...

Возникла пауза. Одиссей обдумывал услышанное, Афина не мешала ему, понимая, как трудно человеку его времени переварить подобную информацию.

— Неужели эта золотая палка, — Одиссей пренебрежительно показал на жезл, — действительно даёт власть над миром?

— Конечно нет! Это всего лишь средство связи, ключ к возможности контакта с нами. Однако, как у любой древней реликвии, владельцами которой были исключительные личности, зачастую обладавшие огромной властью, вокруг скипетра возник ореол регалии, приносящей безграничную власть.

— Значит, я могу связаться с вами из этой пещеры?

— Да. Ты можешь прийти сюда в любое время и связаться с кем-нибудь из нас. За контакты с тобой отвечаю я, но если по какой-либо причине меня не будет, с тобой поговорит другой сотрудник. Мы обладаем огромной базой данных. Информация о жизни разных народов, о политической ситуации в государствах, о новых изобретениях, о погоде и многое другое через пункты автоматического наблюдения стекается к нам. На основе анализа этой информации мы можем дать тебе полезный совет. Если же ты нам понадобишься, мы свяжемся с тобой.

— Каким образом?

— В вашем мире постоянно находится наш посланник. Вы, греки, называете его Гермесом. Он всегда сможет найти тебя по перстню, который лежит в нише у входа. Надень его, когда будешь выходить отсюда, и старайся никогда не снимать. Если тебе понадобится наш вестник, поверни перстень камнем внутрь и сожми в кулаке. Пользуйся этим только в исключительных случаях. Гермес может быть далеко, однако так или иначе в течение суток он обязательно тебя найдёт.

— Интересно будет поболтать с прадедом… Афина, Гермес, с кем ещё из богов я могу общаться?

— С кем пожелаешь.

— Даже с самим Зевсом?

— Вот с ним как раз нет.

— Но почему?

— «Зевс» это наш корабль. В принципе, ты можешь пообщаться с бортовым компьютером, но это искусственный интеллект.

— Кто же у вас главный, Посейдон?

— «Зевс», «Посейдон», «Аид», — всё это название наших кораблей. В разные времена они посещали землю, поэтому люди и приписали им грозные эпитеты вроде: громовержец, колебатель земли или ужасный. А руководит нами Гера. Вот с ней ты когда-нибудь наверняка поговоришь.

— А кто такой Кронос?

— «Кронос», «Рея» и «Уран» — корабли предыдущего поколения, они давно утилизированы, в общем… их больше нет.

— А как насчёт остальных «бессмертных»?

— В нашем экипаже есть ещё несколько знакомых тебе по мифологии персонажей. Я, Аполлон, Артемида и Афродита являемся аналитиками, мы собираем и изучаем информацию о различных областях жизни и деятельности человечества. Гефест — главный механик корабля. Про Геру и Гермеса я уже говорила.

— А кем у вас числится пьяница Дионис?

— Никем.

— Как это понимать?

— Очень просто. Человечеству свойственно обожествлять не только положительные стороны жизни, такие как искусство, любовь, наука или ремесло, но и свои пороки, например война, раздор, похоть или

пьянство. Арес, Эрида, Эрот, Дионис и ещё множество других божеств — плоды вашей фантазии, увы, не всегда благой.

— Могу ли я рассказать своим друзьям обо всём, что здесь увидел?

— Мы не делаем никаких запретов на распространение информации, однако учти, что для многих она будет совершенно невероятной, скорее всего, тебе не поверят. Человек — странное существо. Большинство людей веруют в богов, ждут пришествия мессии, помазанника, однако, когда он появляется, этот самый христос, его, в лучшем случае, объявляют сумасшедшим. И тогда никакие чудеса не убедят неверующих. Наверное, людям больше, чем сам Бог, нужна вера в него. Поэтому будь осторожен, рассказывая то, что здесь увидел и услышал. Как определил детектор лжи, из тех, кто пришёл с тобой, только одна из двух молодых девушек, та, что постарше, способна воспринять это. Но пока что и для неё вход сюда закрыт. Только ты можешь вызывать нас. Кстати, как зовут твою очаровательную спутницу? По всем данным, кроме возраста, она тоже подходит нам. Можешь готовить её в свои преемники, если, конечно, ты не против.

— Её назвали в честь известной тебе богини Афиной, — с сарказмом ответил герой.

— О! Значит мы с ней тёзки. Очень мило со стороны её родителей.

— Боюсь тебя огорчить, но это ненастоящее её имя. Разве ваш умный полиграф не определил, что она лжёт? — продолжал язвить Одиссей.

— Если ты заметил, детектор лжи не спрашивает имени. Действительно, в её ответах было много вранья. Однако Минотавр безошибочно определил, что за этим нет никакой злонамеренности, а это главное.

— Что будет, если я случайно потеряю скипетр? — решил сменить тему царь Итаки.

— Сам скипетр вне этого помещения никакой ценности не представляет. Поэтому будет даже лучше в случае опасности избавиться от него. Если вдруг такое произойдёт, тут же вызови Гермеса с помощью перстня. Он доставит тебе другой жезл для связи. Однако не забывай, попав в руки корыстного человека, скипетр невольно может стать символом борьбы за власть. Это неминуемо приведёт к войне.

— Но здесь такой крупный изумруд. Он, наверное, стоит целое состояние… — Одиссей удивленно посмотрел на свою собеседницу.

— На самом деле это не изумруд, а игмеральд, — улыбнулась «богиня» и, заметив немой вопрос в глазах Лаэртида, пояснила: — Искусственный кристалл берилла с примесью окиси хрома.

Несмотря на объяснение глупое выражение не сходило с лица правителя Итаки. Было совершенно очевидно, что он ничего не понял. Тогда Афина попыталась упростить ответ:

— В общем, в нашей лаборатории мы можем очень быстро изготовить новый камень.

— Ты хочешь сказать, что… — растягивая слова, чтобы переварить услышанное, Одиссей наконец спросил: — Что вы можете изгото… то есть создать сколько угодно таких камней? — глаза потомка разбойников лихорадочно заблестели.

— Да, будь то смарагд, как в данном случае, или любой другой кристалл.

— Даже алмаз?!

Афина многозначительно промолчала. Возникла пауза. В нависшей тишине Одиссею даже послышалось, как у него в голове зазвенели изнемогающие под брильянтовым дождём золотые подносы…

— ...Но специалист без труда отличит синтетический камень от натурального, — безжалостно развеяла искусительница обуревавшие героя замыслы. Внук Сизифа посмотрел на неё словно обиженный ребёнок. — Правда, в вашем мире таких специалистов пока ещё нет, — как бы невзначай добавила Афина.

Ей явно нравилась роль Мефистофеля. Она с любопытством наблюдала за душевными муками собеседника и, очевидно, не сомневаясь в результате этой борьбы, продолжила:

— Мне казалось, что ты бескорыстный искатель истины. А ты, оказывается, обычный стяжатель сокровищ? Неужели я ошиблась? Не разочаровывай меня, Одиссей!

Лаэртид мотнул головой, как бы стряхивая с себя алмазный туман, и, окончив, наконец, вычислительный процесс, начал осознавать, что знания, полученные им в этой пещере, не сравнимы даже со всеми сокровищами мира.

— Поиск истины зачастую требует больших средств, — ухватился он за спасительную мысль, словно утопающий за соломинку.

— В этом, уж поверь, у тебя недостатка не будет. Обещаю.

— Что вам известно о жрицах богини Анат? — перешёл Одиссей к проблемам.

— Это страшное воинство, они несут тьму и разрушения, но мы не имеем никакого доступа к информации о деятельности Храма. Они умеют хранить свои тайны.

— Вам известно, что они ищут скипетр Миноса?

— Да, они ещё несколько лет назад завладели серьгами и стали искать жезл.

— Но как им это удалось?

— Серьги хранились у матери Тесея Эфры, но жрицы Храма Девы похитили их.

— Почему же вы их не остановили?

— Повторяю, мы никогда не вмешиваемся, пока ситуация не становится критической. Сами по себе серьги всего лишь дорогое украшение. Кроме того, нас устраивало, что их пропажа снова инициировала поиск скипетра, а значит и выбор претендента. Как ты понимаешь теперь, человек со злым умыслом, даже заполучив скипетр, не сможет проникнуть сюда. Поэтому, когда начались поиски жезла, Гера приказала нам ждать. Хотя, открою тебе секрет, мы с Гермесом втайне от неё немного помогали тебе.

— Что-то я не ощущал вашей помощи.

— А ты вспомни ту бурю, что принесла ваш корабль к скалам Скироса, где ты впервые увидел свечение серьги.

— Вы создали бурю?!

— На самом деле это не так сложно.

— Хороша помощь… Ведь вы могли нас погубить!

— Это исключено. Акватория воздействия была весьма ограничена, кроме того, ты не мог не заметить, как быстро прекратился шторм.

— Не так уж сильно мне это помогло. — Одиссею очень не хотелось прощаться с мыслью, что он нашёл скипетр самостоятельно.

— А орёл, что показал вам место захоронения афинского героя?

— И это вы! Но как?! Вы можете управлять птицами?

— Это был робот.

— ???

— Машина, механическое существо.

— Не понимаю, как возможно создать такое. Всё-таки вы боги.

— Чем раньше ты отделаешься от этой мысли, Одиссей, тем плодотворнее будет наше общение. Просто мы старше вас на десять тысяч лет… Но ответь теперь ты. Что известно тебе о Храме Девы и о его воинстве?

— Те безобидные девицы, что ждут меня за дверью, жрицы-воины Храма Анат в Угарите, причём младшая из них одновременно является царицей Спарты, из-за которой вот-вот разразится кровавая бойня…

— Но это невозможно. Они не могли скрыть эту информацию от детектора лжи.

— Значит, в Храме учат чему-то, что не может распознать ваш Минотавр, — не скрывая ехидства, сказал царь Итаки. Ему было приятно, что наконец и он смог чем-то удивить «богов». — Ведь он всего на всего — лишь телячья башка.

— Это очень важная информация, мне необходимо срочно сообщить Гере о том, насколько близко подобрались к пещере агенты Храма. — Афина не скрывала волнения.

— Да не волнуйся ты так сильно… — Одиссея буквально распирало от ощущения собственной важности. — Елене и Афине можно полностью доверять, если вы доверяете мне.

— То есть как?

— Я отвечаю за них. Они полностью порвали со своим прошлым, более того, их повсюду разыскивают агенты Храма. Им грозит смерть, поэтому мы с Нестором решили укрыть их в Египте в храме Амона-Ра. Что скажешь?

— Хорошая идея. Храм в Фивах — наш древний союзник. Главный жрец Амона тоже контактирует с нами. Тебе необходимо как можно скорей отправить девушек в египетские Фивы. Мы поможем им там укрыться. Ты не представляешь себе, насколько опасен Храм в Угарите для вашей цивилизации.

— Как раз прекрасно себе представляю.

— Ты бы мог изложить на папирусе всё, что известно тебе о Храме Девы.

— Я не умею писать… — смутился Одиссей, — но Афина, та девушка, что так приглянулась тебе, может.

— Прекрасно, попроси её сделать это, а затем вновь вернись сюда и просто приложи лист к этому экрану. Я буду очень признательна тебе за эту информацию, а чтобы не остаться в долгу, сообщу тебе то, чего ты не знаешь, но наверняка жаждешь узнать.

— ??? — Одиссей скептически воззрился на собеседницу.

— Там, в Лабиринте, когда вы все пробовали пройти тест Минотавра и садились на специальный трон, то ощущали лёгкий укол в палец. С помощью этого анализа крови мы определяем, чей потомок перед нами, так как владеем генетическим банком всех ахейских басилевсов. Так вот, кровь твоих прекрасных спутниц идентична твоей.

— Что это означает?!

— Не знаю. Подумай сам, недаром же тебя величают умнейшим из мужей. А сейчас прости, мне надо торопиться. Не забудь взять перстень для связи с Гермесом. Прощай, Одиссей!

— Постой, а как же?..

— Что? Ах, да… извини, я совсем забыла. При выходе из Лабиринта справа есть грот неприметный, его ты найдёшь по *широкосенистой маслине,* что выросла подле. Там за гранитом огромным уж ждёт *и нетленная медь, и богатые платья, и злато*. Если захочешь ещё, обратись поскорее к Гермесу, тебе он доставит богатства любые. Но не забудь, что сокровища эти только несчастья приносят бесстрашному сердцу.

— Но что я отвечу друзьям? Откуда богатства такие?

— Даром богов назови, если хочешь сокровища эти. Люди поверят тебе. *На земле ты меж смертными разумом первый, также и ловким умом и на хитрые вымыслы годен...* Ну, а теперь Одиссей сын Лаэртов прощаться нам должно.

— Теперь понятно, кто составляет эти древние пророчества.

«Богиня» весело засмеялась, и экран погас. Царь Итаки остался один. За стёклами остальных экранов смеркалось, однако Одиссей не обращал на это никакого внимания. Он ещё долго сидел перед жертвенником-пультом и размышлял. Внезапно его думы были прерваны низким урчанием, ключ выдвинулся из камня, лепестки сомкнулись вокруг изумруда, перед Лаэртидом вновь был скипетр Миноса. Герой встал, вынул жезл из щели, надел перстень связи с Гермесом и решительно вышел из пещеры Идео Андро, как величали Идейскую каверну прорицатели и жрецы.

ЭПИЛОГ

Лишь только Одиссей вышел из Лабиринта, друзья тут же обступили его и буквально засыпали вопросами. Но царь Итаки молчал. Впрочем, мудрый Нестор не участвовал в расспросах и спокойно сидел на камне у входа, задумчиво ковыряя посохом землю.

— Ты ничего не хочешь меня спросить, мой мудрый друг? — отмахнувшись от остальных, словно от назойливых мух, вопросил Одиссей мессенского правителя.

— Я слишком стар для этих тайн, Лаэртид, мне не под силу тот груз, что ты взвалил на свои плечи. Раз пещера открылась перед тобой, значит, ты один этого и достоин. Уверен, что ты употребишь полученную силу во благо людям. А расспрашивать тебя всё равно, что спросить Прометея, зачем он похитил огонь.

— Благодарю тебя, геренский всадник, твои слова мудры, как всегда. — Одиссей оглядел притихшую свиту и тоном, не терпящим возражений, продолжил: — Афина и Елена, сейчас же грузитесь на корабль и отправляйтесь прямиком в египетские Фивы. Там обратитесь к верховному жрецу храма Амона-Ра, он всё знает и спрячет вас до поры… И никаких возражений! От этого зависит не только ваша жизнь, но и судьба всей Эллады. Вон в той пещере, — Одиссей указал направо, — за гранитной скалой лежат деньги и другой богатый скарб. Проследите, чтобы всё было погружено на ваше судно. Вы можете распоря-

диться этими сокровищами по своему усмотрению. А ты, Эвмей, быстро перенеси мои вещи на корабль Нестора, мы отправляемся в Аргос: предстоит нешуточный разговор с Атридами. Надеюсь на твою поддержку, мудрый Нестор.

— Можешь не сомневаться, благородный сын Лаэрта. — Старец тяжело поднялся и стал медленно спускаться по тропинке к пристани.

— По какому праву, Одиссей, ты распоряжаешься нами? — возмущению Елены не было предела. — Ты, наверное, забыл, Лаэртид, что я царица Лакедемона.

— Скажи, Афина, — не обращая внимания на кипящую возмущением спартанку, обратился Одиссей к своей помощнице, — помнится, ты говорила, что вам неведомы ваши родители, и вы не знаете, откуда вы родом.

Девушка кивнула.

— Ещё ты рассказывала, что вас продали в угаритский Храм Анат финикийские купцы.

— К сожалению, это так, Лаэртид.

— Неужели у вас не осталось ничего, чтобы могло бы свидетельствовать о вашем происхождении.

— ???

— Ну, не знаю, какой-нибудь медальон или перстень.

— Боюсь, что ничего, — девушка грустно опустила глаза.

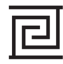
— А как же та игрушка из вулканического стекла, что сохранилась у тебя с детства, и которую ты подарила мне при расставании. — Елена посмотрела на сестру. — Я всё время ношу её с собой. Вот она. — Царица Спарты протянула руку.

— Ну вот и доказательство моего права распоряжаться вашей судьбой, — с радостью сказал сын Лаэрта и крепко обнял девушек.

На раскрытой ладони лепокудрой красавицы лежала обычная, каких тысячи, фигурка священного египетского жука из тёмно-зелёного обсидиана, но для Одиссея это был самый желанный скарабей на свете, ведь у него была отколота одна лапка…

Лейпциг, 2005 — 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

Павел Ивлиев

ТРОЯНСКИЙ ЛАБИРИНТ

Мифологический детектив

Корректор *А. Лев*
Макет, верстка *Т. Лев*
Обложка *Е.П. Гончарук*
Выпускающий *А.М. Агбунов*

Подписано в печать 25.02.08
Формат 84×108/32
Печать офсетная.
Тираж 1 500 экз. Заказ ....
Бумага газетная. Гарнитура «Баскервиль»

